

Александр Эйпур

за други своя

добровольцы

Предки отправились осваивать глубины вселенных, пока они там помогали попавшим в рабство, на родную Землю напали полчища врагов и поработили население. отняли всё: язык, обычаи, веру и русских богов, навязали греческих, затем ввели христианство. Память о славном прошлом утрачена, псевдо-история и праздники — всё от врага. А новые поколения даже не догадываются, что живут на положении рабов.

Клич бросили по всей вселенной русы: Земля в рабстве! И собираются добровольцы. Обучаются — чтобы выступить на помощь старой Земле.

Часть 1

Тысячный читатель, подай о себе весточку. Разговор есть.

1

Повезло же мне родиться в крепости Тобол. Так-то, семь раз воплощался на Марсе, пока его не захватила Темень. Нас теснил враг, обманом и дипломатическими методами, — вот какое оружие себе нашли, чтобы нас выселять всё дальше и дальше от Земли. Поэтому и я родился не в своём Роду, тут уже выбирать не приходилось.

Самое главное — что всё сделали верно, по обычаям предков, получил родовое посвящение через объятия Света, упал на Землю, затем вдохнул Воздуха и был опущен в Водную стихию. Планета узнала о моём рождении, взяла на заметку. Шёл год бога Хорса, среди родившихся в лета его правления частенько рождаются полководцы, музыканты и поэты. Собственно, в любое лето рождаются те, кто больше нужен.

В семье нынешней у меня оказалось двадцать восемь сестёр, половина уже замужем, другая половина выказывала столько внимания, что со временем мне всё больше и чаще хотелось побыть одному.

Отец был счастлив, и на радостях закатил пир, какого на Тоболе прежде не видывали. Как рассказывали сёстры, взял в аренду корабль и закупился на ему известных базарах, самый дальний в шести днях лёту. Половина крепости хорошенько запомнила, что на свет у БогаЯра родился сын БороГор, высчитывается настоящее имя по календарю богов.

Юность особо ничем не примечательна, как у всех на Тоболе. Будущий хозяин изучал все мужские навыки, от сотрудничества с почвами до воинских дисциплин. Звание мастера ты получал, как только осваивал сорок специальностей, одну за другой сдавал работы, как экзамены. Среди старцев, оценивающих изделия, у меня появились учителя, кто приглашал позаниматься у каждого, в свой час. Но главные знания мне преподавал отец, от его забот я тоже начал однажды уставать. Про женитьбу мы договорились сразу: не раньше двадцати четырёх; это в мирное время обычай требует более тщательной подготовки, после тридцати и даже сорока — по старому правилу.

Пока же, находясь на особом положении в семье, я много времени проводил со сверстниками. Не по картам мы изучали крепость, а ножками. Во времена Великих Воинов крепость называлась иначе. Первая часть — Ирий, это имя многое говорит русам, а вторую часть не принято произносить вслух, ибо можно повредить основам крепости. Имя Тобол пришло к нам вместе с великанами. На Земле, после гибели вождя, местная чернь взялась за них, потом за долгожителей, кто отказывался принимать паспортную систему. Паспорта нужны рабам, кто готов жить по за-Конам, не ведая истории, речи, обычаев предков.

Сегодня про Тобол чаще говорят, как о планете великанов, нас как бы и нет. Когда отец

объяснял обстановку на мировом фронте, посвящал в тонкости, как обманом покоряются планеты, вместе с населением, то и у меня открылись глаза на многое. Стало быть, детство минуло, пора отблагодарить родных и всех, кто принимал участие в моём становлении. А пользу можно приносить, не только проживая на Тоболе. Для знакомства с соседями, учителя собирают группы и переправляют на одну из планет. Народы, от которых можно ждать неприятностей, порядком изучены, поиск таких же продолжается. Не поживёшь рядом — не узнаешь, опять же, и для собственного развития, приобретения навыков... В жизни навык пригодится, не за плечами носить.

2

Уже не мальчики, каждый из нас способен выжить в условиях, где есть Свет, твердь под ногами, Воздух и Вода. Четыреста добровольцев, кто счёл нужным испытать себя вне родной крепости, прибыли в порт. По этому случаю службы собрали временные трибуны, провожающие разместились ступенчатыми рядами, обзор превосходный. После краткого напутствия старцев, мы получили несколько минут для прощания с родными.

— Что сказать тебе, сын? Кажется, уже всё сказано, остаётся только повторить главное. Не лезь на рожон. Помни, тебя ждут на Тоболе. Раньше не хотел пугать, теперь время, потому как другой возможности... не скоро представится. Сам видишь, знаешь, какие сложные времена выпали. В моём детстве к Тоболу не осмеливались подходить вражьи корабли. С помощью дипломатов, нас лишили некоторых прав, как на свободное от чужаков пространство. Мы-то знаем, что враги, но запретить им захаживать совсем уже не можем. Везде суют нос... — Отец поднял глаза в небо. Я тоже разглядел корабль, прикинул расстояние. Какой мерой мерить, — если в километрах, как на Земле, то семь с половиной.

Отец, пока принимал поздравления, знакомые и учителя поспешили с благодарностями — мол, хорошего сына вырастил, мы всем добровольцам будем оказывать помощь, пусть только вернуться живыми, — и немного непривычно, что за отправкой наблюдает враг, как бы случайно сегодня завис над портом.

— Они нас снимают, как думаешь? — Я почему-то был уверен, однако уточнил.

— Само собой. Возможно, фиксируют каждого добровольца, чтобы, столкнувшись лицом к лицу, не размышлять, кто перед тобой.

Я на всякий случай огляделся. Мама не придёт провожать, об этом мы договорились вечером. Семейным советом решили: ведь не дашь гарантий, что не расплачешься?

— Вот не ручаюсь, всё может случиться.

Сёстры почти все, кроме одной. Рожать ей сегодня, в день расставания.

На какой-то миг я разглядел знакомое лицо. Одним глазком взглянуть — кто помешает?

Крепкое рукопожатие, толчок в плечо, — пора.

— Девы взошли на борт, пора и нам, — организатор сновал между кучками родных, — нужно до полудня выйти.

— До встречи! — я сложил ладони в боевую пару и воздел над головой. Добровольцы создали небольшое скопление у трапов. Немного непривычно, что все в одинаковой форме, сшитой по единому образцу. Сёстры постарались, снабдили берегами.

Сорок ступеней, командир и штабной при входе.

Когда нам крутили фильм о порядках вне Тобола, мне тоже момент бросился в глаза: там, где другие порядки, принято фиксировать число воинов, поднявшихся на борт.

У нас не записывали, память пока не повреждена. Что будет завтра — надо быть ко всему готовыми. Облучение частотами — враг не стесняется в выборе средств.

Солнце подсказывало: до полудня считанные минуты. За мной поднялись ещё двое, люк плотно сел в гнездо. Отрыв от тверди, как в прошлый раз, я ощутил каждой клеткой тела. Тончайшая нить связи с родиной натянулась до предела и стала истончаться.

Цепляясь за поручни, добрался до места. Кресло с номером «семнадцать». Всё верно, число Хорса.

3

Парни по соседству начали общаться между собой. А ведь могли застрять в планшетах. Я освободил свой планшет из зажимов, запустил. Экран утешил окном: «Пока на прослушке, никакой информации».

Подумалось: двенадцать кораблей дойдут до известной точки, оттуда разлетятся во все концы. Или нас ТАМ тоже ждут?

Полчаса спустя, мы вышли в точку. На главном экране, над входом в рубку, прояснилась вся картина. Около сорока посудин вызвались сопровождать до места назначения. Как известно из курса, нас ограничили в скорости, ввиду сложности движения в районе нашего влияния. Ограничения касаются всех. Мощность двигателей известна, предельная скорость — тут никаких неожиданностей, всё по расписанию. Правилами даже оговорены координаты точки, откуда мы можем отправляться по своим делам. Нас насильно подчинили ИХ порядку, наша сторона, в лице старцев, посоветовала их принять. Как сказал отец, мы будем придерживаться правил, пока они нам не дадут повода выйти из договора. А там — ищи ветра в поле, уже по своим нуждам. Многих бесит это соглашение, обе стороны громогласно озвучили, что всё делается к обоюдной пользе. Вне зоны нашего влияния — делайте, чего душа ни пожелает, притом, не забывая согласовывать маневры с центрами, в чью зону влияния вы вошли.

На инструктажах многое предельно понятно и ясно: ЭТИ, кто навязал нам условия сами скоро выдохнутся и начнут нарушать. Наше дело — зафиксировать и тотчас объявить о выходе из договора.

Помню, посыпались вопросы:

— Но если они знают о такой возможности, станут ли рисковать? Им же проще придерживаться буквы договора — ради того, чтобы нас стреножить.

— В том-то и дело, что всем мирам навязан единый реестр, пока мы значимся не воюющей стороной. Официально — постоянной, профессиональной армии, как у них, мы не имеем, поэтому условно приравниваемся к гражданскому населению.

— В реестре том есть недвусмысленная сноска.

— Я очень рад, что не прозевали. — Инструктор пробежал по лицам добровольцев. — При наличии армии, хотя бы из двух воинов, они обязуются установить на планете своих наблюдателей.

— А со временем, пункт наблюдателей превращается в военную базу.

— Именно так и происходит. И нам это не подходит. Секреты воинского искусства пусть же останутся секретами.

— Скорей бы уж!

— Терпение, молодые люди! Всему свои сроки!

— Так вот почему наша сторона согласилась с их условием?

— Пришлось. Они сами установили шпионское оборудование, говоря: раз вы не готовы к боевым действиям, то вам нечего бояться. Это уже мы обезопасили себя на данном уровне, при нынешней расстановке сил.

Помню, меня просто впечатлили ролики из мест, где кипят настоящие сражения. Сердце подпрыгивало от радости, когда целая эскадра превратилась в пыль. Главное ОКО около десяти лет добивалось в Совете признания факта превышения силы, посланники сновали по «городам и весям», подбирали ключики к дипломатам и склоняли на свою сторону, перед повторным голосованием. И добились-таки своего. На тот позорный Совет прибыли представители жречества противника, выслушали доводы и обещания. Смысл заявления их, слово в слово повторял недавнее заявление, по такому же почти инциденту: «Доказательства нарушения вашей стороной собственных правил реестра вам предоставлены. Ваша реакция нам уже безразлична, после первого случая. Мы ещё раз уступим, пойдём навстречу, но третьего раза не будет!»

И жрецы эскадру ВЕРНУЛИ.

Эксперты облазили каждый угол флагмана, исследовали флот до последней соринки в пылесосах, — никакого подвоха! Все живы и здоровы, в своём уме, и главное — у нас снова в распоряжении целая эскадра, готовая исполнить любой приказ!

Но не прошло и полугодя, как в эскадре пошли чистки. То ли бунт среди офицеров случился, то ли обычная подозрительность (раз побывал в руках врага) — по какой-то причине весь высший состав был списан, службами было затеяно следствие, которое, вполне ожидаемо, заявило о заговоре против подчинения реестру. Покушение на святая святых — самое модное обвинение, после которого все сомнения отметаются не глядя.

Вскоре, на флоте опять начались волнения, несколько поумерив пыл блюстителей норм, и Главное ОКО на время ослабило удавку, выделило ряд свобод, которые даются на планетах всем, по праву рождения. Самая же преданная Делу часть служб впряглась в безсонные будни слезки, стараясь вычислять в среде подрастающего поколения офицеров, кто способен в будущем на непредсказуемые решения.

А противник, не ожидая такого подарка, получил передышку. Вот в такую передышку я и родился.

4

С любопытством я наблюдал на реакцией парней. Пусть не в логове врага, но под его неусыпным глазом, — каково это? Постоянное сдерживание мыслей, эмоций, какие неизбежно начинают одолевать вдали от Тобола. Здесь уже никто не застрахован от излучений. Какие мысли пытаются навязать операторы — испытает каждый на себе. Они ищут лазейки, слабину. И, кажется, первый набор — что-то о личном счастье: быть хозяином своему времени, никаких обязанностей перед кем-то, а продолжение рода можно достичь, не имея обязательств... Глубоко копают!

Получив мысленное разрешение от незримого пилота, я приблизился к иллюминатору. За стеклом — картинка, не раз рассмотренная нами как бы из уст инструкторов. Противник всеми силами стремился ежесекундно доказывать, что он всё ещё в силе, ничего не утратил из того, чем ещё не так давно мог хвастать, без преувеличения.

На каком-то из занятий поднималась тема коррупции в высших эшелонах власти. На примерах четырёх планет, мы своими глазами увидели её результаты. Бездари занимают малые посты, потом подтягивают себе подобных и начинают штурм более высоких ступеней. Штурм продолжается до упора, ограничивающего доступ к верховной власти количеством постов. Общество подвергается нескольким испытаниям, и пирамида рушится; население, наученное горьким опытом, меняет подход к выбору тех, кому готово вручить власть.

Корабли сопровождения прибывали и прибывали, кто-то сильно хотел

перестраховаться.

Из рубки показался один из пилотов. Нашивки — ну, с этим у меня пока плохо, не вникал, из-за слишком плотного графика подготовки. Со временем, всё в свой час.

На удивление, пилот приблизился и замер у соседнего иллюминатора.

— Не много ли пастухов у нашего стада? — Я попытался навязать разговор.

Он улыбнулся.

— Ещё и не такое увидишь, опыт штука заразная. — Он перевёл взгляд на свору. — Некоторых будешь знать по именам, узнавать название корабля по профилю. И, конечно, будешь бороться с раздражением. Смотришь на эту банду, прекрасно понимаешь, что ничего хорошего оттуда не прилетит, но должен сохранять лицо. Мы, дескать, вас ни в чём не подозреваем, пока своими делами не докажете обратного.

— И скрипеть зубами?

— Ни в коем случае. Ты — простой зритель, удобно устроился в кресле и следишь за потугами актёров. Они стараются играть положительные роли, а ты просто уверен, что это игра, условия выживания у них такие.

Вспышка в группе за бортом — как сигнал.

— Все по местам! Дали добро на старт. Как тебя по имени?

— БороГор.

— Меня запомни, как Рулевой. А для сведения, ну, чтобы стать поближе к теме, обрати внимание, кого привяжут в сопровождающие.

— А какая разница?

— Мы не должны отрываться, должны находиться в пределах видимости.

— То есть, пешком ходить?

Рулевой кивнул.

5

Территория ещё наша, да условия чужие. Было время, космические аппараты осваивали, — как тут ни испытать полёты на предельных скоростях?

ЗАПРЕЩЕНО.

Я хохотнул про себя. Поставил себя на место пилота, которого ограничили: «Не выше сорока единиц на прямых участках!» По техническим характеристикам, производитель пообещал не менее двухсот восьмидесяти.

Наблюдателей всё равно приставили, хорошо — без доступа на Тобол. Что сказать? При хорошей оптике, личное присутствие не обязательно. Скрипите зубами, — видимо, это единственное удовольствие для наблюдателей, за неимением других возможностей.

Мыслями я всё ещё пребывал на Тоболе. Знакомство с великанами пошло на пользу. Я познакомился с семейной парой, поначалу отношения не заладились, когда ж учителя сообщили, что преподавать предмет история никто нам не будет, нечего терять время, тут мы и заволновались.

— Кому? — у меня вырвался вопрос.

— Нам. Кому очень интересно, ступайте к великанам. Сумеете расположить — они вам, на примерах Земли, многое покажут и расскажут. Раз история кружит вокруг единого центра, то все события повторяются с краткими периодами, пусть и на новом уровне.

Великие Воины покинули Ирий, и сомневающиеся сразу запаниковали: как? Ведь нас оставили без защиты! Как говорил отец, старцы взяли на контроль паникёров. А где ваша вера? Или вам достаточно пищи на столах и под окном? Тут стоит запустить, и следующее

поколение прирастёт числом сомневающихся. Рубить под корень худую траву, иначе потом хлебнёшь горя, откуда не ждали.

Целой группой стали похаживать на восток, к великанам. Рост изумлял на первых порах, да быстро привыкаешь. Насколько мы разные — и говорить не стоит. Они медлительны, а беседы настолько утомляют, что молодым некогда терять время, столько всего впереди. Это потом, чуть попривыкнув, разобрались. Медлительность — это наследие веков. Концентрация мысли в малом выражении. Помню, я спросил, почему на них власть объявила охоту, с каких мест началась и куда докатилась. Большой так и ответил:

— Отравили вождя — за нас взялись. Сибирь очистили, — мы из тех, кто спасся переходом.

Поскольку нас многое интересовало, Большой обнаружил свой интерес. Вы, мол, все вопросы сыпьте, я постараюсь объединить и уложиться в два-три предложения.

Тут и дошло: человек за тысячу лет больше молчал, не тратил Силу на пустое, а самосовершенствовался. Дожил сперва до трёхсот, после уже годы не считал, втянулся. С его слов, прозвучало как обвинение любой системе управления: кормят не тем, лечат не так, учат не тому. По его сведениям, на Земле ещё хуже теперь.

— Ты давно там был? — Кажется, я задавал слишком много вопросов.

— На прошлой неделе. Могилу брата навещал. Ему бы помочь — шаманов знакомых не осталось. Он же целёхонький, после трёхсот тела не подвержены тлению.

— Значит, ещё действуют старинные порталы?

— Не все. Частью захватчик порушил, для себя кое-что оставил. У них же с Марсом связь, оттуда приказы идут на Землю.

Не особо задумываясь, я стал накапливать информацию по Земле. Уразумев, что у меня не простой интерес, сосватал меня жене своей. Вот от Гульмы узнал побольше, да и с речью у неё почти нет затруднений. Поёт какие-то очень древние песни, слова редкие, а больше вовсе незнакомые.

Лишь договорился с Большим, на два месяца ушёл из дому. Уж погуляли мы по той половине Тобола, куда ходить вроде не желательно. Старцы намекали: у них своих дел по горло, а ещё вы, со своими вопросами.

Но мы же должны интересоваться колыбелью человечества, откуда русы отправились осваивать чужие солнца! Мне говорят — не время. Человечество проходит главный урок, будет большой отсев, и переход в четвертое измерение планеты ещё ни о чём не говорит. На Земле совместно и одновременно проживают те, кому и в аду нет места, и те, кто вечно в сомнениях, на чью сторону переходить. Светочи тоже есть, да их так мало, что выговорили отсрочку. Чтобы ускорить процесс, и пошли испытания, одно за другим. На Земле нынче очень критический момент.

Но как заполучил согласие, то шестьдесят дней пробыл в краю великанов. Наученные горьким опытом, у нас они сразу выстроили параллели, куда могут уйти, в случае опасности. Говорят, что с орбиты за ними тоже присматривают, и кто-то усмотрел возможность возить туристов. Пока с соседних планет, без права посадки. Летайте, снимайте на свои накопители.

Гульма как-то прониклась ко мне, почуяла родственную душу, что ли. Мы с ней общались через день, пока Большой оставался на хозяйстве либо участвовал в проектах по благоустройству. Свою половину соседи старались превратить в копию далёкой Сибири, с её немислимыми и восполняемыми запасами чудес. Пещеры, тоннели, места для залегания в

спячку, — они это положение называют сном богатырским. Большой сам недавно проснулся, отдохнул как никогда. Однажды, ещё на родине, он проспал целых пятьдесят лет, чем удивил родных и знакомых. Ему уже приготовили кличку — что-то на уровне «сонилежебоки», однако, трудами своими снова удивил, так прозвище даром и пропало.

С его плеча обозреть красоты — редкое удовольствие. Держишься на веревочку на его шее и шарись по сторонам. Так и подумалось: почему так нравятся горы, водопады? Такие удивительные и неповторимые проекты... Всё-таки, повторимы, раз воспроизвели в подробностях. Глянешь сверху — и понимаешь: этот склон сделан с умыслом, чтобы какой охотник за самоцветами передумал соваться. На Земле про великанов прежде знали, что живут, это не сказки. Знали и про камни редкие. Одному человеку ничего не дадут, а другому так и подскажут, подарками одарят.

Здорово же на Земле устроено! Ходил бы и любовался.

— Некогда людям любоваться, не до того. — Гульма, в те дни, когда меня выгуливала по просторам, давала пояснения, подводила так, чтобы задавал нужные вопросы.

— Не поверю!

— Их согнали в города и доят, как животных. Силушку крадут, время.

— Сколько же там живут? Сто пятьдесят?

— По-разному.

В продолжительных прогулках по горам меня не раз посещала догадка, что она решила посвятить себя моему воспитанию. Быть может, я кого-то ей напоминал. В своё время, она не подарила тому человеку то, что могла, теперь на меня сыпались подарки.

Часть 2

Часть вторая

1

Каково это — знать, что за тобой наблюдают, не спросясь? Кажется, я понимаю. Нам дают возможность самим разобраться, что значит быть под колпаком. Условно говоря, кто-то, не церемонясь, присутствует рядом, днём и ночью. Не вмешивается, вроде, не отвечает на вопросы, но хочет приучить к необходимости присутствия. И днём, и ночью, в любую погоду.

Сопровождение на связи с пилотами, что за развалюки нам достались? Не то, так то, и сразу просьба в виде приказа: «Заглуши двигатели, у нас тут обстоятельства».

Рулевой выглянет в салон, оценит реакцию.

— Почему на лицах неудовольствие? Дорога дальняя, на головы не капает. Поищите, чем занять себя.

— Для чего испытывают наше терпение? — высказались наши.

— В этом вопросе уже есть ответ. Они изучают нас, кто нам мешает?

— Так грязные же методы!

— Это то небольшое, на что они способны.

ЛадоПер — мой друг и сосед по Тоболу, предложил:

— Пусть пустят меня, я посмотрю, что у них там вечно ломается.

Рулевой затаил улыбку:

— Моё дело передать, только ответ будет таков: у вашего специалиста нет диплома.

— А если я починю?

Тут уже я не удержался:

— Ты до сих пор не понял? Они тянут время. Допустим, отремонтируешь, они посидят,

подумают — что бы ещё сломать?

— Гады!

Рулевой утвердил согласие жестом, пальцем как бы зафиксировал: с тобой все согласны, не согласны с твоей реакцией.

— А на буксир их взять? — Ладопер поднялся на ноги и прошёл к иллюминатору. Сам удивился: — Я их вижу справа, а по идее — они должны быть далеко сзади.

— Свойства стекла. Любому предмету мы может задать новые свойства, если навыками владеем.

Конечно, нашу помощь отвергли, мы слышали весь диалог, с помощью основного монитора. Рулевой театрально развёл руками, дескать, я предупреждал.

Но вот сопровождение справилось с поломкой, разрешили двигаться дальше. Тело привычно напросилось на сон. Весь салон погрузился в спячку, мелкие лампы обеспечили дежурный свет. Ладопер шепнул: «Я понял! Кабы приняли предложение взять на буксир, они потеряли бы лицо. А так — они выше нас, каких-нибудь древних кровей, ни чета нам».

Подрёмывая, я иногда вскидывал глаза на монитор, — никаких изменений. Пронзительная, равнодушная глубина, поглотившая миллионы смельчаков, кто отважился покорять не покоряемое. И странные ощущения преследовали не одного меня. К нам подбирали ключики, нащупать уязвимые места пытались. Что у них на вооружении? Было бы не лишним пообщаться с Рулевым.

В какой-то момент я застал пилота неподалёку, покинул кресло.

— Всё в порядке?

— Опять сломались.

— Ты один за рулями?

— Пойду напарника будить. Сам как?

— Голова иногда раскалывается.

— Подарок от сопровождения.

— Мы что-то можем противопоставить?

— Не сейчас. Они нас изучают — так пусть уверятся в том, что против нас имеют надёжное средство.

— Тогда потерпим.

Само собой, не всякую головную боль можно вытерпеть. Надо поднимать частоты. Я же могу, без видимости для окружающих, разогнать кровь, повысить активность органов. Да и ребятам подсказать, если кого просверлили частотами, — оглянулся по сторонам. Кто-то массировал затылок или лоб, двое чистились глубоким дыханием. Эксперименты над живыми людьми — видимо, такую установку дали сопровождению. Экологически чистый Тобол вынашивал здоровых людей, кто медленно стареет, а то и не знает, что это такое. Старцы нам всем служат отличным прикрытием. Даже кладбище для наблюдателей организовали, кто-то надоумил. А как враг видит, что мы ничем не отличаемся от других, так и внимания меньше.

Рулевой улучил минуту, вызвал на разговор. Стоим у иллюминаторов, вполголоса общаемся. Его интересует, кто из команды задатки лидера имеет. Огляделся я.

— Да любой годится. Воспитаны так, что для общего дела всяк готов любую задачу на себя взвалить.

— Кто из твоих ребят команды возглавлял, когда детьми были?

— Так бы сразу и сказал. — Ещё раз оглядел своих. — Ну, вот эти трое и двое справа: их

лучше не трогать, они у нас особенные. Остальных можно смело назначать командирами.

— Есть такие, кто готов соревноваться по любому случаю?

— Трое.

После этого, Рулевой сам переговорил с кандидатами, — сам хотел назначить старшего.

Вернулся — снова позвал для разговора.

— Скромничаешь, а я опросил каждого: кого бы ты хотел видеть старшим над всей группой? Тебя назвали, и что теперь прикажешь делать?

— Надо — значит, побуду.

— Тогда слушай внимательно. Мы посоветовались и решили сбросить хвост. Понадобится ваша помощь... — Он кратенько обрисовал способ, как можно создать корабль-двойник. И я включился, представил в уме, как мы выстроимся от рубки до кормы, удерживая на вытянутых руках спираль. Её склеили из подручных материалов, — нашлась на борту алюминиевая фольга. Как приготовления подходили к концу, я подошёл к Рулевому.

— Этот способ уже кто-нибудь испытывал?

— Теория есть. Её доводили всем будущим пилотам, когда мы заканчивали обучение. Понятное дело, у пассажиров не принято требовать участия в пробных запусках, но вы же не обычные пассажиры. Подготовь своих парней, просто доведи до сведения: мы создадим двойника кораблю и пусть себе движется по намеченному курсу. А мы попробуем сойти на обочину, пропустить этих...

— И получится?

— Если есть огромное желание, то обязательно.

Ребята выслушали, по команде стали примеряться... То, что сила пошла, что закрутило её в том же направлении, ощутили все. Рулевой снова показался.

— Надо поменять направление спирали.

Быстро сообразили, собрали ленту в барабан и распустили в правую сторону. Тридцать три добровольца участвовали в незнакомом эксперименте. Я ещё разок, вслух напомнил:

— Парни, мы помогаем экипажу освободиться от хвоста. Все мысли в этом направлении.

Чуть погодя, дверь в рубку приоткрылась, Рулевой показался, — большой палец вверх. То есть, спираль заработала, остальное доверим пилотам.

Как позже сообщали наблюдатели, с видимостью ведущего были замечены трудности. Изображение на мониторах поплыло, операторы попытались устранить помехи. Бились, бились, но в какой-то момент всё само собой утряслось. Объект наблюдения никуда не девался, шёл в том же направлении, с той же скоростью. Видимо, корабли угодили в зону сильных помех не только по линии связи. Космос щедр на сюрпризы.

2

Рулевой снова к нам, потирая руки. С его подачи, на борту объявлена полная тишина. Пусть пройдут мимо, мы спокойно пристроимся сзади и поглядим, что они там задумали.

— Есть ли какая возможность послушать, о чём там говорят?

— Маячок оставили. Он прилипнет к борту, как только «друзья» пролетят рядом. Тогда послушаем и, наверное, увидим, как нас любят.

Рулевому проще: сталкивался не раз, повидал всякого, поэтому наша реакция его забавляет — де, сам был таким. Только он присматривался к команде и кого-то точно искал. Пришлось вызвать его на разговор, через планшет. Я задавал вопросы, он отвечал. Тишина — так тишина, так даже легче. И вот что удалось выяснить. На планетах, оставленных

Великими, созданы условия для благоденствия русов, с маленькой оговоркой: за ними нужен присмотр. По условиям перемирия, над несколькими вселенными, которые оставили Великие, противник установил «временный» контроль, но это всё игры дипломатов, с великим прицелом на будущее. Великие пошли на уступки ради одного преимущества: пока мы разбросаны всюду, нас сложнее уничтожить. Попыток было несколько, именно поэтому, чтобы иметь этот самый разброс, Великие уступили, тоже «временно» приняли их условия.

Всякое условие — уже ограничение свобод, но, уступая, можно кое-что приобрести встречными условиями. Противник пытался навязать свою систему образования, — это обычный ход по разделению поколений: молодому можно помавать знания с малыми искажениями, дальше — больше, в итоге — разница в понятиях обязательно породит разногласия, с этого момента подпевай и угощай отщепенцев. Затем перевести на новый язык, чтобы окончательно разорвать связи с предками.

Парни подтянулись к разговору, кто-то задал вопрос Рулевому: «Почему же нам об этом не говорили на Тоболе?»

«Вы выдали бы себя с головой прежде срока, разговорами и поступками. Всему свой срок, и теперь вы вооружены хоть по этой части».

«Получается, что к прямому сопротивлению никто не призывает, но дают понять, что оно неизбежно, как только условия созреют?»

«Именно так! Пока же — стараемся не вызывать подозрений, больше нажимаем на факт изучения планет, с минимальным количеством оружия. Потому что встречаются планеты, заселенные хищником, которого словами не остановить. Именно поэтому мы начинаем изучать предмет с планет менее опасных».

«Но кто-то же развёл хищников! Тут явный умысел!»

Я тоже вставил слово:

— Награбленное хорошо прятать на таких планетах.

Рулевой подтвердил:

«Мы знаем около десятка планет, куда частенько заглядывают пираты».

О пиратах, конечно, мы тоже слышали впервые, Рулевой поставил для всех фильм, чтобы вернуться к обязанностям. Потом крутили ещё фильмы, и ещё... С каждым новым, мы укреплялись в мысли, что на Тоболе существует некий запрет на такую информацию, до конкретного случая.

3

Понятное дело, никто не ожидал таких новостей. Потому и носим ещё головы на плечах. Со временем, как информация прижилась, кое-что приобрело чёткие формы. Мудрое решение старцев именно сейчас нам дало преимущество перед оставшимися на Тоболе. Там живут вроде для одной цели — прирастать числом, сохраняя обычаи Родов.

— Помню, как возмущался: мудрецы не дают нам того, что знают сами. Вот теперь всё встало на свои места. — ЛадоПер высказался, не отрывая глаз от планшета. Фильм повествовал о денежных механизмах той силы, которая противостоит Великим, ну, и нам, опосредованно. — А у тебя какие соображения, БереГор?

— Я в лёгкой панике. О внешних условиях нам ничего не говорили. Почти. Вот как теперь жить дальше, и не выдать себя, что знаем о них? Как держаться при встрече?

— Вот и я об этом. И ведь встречи неизбежны, раз мы покинули Тобол!

Наши взгляды встретились, и это имело совсем другие смыслы. Отныне мы будем обмениваться мыслями не для чужих ушей, только среди своих!

Катер наш имел обычное обозначение: «Б-2403», нас просили запомнить на тот случай, если где отстанем или заблудимся. Рулевой слегка посветил меня в планы — вдруг, получится улизнуть, и тогда известная всем программа слегка расширится, за счёт маневра. Как я понял, мы прощупаем противника на предмет ротозейства. Оставив копию для очень внимательных глаз и приборов, мы прогуляемся на одну планету, куда нас кураторы ни за что не пустили бы. Кажется, местные обитатели создали идеальное, с их точки зрения, общество, примеров которому пока нигде не нашли.

Рулевой так и сказал: «Самому любопытно. Обитатели только похожи на людей».

Для того, чтобы сбежать от наблюдателя, он задумал проект с «двойником». Если всё получится, у нас появится дней сорок для прогулки не по маршруту. Мы с Ладопером пожелали ему большого Успеха, — глядишь, и нам когда пригодится.

4

«Б-2403» успешно оторвался от сопровождения, лишь команда утрясла вопрос со связью: «двойник» должен отвечать на запросы, притормаживать по просьбе... Только представить себе, каково это, и дух захватывает: команде нужно удерживать фантома для глаз наблюдателя, но и для оптики. Приборы ввести в заблуждение сложнее, да Рулевой обнадёжил: «Главное — поставить задачу, а решение найдётся».

Поэтому, когда он вышел в салон и показал палец вверх, мы вздохнули с облегчением. У нас получилось! Стало быть, мы можем нечаянно отлучиться и порешать свои вопросы.

Сутки лёту — и «Б-2403» облетел оранжевую планету, по уговору, мы её запомнили, как Первую, в числе предложенных для ознакомления.

Города выстроены по единому лекалу: пятнадцатиконечная звезда, в центре спиралевидная пирамида, и пятнадцать проспектов. Геометрия необычная, вторящая градусам богини Мары. Такое однообразие, мягко говоря, настораживало. Что ж, поглядим на месте, к чему приведёт.

Разумеется, от желающих ступить на Первую отбою не было, тащили жребий. Оказывается, есть некоторая степень риска, мало ли?

Я не попал в число счастливчиков, Рулевой подошёл с хитрым выражением на лице.

— Замолвить словечко? Очень хочется?

— Спрашиваешь.

Восемь добровольцев и связист Балуха, в таком составе ступили на грунт. Шесть аппаратов разных конструкций, без явных признаков жизни, прохлаждались в километре от места посадки. Планета привлекала чем-то, вон сколько желающих поглазеть.

Я думал, всякий аппарат сразу привлечёт внимание местных, да не тут то было. Мы никому не интересны. Они себя назначили предметом главного интереса.

Гляжу на Рулевого и понимаю: нас такое положение устраивает, суетиться не стоит.

Балуха получил инструкции, бросил взгляд в мою сторону. Не спускать глаз? Но, может, я преувеличиваю.

С заметным опозданием, на встречу прикатил чиновник, — в просторном балахоне до пят, он чем-то напоминал актёра. Десятиместная тележка как бы предложила условия: больше десяти гостей мы не готовы принимать.

Балуха коротко представился, тут же поставил в известность: мы не торговцы, прибыли изучить местный опыт, как здесь проживают граждане.

И чиновник сразу переменялся в лице.

— А что-нибудь оставить на память о посещении Мелии вы собираетесь?

— Что-нибудь из пищи можем предложить.

— О, только не пищу! Мы прекрасно обходимся своими продуктами, а подойдёт ли ваша — ещё нужно проверить. Моё имя Бирука, если возникнут вопросы, я в вашем распоряжении. На сколько часов или дней вы готовы у нас задержаться?

— Дня три — если не позовут на другую планету. — Балуха не удивился, как близко походят имена. Будто ждали и подослали с таким, чтобы выдохнуть по дружбе. По связи с портом прозвучало имя старшего группы, готовой к осмотру. — Экскурсия по ближним соседям, к себе приглашаем...

Я проглотил замечание: ведь врёт! Мы никого из чужих не зовём. Только покажи разок — и попрут. Нет уж, позвольте жить своею жизнью, мы как-нибудь без вас постараемся.

— За приглашение благодарим, однако мы не большие путешественники. Своего флота не имеет, а платить за прогулки не в состоянии. Лишних средств не бывает: всё уходит на поддержание своих граждан, скромные запросы — и скромный бюджет. Иногда подарки принимаем от гостей, но после длительной проверки на безопасность. — Бирука вручил брелок с кнопкой вызова, развернулся на каблуках, обронив напоследок: — Можете смотреть всё, руками старайтесь не трогать. Я на связи.

5

Самоходная тележка прекрасно слушалась управления с брелка. Кнопка оказалась чувствительной к движению пальца, на все четыре стороны.

— В центр ехать не стоит, там всё для гостей. Давай-ка, по окраинам, там больше правды.

— Балуха каждому дал порулить, квартал проехали — следующий берёт брелок и правит. Что же интересного мы тут нашли? Да ничего особенного: всяк сходит с ума по-своему. Вот принято здесь, чтобы ступеньки заканчивались на одной высоте — и всё, приборами замеряют, чтобы кого не обидеть. Все в равных условиях, как пояснил старший. Четырёхкомнатные домики, единой планировки, по окну на все стороны света. Скамейка у крыльца, по два дерева, по две клумбы с цветами. И цветы кажутся искусственными, как после шаблон-станка.

— Цветы живые? — спросил один из наших у хозяев.

— Ни в коем случае! Живые — только в парках, там разнообразие допускается, поскольку это природа, и мы не в праве ей приказывать. Мы готовы рассказать, как поживаем. У вас что-нибудь есть на продажу или на подарок?

— Это мы уже всё видели, — вступил в разговор старший. — Нам интересен вот какой момент: вы лично хотели бы что-то поменять, куда-то поехать? Есть ли какая неисполнимая мечта, например? Сами чем-то занимаетесь, трудитесь где, чем ваш день занят?

Супруги выглядели моложаво. Инструкции, под какими они однажды расписались, ничуть не старше. Лёгкая заминка: не проверка ли из города? Полно случаев, когда проверяющие рядятся под пришельцев: всё им расскажи да ляпни что, по неосторожности. Ага, мечты: так вам сразу и выложили!

— Мы больше занимаемся домом. Зачем трудиться где-то, если есть дом? Сами обслуживаем, красим, крышу чиним, отходы закапываем. Всё, как у всех, к кому ни зайти.

— Ну, а съездить куда, на море или в горы?

— Так море во дворе. Идёмте, покажу. — Хозяйка провела за дом. Тупиковая часть общего канала вплотную подходила к участку. Можно искупаться, позагорать. Гора — высотой около четырёх метров — восходи, хоть двести раз. Четыре маршрута разной

сложности, для самого тяжёлого есть специальное снаряжение.

Собачья будка с муляжом привлекла внимание группы.

— Почему ваш пёс не облаял нас? Привык настолько, что, днём и ночью, игнорирует пришлых?

Хозяйка окликнула мужа:

— Ты заводил вчера охрану?

Он испугался, вспомнил и зашагал к будке, присел на колени и просунул внутрь руки.

Мы слышали характерное потрескивание трещотки. Хозяин развернулся лицом.

— Будете слушать, как лает?

— Пожалуй, не стоит. Ещё сломается механизм. — Балуха дал понять, что экскурсией доволен, мы поедem дальше. — А на память... хотите печенья? На Милее такого не пекут.

До хозяйки дошло, что это не проверка.

— Я согласна. Только давайте пройдем в дом.

6

Возвращались на борт «Б-2403» в приподнятом настроении, но голова у меня раскалывалась от впечатлений. Ведь мы могли торчать под наблюдением целых сорок дней, наблюдая за борту одну и ту же картину. А здесь случилось такое разнообразие! Мало того, у нас появился повод присмотреться к экипажу внимательней. Шутка ли, — внушить наблюдателям, что «Б-2403» следует по намеченному маршруту, откликается на просьбы заглушить двигатели, ждать разрешения двигаться дальше...

Какими нужно обладать способностями, чтобы внушить и приборам... Это же линзы, сложная техника, — и её можно одурачить!

Балуха предупредил: парни, команду не тревожить понапрасну, они рисуют «двойника», поэтому займитесь своими делами, благо, вам сегодня хватило впечатлений.

Тут старший прав. Если коротко, то ему удалось вызвать хозяйку на разговор по душам. Ей-то невдомёк, что весь разговор он записал для нас. Да она и не согласилась бы при всех открывать такие подробности. Словом, местное общество упрямо движется в тупик, приближение к которому ощущается даже в рядовом разговоре. Люди понимают, что происходящее выглядит фальшиво, что они участники некоего эксперимента.

Новые данные по Первой и снятый командой фильм о положении на Милии стали продолжением вечера. Хозяйка приняла подарок, Балухе удалось расположить её так, что она пустилась в откровения, что значит, накипело. Если в первые минуты сдерживалась, следила за словами, то после рассказов о Земле, которая не погибла, как им говорят и учат, хозяйка вскрылась полностью.

— Как не погибла? У нас и в учебниках об этом написано, у меня пятёрка по истории...

Балуха попросил нас организовать наружное наблюдение и показал съёмки с сегодняшней Земли. Для неё оказалось шоком положение землян:

— Кто же, как же их заставили трудиться на кого-то, а самим довольствоваться малым? — Часа полтора она жадно всматривалась в хроники событий, смену власти, войны и, преодолевая прежние установки, попробовала сделать голове переучёт. Но самое удивительное, что следом задала очень важные вопросы.

— Теперь мы точно знаем, что у вас эти темы поднимаются. Кто-то доносит до вас информацию не только про Землю. — Балуха сообщал уже о таких подробностях, что она слушала, не перебивая. Те слухи, что будоражили умы, укладывались полностью в версию, которой её накормил гость.

— У нас об этом давно говорят, да всегда найдётся доносчик. Приходится одним бежать, другим помалкивать и караулить случай, когда можно будет собраться и узнать свежие новости.

— Но так, как вы сегодня живёте, разве кого-то устраивает? — Гость так умело вёл разговор, что ей не нужно было что-то придумывать или вспоминать. Признался, что на Мелии уже бывал не раз, разобрался, в каком положении обманутые люди, и только поэтому собрал группу, которая пошла на крайнюю меру — на вмешательство, попытку разбудить население. — Наши источники говорят, когда-то наши народы очень тесно сотрудничали, до известной войны. Великим пришлось отступить, чтобы наш народ мог нарастить ряды будущих воинов. Будем вытаскивать своих, так и наших старых друзей решили зацепить. Рабство — это позор для носителей разума.

7

Мы довольно внимательно изучали запись беседы. Ту часть, где старший уточнял положение землян, перематывали назад и прослушивали вновь.

— Положение землян настолько незавидное, что вы бы там и двух дней не выдержали. Если говорить коротко, то захватчики поделили сушу между собой. Коренной народ терпел присланных царей, армия жёстко подавляла восстания. Чтобы избежать в будущем сопротивление, людям дали некоторые послабления. Вроде бы и свободны: заработай — и можешь ехать за границу. Большинство же так и мается, от полочки до аванса.

— А вот эти столбы с проводами, они для чего? — Хозяйка жадно всматривалась в лица, подмечала детали постоянно.

— По ним поступает платное электричество.

— Как платное? Его же запасы безграничны!

— Они и за воду платят, — Балуха выкладывал данные постепенно, чтобы у хозяйки не родилось полное недоверие. С одной он уже разок столкнулся, нарвался на крик: «Всё вы лжёте! Такого не может быть!» На сей раз наш старший действовал осмотрительнее. — В это трудно поверить, но на Земле все реки перекрыты плотинами. Якобы для добычи того самого электричества.

Она запнулась и долго молчала, затем уставилась в глаза гостю. Он понимал: либо она сломается и обвинит во лжи, либо подкинет проверочный вопрос. На почве местных слухов, неожиданные рождаются реже. Балуха для себя составил список тем, каких при первом знакомстве лучше не касаться. Разве сами затронут.

— А как рыбе возвращаться на нерест?

— Создают искусственный голод, чтобы поредить мужское население. Войны всё же понадёжней: пятая часть мужского населения уцелела — значит, лет пятьдесят можно не волноваться. Но травят потомков той расы с самого рождения. Будто для общего блага, им с раннего детства вводят прививки. Сначала объявят об эпидемии, распылят какую заразу, выращенную в лабораториях, потом прививки становятся нормой жизни. Старшие поколения не знали этого, молодые уже принимают, как необходимое средство, чтобы выжить.

— То есть, все болезни закладываются с первых лет жизни?

— С первых дней. И женщины там рожают, лёжа на специальных столах.

— Как это? Кто придумал, что лёжа легче рожать? — Хозяйка оглянулась по сторонам, сверяясь, у себя ли дома. — А обычаи?

— Ничего и близко. Планета не догадывается о рождении нового человека. Ни одна

стихия не знает, поэтому Земле кажется, что её заселили чужие.

— А можно вернуться к рекам? У меня есть своя информация, хочу проверить твои источники.

— Я предельно внимателен. Спрашивай, — гость перешёл на «ты», чем ещё больше расположил женщину.

— У нас говорят, в городах существует сбор нечистот в трубы. Они потом сливаются в реки, и, чем ближе к морям, тем они загаженнее. И эту воду подают жителям по трубам в дома?

— Именно так и обстоят дела. Власти умышленно могут создать дефицит воды, в таких случаях в трубы подмешивают отфильтрованную воду, после использования на личные нужды.

— Тамошние власти не знают, что реки — это кровеносная система планеты? Её собрались уничтожить или... только население. Я тебя проверяю. Как называется система отвода вод с нечистотами?

— Канализация. — Балуха заглянул в планшет, сверился с данными. — Да, именно так: канализация.

— Тогда это неприкрытое издевательство над населением! На отработанной воде уже стоят программы разложения. Никто же не снимает программ, так?

— Им внушают, что домашние фильтры снимают всю грязь. А подают в жилища воду с хлором. Хотя все знают: хлор — боевое отравляющее вещество.

Хозяйка хорошенечко потрепала вопросами на темы здоровья, знаний, завершила темой кончины.

— Как в землю закапывают? — Этот момент выбил её из колеи надолго. Балуха тотчас дал посмотреть съёмки кладбищ, сделанные с высокой орбиты. Плодородные земли напичканы телами усопших, которые спустя время способны очнуться.

— Система работает на опережение. Если усопший угодил в морг — есть такая контора, — то очнуться точно не сможет ни один. Тамошние специалисты разрезают череп, извлекают мозг и полагают его в разрезанный живот. А органы, не имеющие сильных повреждений, могут угодить в базу данных для обмена или продажи. Можно с уверенностью говорить, что всякая война — это вливание свежей крови в торговлю органами. Причём, накануне боевых действий, обычно заявляются примерные объёмы поставок обеими сторонами. Кадры я не рискну показывать, вы не в том состоянии...

Хозяйка схватилась за голову и пошла шататься по комнатам, намереваясь привести себя в чувства. Поняв, что ничего не получается, вернулась со словами:

— Давайте разговор отложим. Хотя бы до завтра. Я не могу! Как так можно? Какими силами была проведена подмена сознания целого народа? Работать — куда-то ходить, ездить... Вы в курсе, что после войны обитатели планет, оказавшиеся на территории победителя, автоматически попадают под полное обеспечение курирующих структур?

— В курсе. Но это не касается жителей Земли. Они должны работать, чтобы оплачивать не только пропитание, но и электричество, воду и прочие услуги.

Хозяйка уже едва сдерживалась. Совсем неловким жестом, она попросила покинуть дом.

— Извините, я совсем раскисла. Если хватит сил, поговорим позже, вернёмся к теме... Или нет, завтра не надо, дайте двое суток для отдыха. Иначе сердце не выдержит, боюсь.

Её последние слова так и застряли у меня в ушах. К таким потрясениям не каждый

готов.

Вот тут я и задумался: каково нашему старшему? Разве он меньше переживает, владея такими данными? Я бы все планеты поднял, обрушил всю армию на власти Земли, которые хорошенько прячутся за руководителями стран и их окружением.

Часть третья

1

— Почему эта женщина считает победителем одну сторону, если заключено перемирие? — Ладопер просиживал штаны рядом со мной, пока перезагружался его планшет. Он только отсмотрел фильм, снятый на Земле. В дополнительных материалах к фильму оба прочли уточнение: «В этом фильме природа показана именно такой, какой была до захвата Земли союзными войсками. Люди, конечно же, не похожи на русов по той причине, что режиссёр в полной мере информацией не обладает. А на создание «Аватара» вдохновил его просмотр документальной ленты, снятой союзными войсками перед нападением на русов».

— Кажись, это повсеместная практика в действии. Армии разошлись по сторонам, и народам, оказавшимся под ними, пропагандисты внушают нужные установки. Вы, мол, под нашей защитой, поэтому принимайте наши правила.

В салоне освещение перешло на ночной режим. Я наблюдал, как наши понемногу готовились ко сну: планшеты в сторону, ноги вытянуть, подлокотники утопить и натянуть повязку на глаза. Мы быстро подстраиваемся под новые условия, но преимущества и начинка технологических достижений пока не затмили детских лет. Расстояния можно преодолевать не только с помощью педалей и двигателя, кое у кого получалось перемещаться целиком, сохраняя в памяти координаты выбранной точки. Скажем, стоишь на берегу реки, зафиксировал окружающие предметы, расположение деревьев, закрыл глаза — и перенёсся домой, где стол и кровать на том же месте. Потом — обратно. Эти опыты пригодятся в дальнейшем, когда нужно быстро исчезнуть. Чем и хороши игры детства, навыков можно приобрести с запасом.

Рулевой показался, кивнул — поговорить надо.

Одно солнце ушло за горизонт, второе — с зеленоватым спектром, перекрасило местность до неузнаваемости.

— Через час снимаемся. Сопровождение напросилось на борт. Сами хотят уточнить, почему иногда нас не видят приборы.

— Что нам даёт этот час?

— Угол нужный. Мы объявили об уходе, если какие претензии возникнут — у местных есть время для шагов. Может, и обойдётся, но могут и предпринять чего-нибудь. Задержать старт — причину надо подыскать. Не смогут — уйдём, не прощаясь.

Сначала я заметил движение. Он проследил за моим взглядом.

— Придумали.

— Они в курсе, что для нас именно это время подходит для ухода?

— Догадываются. — Рулевой пригласил следовать за ним, мы спустились к выходу. — В следующий раз дадим знать часа за три.

— И предупредить: за полчаса до истечения времени, будет просьба: не мешаться под ногами.

— Учись смягчать акценты. Сослаться на срочный вызов, когда от нашего желания ничего не зависит.

Мы спустили по трапу. Тележка замерла в десяти шагах от столбика, на котором оставили тот самый брелок. Тележку, в исправном состоянии, тоже не забирали с собой, хотя места хватило бы.

— Вы всем довольны? — Служащий отметил для себя, что лишнего не взяли, брелок отправил в тайник под балахоном. — Прилетайте ещё, будем рады. — Он показал запись на картонке: «Б-2403», — Я вас запомнил.

— Ну и ладно, раз печенья не хотите нашего, мы уходим. До новой встречи.

Служка постучал по колесу тележки, пересилил себя:

— Хорошо, уговорили. Махонький кусочек. Думаю, не повредит.

Рулевой протянул пачку печенья. Она тоже исчезла под балахоном.

— Я сначала на себе испытаю, потом угощу своих. Счастливого пути!

Я любовался, как мягко трап вошёл в проём, сработали замки. Отлаженные узлы и детали служат долго, у экипажа больше времени для решения задач.

Двигаясь за товарищем следом, я просто уточнил:

— Наше возвращение они никак не обнаружат?

— Надо постараться. Алгоритмы лишь бы совпали, будем пробовать.

— Иначе говоря, частоты?

— Наш опекун имеет очень низкие. Раз сам себе не хозяин, откуда взяться высоким? Они не видят высоких спектров, этим и воспользуемся. — Рулевой вдруг протянул руку. Я приложился, вложил всю благодарность за прекрасную прогулку. Он добавил: — Скажи своим, пусть сохраняют спокойствие и благостное состояние. Нам будет проще поднять частоты.

2

Ладопер уже посапывал, планшет поставил на зарядку. Я прогулялся мимо парней, нескольких обнадёжил — у нас всё отлично, сохраняйте боевой настрой. Затем растянулся на лежанке, стал перебирать моменты. Получается, землян тоже хорошенько дурят, пичкают ложными знаниями. То, что вредно — рекламируют, и тут же запрещают всё то, что действительно продлевает жизнь.

Пока же цель ближайшая — вернуться незаметно на маршрут, отметить и вновь сбежать. Боюсь, самовольные отлучки не приедутся с летами, пока кто-то за нас решает, что всё у него должно быть под контролем. Сам-то у кого на контроле?

С подъёмом завертелась карусель. На борт, с инспекцией, заявили представители «хвоста» — так мы обозначили меж собой корыто сопровождения. Два генерала, три полковника, — сами представились, теперь запомню, как отличать.

Рулевой выразил протест:

— Вы часом не промахнулись? Это гражданский борт, военным у нас не место!

Вояки сдирали с себя мундиры, сворачивали в рулоны. Оставшись в исподнем, возобновили миссию:

— А так устроит? Просим прощения за задержку. Мы вчера собирались посетить.

Взвешивать их отвисающие животы не большое удовольствие. Рулевой обозначил направление, в какую сторону нам шевелить мозгами:

— Как вижу, головы вам ничто не жмёт, поэтому мы готовы выслушать претензии.

Один из генералов — видимо, главный генерал из двух, взял командование на себя.

— Так мы не с претензиями. Просто хотим уточнить момент, почему наши приборы иногда вас не замечают.

— Они давно с проверки?

— Тридцать дней, как.

— Значит, дали взятку и спокойно вернулись к грабежу проезжих.

Офицеры загудели, полковники рвались в бой, но идти первыми в атаку разрешили генералам.

— У вас имеются доказательства вашим словам?

— Если мы нагрянем с ответным визитом, они будут. — Рулевой преподавал для нас урок вежливости, чтобы при случае держались такой линии поведения.

— А мы не обязаны вас принимать!

— Почему же мы принимаем?

— Лучше спросите у высшего командования. Мы — простые солдаты, не уполномочены отвечать на сложные вопросы.

— Что же тут сложного? Вы имеете право на проверку, мы этого лишены.

— Ну... — генерал не нашёлся, чем ответить. — Давайте лучше пробежимся по вашим владениям да поглядим, нет ли запрещённого оборудования и прочих вещей.

— Прошу!

Добровольцы мотали на ус. Старший товарищ, взявший на себя должность временного повара, доставал проверяющих массой предметов — на предмет их запретности:

— Очень хорошо, что вы к нам прибыли, — затянул свою долгую песнь он, тыча под нос то нож, то черпак или кастрюлю. — Я же каждое утро боюсь входить на камбуз: вдруг там что-то выросло за ночь, вдруг сковородка стала взрывоопасной?

Генералы не сразу сообразили, что такой способ содействия сильно граничит с издевательством, нарушает эту самую границу и не собирается возвращаться на свою территорию. Но прямых доказательств нет, и нельзя отбивать охоту у повара, который, похоже, хочет искренне помочь делу.

Инспекторы охотно отвечали — нет, это не запрещено, положите на место, это опасности не представляет. Дружеская беседа транслировалась в салон. Как новички, мы впервые столкнулись с такой подачей желания помочь. На планшеты пришло напоминание: «В голос постарайтесь не смеяться».

Полковники зашумели: «Мы только теряем время. На кухне ничего не найдём!»

Генералы тотчас же поставили младших специалистов на место:

— Эх, молодо-зелено! Самое место, где прятать оружие и взрывчатые вещества...

Повар принял слова близко к сердцу и расплыл над головой два пакета муки, сказав:

— Я убедился! Не взрывается! Так, что тут у нас ещё может взрываться?

Инспекторы стряхивали на пол то, что стряхивалось, но сами прекрасно понимали, что естественный цвет кожи вернётся не сразу.

— Вы хоть предупреждайте, — попросил главный генерал.

— Предупреждаю! — И в воздухе повар расплыл упаковку душистого перца, в другой руке у него активизировался пульверизатор...

Инспекция сбежала в коридор, потому что перец не очень хорошо выглядел в потёках, поверх ярко-белой кожи и нательного белья. Разговор сильно затруднялся швальным чихом, главный потребовал капитана судна.

Рулевой явился раньше, чем была поставлена точка в требовании.

— К вашему вниманию!

— Где можно принять душ?

— К сожалению, лимит воды на сегодня исчерпан. Я не могу подвергать команду риску обезвоживания. Заправка водой нынче очень дорого обходится. У себя примете душ.

Прочихавшись, главный попросил закрыть повара в отдельном помещении и не выпускать, пока инспекция не завершит миссию.

— Как скажете.

Одним словом, у проверяющих надолго пропало желание проводить инспекции. Генералы обезопасили себя, укрывшись в предоставленной каюте, где занялись проверкой бортовой документации, пока полковники шныряли по техническим коридорам и ощупывали оборудование. Вся шайка потратили около трёх часов жизни, но так ничего не накопала.

Перед уходом, главный генерал пальцем указал на каюту, в которую заточили повара:

— Выпускайте!

— Только после того, как вы оставите борт. — Рулевой с лицом школьницы слушал, поддакивал и обливал потоками уважения к таким редким гостям, которых надеялся видеть в первый и в последний раз.

Напоследок, главный генерал высказался:

— Очень жаль, что мы ничего запрещённого не обнаружили. В таком случае, имею честь сообщить капитану следующее: отныне наш корабль будет идти впереди, вы же пристроитесь в хвост. И без фокусов, пожалуйста.

3

Сказано — сделано. «Б-2403» плёлся в хвосте, и часть пейзажа впереди была утрачена надолго. Копоть из двигателей посуды не очень облегчала нам жизнь. Капитан — ну, раз Рулевого так обозвали, будем придерживаться назначения, — созвал совет.

— В проекте участвуют только добровольцы. Наши фильтры уже не справляются, какие будут соображения?

— Так надо выхлопные трубы завернуть в их салон.

Идея понравилась. Уже силами экипажа была организована группа монтажников. Высадка в шлюпку, придание ей вида бродячего камня, каких в окрестностях немало, стыковка с посудой «друзей» — скоро сказка сказывается, да не скоро делается. К ужину шлюпка вернулась в гараж.

Ждём. Внимательно ждём. То ли пьяные на борту, и не чувствуют гари, то ли фильтры недавно меняли. Ждём.

Наконец, они подают сигнал заглушить двигатели. Уточняют: «У вас есть специалист по воздушным системам?» — «Неужели свои не справляются?» — «Если бы справлялись, мы бы не обращались». — «Хорошо, присылайте шлюпку».

«На помощь капитан направил специалиста широкого профиля», — примерно такую запись сделали в бортовом журнале «хвоста». На борту «Б-2403» любой член экипажа соответствовал этой длинной характеристике, не выпячивая грудь.

Специалист, подмигнув в наши камеры, перешёл на борт шлюпки, имея задачу всячески содействовать друзьям, попавшим в беду. На входе его, конечно же, обыскали, нашли свёрток с пищей.

— Зря вы так, мы вас накормили.

— Очень признателен за гостеприимство, но мы привыкли больше на своих харчах. Солёный огурец да ломоть хлеба (здесь я слегка приукрасил беседу, чтобы понятней было).

Как видели по трансляции, специалист наш закрыл краники, через которые в салон

поступала копоть. Осмотрел фильтры, смахнул пыль.

— Теперь всё в порядке.

Местные специалисты сделали замеры, признали высокое качество работ.

— Прекрасно, мне пора вернуться к себе. — И, покидая борт, специалист открыл те самые краники.

Соседи наши терпели двое суток, снова запросили помощь.

Наш специалист вновь отправился со своей пайкой, огурец и хлеб — вот не придерёшься. Навёл порядок, сел перекусить. Пульт, регулирующий положение краников, собрался уже употребить, да ему пришло сообщение с «Б-2403»: «Ты все огурцы слопал?» — «Ещё два остались». — «Химик подал идею, надо выдавить всю влагу из огурцов. И можешь возвращаться».

Капитан встретил специалиста на входе:

— Выдавил?

— Даже шкурки стёр в пыль, рассеял по пути.

— Теперь будем ждать.

— А что за идея?

— Солёные огурцы имеют специфический состав. Для обитателей «хвоста» он опасности не представляет, но в смеси с известной воздушной смесью, на борту может образоваться другая воздушная смесь. Она подействует не сразу, пока реакция наберёт обороты.

Одним словом, к концу вторых суток, на «хвосте что-то действительно приключилось. Автопилот вёл судно. Экипаж не участвовал ни в сеансах связи, ни в приёме пищи. Когда говорят о случайности многих открытий, то наш случай из их числа. Население «хвоста» погрузилось в здоровый богатырский сон.

Кто-то из наших пошутил:

— Известный рекорд — это пятьдесят лет. Возможно, именно сегодня нашлись желающие побить его.

Выждать на всякий случай ещё сутки, мы подошли к «хвосту» вплотную. Специалист вскрыл шлюз, мы прошли на борт, предварительно защитив органы дыхания. Капитан отправился в рубку, я сопровождал, по его просьбе. Там-то и обнаружили инструкции, как посудина должна действовать в тех или иных условиях. Проще говоря — вредить всеми силами.

Капитан довольно отряхнул руки, глядя мне в глаза.

— Где бы ты хотел побывать, пока у нас появилась передышка?

— Хотелось бы самому увидеть, что творится на Земле.

— Рано. Туда просто так не проскочишь, сперва заручиться поддержкой наших, кто в охране. Но мы там будем лишними, скорей всего. Хватает своих специалистов, кто держит руку на пульсе.

— Тогда — в конечную точку маршрута, куда всё никак не доберёмся.

— Ты мне всё больше нравишься. Решение верное, БереГор!

4

Оставив алюминиевого «двойника», в непосредственной близости от спящих, «Б-2403» рассекал пространство с такой скоростью, что пришлось отключить экраны отслеживания, — идём по приборам.

К ужину вышли в конечную точку маршрута. Что на сей раз приготовил капитан?

«Б-2403» снова встал на якорь, но уже не по требованию «хвоста». Капитан был краток:

— Парни, из вашего поколения, считайте, вы первыми побываете на этой Земле. Да-да, я не оговорился. Новая Земля, куда переправляются души лучших представителей старой Земли. Всё лучшее и светлое, что когда-либо придумал Человек, воплощено именно здесь. У меня к вам единственная просьба — не стесняйтесь выражать эмоции. Это приветствуется, ибо только Радость порождает бОльшую Радость. Накапливается и приумножается. Здесь мы не найдём сухих математиков, — для них есть свой уголок. Поэты и музыканты, художники и любители всего прекрасного.

И на такой момент хочу обратить внимание. На старой Земле всё пропитано идеей апокалипсиса. Иначе говоря, большинство произведений сводятся к накоплению идеи саморазрушения. Руками человечества планета приходит в упадок, и захватчик чётко отслеживает, когда процессы станут необратимыми. Загрязнение рек и повсеместные свалки принудят планету защищаться. Власти тут же споют песню о том, что техника достигла вершин, пора землянам поискать другие планеты. И предложат безопасную и хорошо оплачиваемую работу вне Земли. Обманом многих перевезут на рабский труд, сама планета будет закрыта на карантин, пока поверхность не очистится до первоначального облика. Если ничего не изменится, враги снова предпримут попытку запустить планетарный компьютер. Только у них снова ничего не выйдет, там своя защита.

Вот так примерно обстоят дела. Сейчас наскоро перекусим — и вперёд!

Вот тут до меня дошло. По мере приближения, Земля испытывала нас на свой лад. Звуки особых частот проникали до мозга костей, тела вибрировали.

Подумалось: а выдержим ли мы эту проверку? Судя по всему, эта Земля оказалась на территориях, отошедших под влияние противника. И здесь у меня большие сомнения. Как индикатор: худые замыслы порождают низкие вибрации, и преступник, человек с грязными мыслями выскочит при первой возможности, уберётся, куда подальше.

То-то Рулевой остался среди нас и наблюдает, нет ли у кого признаков нарушений.

Я направился к нему, просто уточнить:

— Похоже, самая лучшая защита для планет.

— Это открытие сделали сравнительно недавно. Хотя, и не открытие, может: просто поделились со своими, как только возможности населения возросли. Не нужно никакое оружие. Местные распевают гимны, волна за волной окатывает планету. И любое существо с нижним порогом частот приблизиться не сможет.

— А на старой Земле?

— Люди занимаются всем, что не приносит пользу. Им внушили, что иначе существовать нельзя. Ты должен трудиться на власть, пока не положат в гроб и не закопают.

5

Пострадавших не замечено, все благополучно прошли проверку частотами. Получается, притащи какого аборигена или чиновника — вопрос, пройдёт ли испытание.

Рулевой остался доволен. Значит, Тобол всем даёт такие преимущества, что нас планета опознала, как своих. Хорошо, но... Давайте прямо: мы ещё ничего стоящего не создали, пока изучаем инструменты и приёмы сотворчества. К новому делу подступаемся с именами своих богов, и это правило срабатывает безотказно.

«Б-2403» приземлился на выделенной стоянке, рядом с крупным лайнером. Судя по надписям — туристов привёз, вот и думай, из каких миров. Испытание прошли — значит, братья по крови, как минимум.

Что ж, посмотрим, чем тут порадууют. То-то «хвоста» навязали, чтобы не доехали до места. Знали, чем опасно знакомство.

По частотам пришло уточнение. В правую сторону закручены местные, у врага — в обратную. У них и приборы на частотах с левым вращением сделаны; то-то земляки мои поголовно испытывали лёгкий дискомфорт.

Транспорт почти такой же, самоходные тележки. Формы, правда, изящные, так и хочется погладить. От разноцветья глаза разбегаются. Художников своих хватает, тут уж кого кого превзойдёт. И соревнование в мастерстве, плоды оно, повсюду. Сравниваешь с Тоболом, и соглашаешься: что-то больно скромно мы у себя поживаем, красоту некому наводить.

Так, колонной из трёх повозок, каждая на пятнадцать пассажиров, и покатили. По краю пропасти, потом через горы, сквозь них, и столько живописных красот, что хочется что-нибудь взять на память.

Водопады и реки, ходячие мосты и стационарные, иные — сразу лезет в голову вопрос: как же они держатся? В воздухе висят, и опор не видать.

Выскочили на равнину. Тут глазу есть, за что зацепиться. Ближайший город по виду чем-то напоминает наслоения мыльной пены. Прозрачное всё, воздушное и вкусное, так и хочется лизнуть.

Только на миг отвлёкся — другой пейзаж. А отвлёкся лишь для того, чтобы сравнить впечатления. Наши тоже удивлены, вертят головами, ничего мимо глаз не пропустят.

Ну, и пошли чудеса, я внутренне был готов к чему-то подобному. То, что водопады устроены с чувством утраты равновесий, кто-то сильно постарался, это и понятно. Потoki наполняли одну чашу, как только вода достигала краёв, чаша поднималась ввысь, на полсотни метров... За перемещением чаш можно наблюдать до захода светила. Но так хочется успеть другие объекты оценить!

Вот площадка с меняющимся контуром, разгуливающие опоры, между которыми натянута почти прозрачная сетка. Внутри же — тысячи разноцветных фигур, под порывами ветра, они меняют формы и местоположение, как фильм — без конца и начала.

Правее, среди опаленной травы, непонятно откуда возникают яркие шары, брызжут искрами, мечутся, как привязанные, и сгорают в ослепительной вспышке. Из осколков вновь возникают новые шары и начинают развитие, и его легче назвать танцами, которые не ограничены ничем. Группа туристов торчала рядом, как замороженная; смельчак пытался поймать один из шаров, да человеческая реакция свои имеет пределы.

Дальше — больше. Перед самым носом растение, перебирая ветвями и корнями, может перебежать дорогу, отвесит поклон и пустится своей тропой. Птиц и животных тоже хватает — только помани... И на ладонь присядет, и мелодию насвистит. Будь я композитором, непременно что-нибудь записал на листочке.

Солнце клонилось к востоку, птицы снялись и помчали следом. Почти сразу, справа, показалась огромная стая, как авангард ночи.

— А вот так здесь ночь вступает в права. — Капитан впервые дал пояснения. Ладосидел между нами и набирал текст на клавишах планшета. Может, писатель в нём очнулся, вот и делает первые шаги.

Вместе с сумерками, когда тёмная стая заняла позиции, от растений зафонтанировали ароматы, и сам способ знакомства понравился простотой. Достаточно на несколько миг сосредоточиться на каком, оно и наградит за внимание.

За ароматами пришли насекомые, окрас крыльев и рисунки неповторимы, иные издают мелодичные звуки — как скрипки и другие инструменты оркестра, для настройки. Лишь из-за горного хребта показались три луны, невидимый дирижёр взмахнул палочкой...

Зевота напала не на меня одного, планета баюкала деток своих и тех, кто явился погостить. Тележки, утратив связь с последними лучами солнца, встали как вкопанные.

С легким шелестом, тут и там, развернулись шатры. А ещё днём их мы принимали за обычные деревья. Купола с серебристой подсветкой изнутри как бы манили войти и дать телам роздыху.

— Можно заходить? — Я обрелся к капитану.

— Ошибки не будет.

Внутри ковёр из упругих стеблей, я разулся, сделал шаг. Ещё разок оценил купол, подумалось про дожди. Снаружи его оседлали насекомые, затевая свои спектакли. Ещё один фильм, где актёры играют постоянные роли, из ночи в ночь. И глаза закрываются сами, будто волшебник подкрался и употребил ладонь.

С первыми лучами солнца пришло ощущение, что так хорошо не спалось прежде, и казалось, что можно обойтись без тележки. Пешком передвигаясь, мы увидим больше, узнаем и пощупаем, если нет запретов. Оленьи стада жадно ловили наши взгляды, они жаждали прикосновений. Поглаживание, несколько слов о красоте и добрых глазах — мамаше больше ничего и не надо, она мордой подтолкнёт малыша — его не забудь погладить.

Где-то к полудню, нас догнали тележки. Посёлок, где обитают мастера слова, поразил разнообразием архитектуры. На наших глазах, местный декламировал строки, и строение меняло форму. Под влиянием звуков, на кустарнике распускались цветы. Оказывается, на звук «Ю» у растений заготовлен фиолетовый цветок, на звук «А» красный... Стихотворение в цвете, а сосед нашего поэта экспериментировал с плодами куста, которые напоминали крохотные бочечки. На звуковые колебания, они взрывались, дублируя запрос. Так можно и мелодию сочинять, растение в точности повторяет. Ошибку можно подчистить, заменить ноту — стоит опередить бочечку, не дать ей лопнуть.

В дальнем конце посёлка показалось засеянное злаками поле. Обычная картина, ничего удивительного, казалось.

— Это тоже дом, — пояснил капитан. Поэт может превратиться в кузнечика и ползти по стеблям, в поисках идеи. Каждый колосок поёт свою песню, сам выбери, не ленись.

— Капитан, мы вторые сутки во рту маковой росинки не держали, — опомнился ЯроЛад, наш чемпион по стрельбе.

— И не хочется, верно?

— То есть, в будущем и мы придём к тому, что лишать жизни никого не придётся?

— Жить, не причиняя вреда миру, разве это плохо?

Местная глина сильно отличается от привычной. Мастер своего дела ваял конструкцию для песен ветров. Восьмигранная пирамида была пронизана трубами из глины, под разными углами, не все я видел на просвет. Зато ветерок вертелся поблизости и осваивал новую забаву.

В посёлке мастеров возводимые проекты соседствовали с законченными, что поднадоело — сносились без сожаления, в мастерских орудовали детишки. Заметив нас, они высыпали и запоминали... Если я верно понял. Вошли мы, поглазели на их труды, и почти каждый нашёл себе безделушку, от прикосновения к которой внутри слышал новые течения.

Кому чего не доставало, то и находил. Умиротворение, уверенность в будущем и абсолютный покой. Я интересовался позже: в основном, можно суммировать подарки, как маленькое открытие для глаз. Перед мысленным взором, если есть контакт с подарком, возникает граница, и у тебя появляется выбор — делать то, что кто-то хочет, либо делать то, что должен сам. Интересное приобретение, как в сказке.

Девчушка сунула мне в руку кольцо-шар, с ушком для шнура.

— Это тебе. Захочешь вспомнить — одень на палец.

Она мне напомнила младшую сестру, заодно и родителей. На память пришли разговоры. Над отцом подшучивали: двадцать восемь дочерей, это же только половина дела! Счёт сыновьям открыт, уж мы постараемся не отвлекать.

6

Две недели пролетели, как один день. И можно было ещё погостить, да капитан дал понять: пора, ребятушки, желающих целая очередь. Найдём время — заглянет на дней пять.

И снова то же однообразие. И догадки.

— Думаю, капитан собрался проведать спящих. Мы взяли на себя ответственность, слегка полномочия превысили, вот и волнуется. — Ладопер как-то поостыл к планшету, почти не берёт в руки.

— Чудеса перед глазами?

— Не то слово! И ведь не одна такая Земля, их, может тысячи, но о них помалкивают, чтобы не брали пример.

— На Тоболе надо старцам подсказать. Глядишь, и отстанут.

— Чем больше планет с такой универсальной защитой, тем меньше простора для Главного Ока.

— А я гадаю, почему нас на соседний континент не возили. Секретные разработки, объекты, — думаю, им есть, что прятать.

На главном мониторе тишина, сквозь приглушенную подсветку пробиваются всполохи помех. Пока ничего интересного, добровольцы заняты поиском информации. По внутренней связи капитан сообщил: «В окрестностях обнаружены две планеты такого же типа. Сами подумайте, почему их нет на маршрутных картах».

Да, ещё момент. Мы же пополнили запасы воды, и только теперь я обратил внимание на её вкус. Если не придумываю, наблюдается эффект: пьёшь — и перед глазами виды её.

Помню, как захватывало дух, при полёте над водопадом. Ручная птица, приученная носить клетку с четырьмя пассажирами, на местном жаргоне называется небесный слон. Крылья великолепны, двенадцать метров размах. А конструкция настолько легка, что я один легко поднял. Но полетали всласть, капитан предупреждал: понравится — больше ничего не захотите. Так и случилось. Примерно половина добровольцев решила взять максимум от развлечения, остальные пустились в пешую прогулку.

И теперь, в тесноватом салоне, на ум приходят эти красоты, и разговоры только о них.

К спящим подошли вплотную, перед самым отбоем. Вполглаза следя за экраном, разговоры толпились на все лады: да что с ними сделается? — не скажи, мало ли, утечка, повреждение корпуса, они же и задохнуться могут. — капитан знает, что делает...

Группа обследовала борт, первым сообщением укротила рождение версий. Всё в полном порядке, поднимать на ужин или потерпят до утра?

Капитан решил — потерпят. С утра и напаялим шкуры покладистых овец. Пусть эту ночь поживём без надзора, завтра заступаем на боевое дежурство.

Ночь пролетает незаметно, пришлось шлюпку отправлять — стучите, и вам откроют. Посыльный молотком стучал, грохоту наделал.

Очухались! С удивлением узнали, что проспали почти тридцать суток.

Они, само собой, с претензиями:

— Почему вы не всполошились, когда поняли, что мы не выходим на связь?

— Я подумал, раз мы вам не интересны, то и нам легче жить. Вы своими делами занялись, мы своими. Следуем строго по курсу, через десять суток будем на месте.

— Вы что-то знаете, но не хотите говорить.

— Что мы можем знать о вас, сидя на борту?

— Чем занимались добровольцы?

— Игры и фильмы, разве у нас есть другие варианты?

— Ладно, мы ещё разберёмся. Конец связи!

Наша очередь помолчать пришла. Иначе не услышишь, о чём они там будут говорить. Календарь их поставил перед фактом: вместо того, чтобы всячески чинить препоны, их борт, своим полным бездействием, способствовал приближению «Б-2403» к цели. Главное Око не погладит по головке, и на борту разгорелся скандал. За дело должны взяться «писатели» — есть в штате два-три члена экипажа, кто строчит отчёты и поддерживает архивы в образцовом состоянии. Если до сего дня считали мух, то теперь им выпал неравный бой с отчётами. Надо же сочинить поэтапно, как борту «Б-2403» мы помогали прости остаток пути, и легенда не должна вызывать сомнений у командования. Иначе не оплатят дорогу и время, у наёмников свои тарифы.

Капитан решил не транслировать запоздалые приказы, выговоры и нагоняи; надо найти виновного, раз экипаж проспал столько времени. И ведь кто-то может проболтаться!

Им перво-наперво, заплатят, следом пойдёт шпик и разносит, как съездили, чем занимались. Потом пригласят капитана и вычтут из выплаченных сумм. Отрабатывать придётся на таких маршрутах, куда силой никого не затанешь.

Словом, наша экспедиция перешла в следующую фазу, где мы получили в руки серьёзное преимущество. Капитан подал трансляцию переговоров в салон.

— Уважаемый, поскольку вы проспали, мы можем выставить вас перед начальством не в лучшем виде. Документ готов к отправке, но мы даём вам возможность пораскинуть мозгами. У нас приготовлен пакет документов, исходя из которого, руководство может представить весь экипаж к наградам.

— Д-да, тут не поспоришь, ситуация повернула не в нашу пользу, капитан. Только давайте начистоту, раз ведём откровенный разговор. Говорите сразу, чего вы хотите, а мы подумаем.

— Десять суток впереди. На месте, мы можем оказаться через сутки, сэкономим девять суток, и у вас будет столько же в распоряжении. У вас куча дел, надо смотаться по своим делам, что-то купить или продать, а вы вынуждены играть роль сторожевого пса. А ударим порукам — мы свои дела утрясём, вы свои. Мало — вам ещё и заплатят, за образцовое исполнение долга. Останется самая малость — создавать видимость, что ваш борт неотступно следует на нами. Найдутся верные люди, кто не выдаст факт? Заплатите, в конце концов, чуть больше.

— Мне понадобится час на раздумья.

— Сколько угодно.

— Хорошо, а что из себя представляет второй пакет документов? Как-то не

укладывается в голове, что ваша сторона способна предложить такого, за что нас непременно наградят?

— Приглашаю к нам на борт, сами убедитесь. Сто сорок жалоб на умышленное затягивание рейса, поломки и огрызания, ругань в эфире, оскорбления и масса препятствий...

— А мне ваш вариант уже нравится. Ждите в гости, через полчаса буду!

Через полчаса мы принимали дорогого гостя. Добровольцы, конечно же, спали — в полном соответствии распорядка дня. Капитан «хвоста», в сопровождении двух генералов, на цыпочках прошёл в выделенную каюту. Генералы остались снаружи, чтобы никто не помешал серьёзному разговору.

Гость хорошенько отоспался, что и отразилось на переговорах. Минут через десять капитаны пожали руки и разошлись по своим постам. Как драгоценную ношу, гость уносил папку с жалобами, набитую битком. Его связисты потихоньку будут их отправлять руководству, а там запустят станок и наштампуют орденов.

Это же прекрасно, когда все стороны довольны, не так ли?

7

Я уже прикинул, что к вечеру будем на новой Земле, и за время сна мы покроем добрый кусок пути. Утром глянул в иллюминатор — «хвост» рядом. Что-то пошло не так. Чуть позже, Рулевой поделился. Коллега попросил сопровождать их борт до местного базара, и надо создать видимость, что наш катер их конвоирует.

— И какую выгоду они получают?

— Уж не знаю, как принято, но могут придумать следующее: пираты ограбили, довели до этого места и оставили в покое. А могли уничтожить, и никто бы не оплакал гибель экипажа. Мол, на этот раз отделались лёгким испугом.

— То есть, сказочка рассчитана на уши местных властей. Что обычно выигрывают при такой подаче?

— Могут даром заправить, накормить, выделить места в гостинице.

— Но сведения могут дойти до Главного Ока.

— Подобные штрихи обычно не доходят. Всё, что касается наших кораблей — всё интересует, до последнего чиха. А этим можно всё, раз лояльны и готовы служить по первому свистку.

Мы поглядывали в иллюминатор, «хвост» подал сигнал.

— Значит, они просто изменяют имя корабля, под чужим флагом?

— Соображаешь, и нам пора. Будем сопровождать, и я погляжу, на какой скорости они пойдут.

В создавшейся ситуации, никто не хотел быть помехой. Бывший «хвост» взял такие обороты, что мы нагнали его спустя четверть часа.

Часть четвёртая

1

Прежде я думал, что базары располагаются в каком-то порядке, с учётом расстояний и нужд. Но вот гляжу из иллюминатора и понимаю: это лишь видимая сторона, для блага жителей окрестных планет. Война неявная идёт через продукты. Одни убивают память, другие — видение, превращают его в зрение с узко ограниченным спектром.

Капитан лишь глянул в мою сторону, я тотчас двинулся следом. Сопровождать его как-то уже вошло в привычку.

— В этой части ничего не пробуй даже, не бери с собой. Тут добреньким нет счёту.

— А покупатели хоть различают?

— Они заглядывают тоже. На предмет, чего остерегаться. Новые фрукты и овощи везут, а про их свойства помалкивают. Кому-то понравится на первых порах, и зараза начнёт путь на столы местных.

— Но это же глупо: ждать, что люди добровольно станут принимать отраву.

— Время — это самый проверенный помощник. На первых порах многое идёт со скрипом, потом додумаются до рекламы, и начнётся настоящая атака на умы. А ещё лучше война. Голодным что ни дай, всё проглотят.

Мы шли группой, держа друг друга в пределах видимости. Думаю, поход не лишён смысла: в памяти хоть что-то останется, чтобы узнавать продукты, какими могут угощать, позовут в гости. Капитан мимоходом подсказывал — вот на это обратите внимание, очень и очень сильное воздействие. Ладопер шёл следом, фиксировал на камеру. Разумеется, в другой обстановке, мы узнаем кое-что о каждом продукте, получим исчерпывающую информацию.

Капитан попросил сделать несколько снимков с трёх корзин.

— Смотрю и не узнаю, что-то новенькое.

— Может, уже пойдём в съедобные ряды?

— Пойдём. Дойдём до конца, и пойдём.

Тут мы уже оторвались, и не проси. Правда, капитан первым показывал, что следует делать. Покупает у торговца фрукт, похожий на огурец, вскрывает шишечку сверху и нюхает. Довольно продолжительно, пока бульканье внутри не прекращается. После этого фрукт возвращает продавцу.

Попробовал я — второй тут же купил, поочерёдно освоил содержимое, от удовольствия пригладил живот.

— Не задерживаемся, впереди ждут сладости. — Он уверенно раздвигает плечом преграды, мы пристраиваемся сзади. И если кто ищет драки, а повод — сам в руки идёт, то тридцать богатырей сопровождения одним видом напоминают забияке, что он опаздывает на обед. Э-э, в другой раз поговорим, конечно, за ночь рот не зарастёт.

Всегда найдётся желающий поскандальить — для самоутверждения среди себе подобных. Кто струсит, кто отвернётся, — на то и расчёт. И уже крикуна боятся ущемить, с товаром откатываются подальше. И только получив отпор, в рядах вздыхают: равновесие восстановлено.

Мы объедались. Запасы делали шутя, вторую тележку загрузили и отправились к кораблю следом. Там уже ожидали заправщики водой.

— Без капитана принимать не могу. А вот и он!

Добровольцы столпились вокруг. Капитан лично оценивает качество воды, сначала металлами проверяет, потом тканью, потом на растение уронит каплю...

— Заправимся твоей. — Он чётко определился с одним, стал присматривать за погрузкой товара. Оптовики, от щедрот душевных, подарками пытаются одарить.

— Благодарим, но не положено: вес строго ограничен. — Удобная формулировка, давайте без обид.

Капитана «хвоста» мы заметили выходящим из городской управы. Выбил всё, что мог, и сияет. Нам помахал ручкой — пока, авось, не свидимся впредь.

Тоже хорошая новость, сбудется если. И снова в путь! Базар ухнул вниз, как мяч, на

борту настроение приподнятое. Идём на новую Землю, и каждый намечает планы, что хотелось бы повторить, а что увидеть впервые. Поделись своими впечатлениями — и парни загорятся, решат попробовать, лишь приземлимся.

Поспать перед походами не возбраняется, один за другим и полегли. По салону бродит музыка ветра, птичьи переклички. Всё навевает сон.

2

Спустя пять дней, мы покинули новую Землю. Вот это стало неожиданностью: почему-то уже не радовали местные чудеса, вроде и не приелись, но во всём угадывалась некая шаблонность. Удивить — удивили, первая задача выполнена, но очень скоро повторяемость и похожесть стали докучать. Если это урок такой, то надо ещё подумать, к каким выводам нас подводят.

Капитан прекрасно понимал наше состояние. Сам побывал в этой переделке. Пресыщение тоже может случиться, и тогда весь мир не мил.

Вот кто подкинул испытаний подобного рода? На той же планете, с опережающим настроением — а пищи нужной не нашли. Ему проще, он прошёл через это. Посматривает на команду и улыбается своим наблюдениям.

— Не жестковато ли с нами обошлись? — Я снимаю незримую пылинку со стекла, через которое видно и нос, и корму корабля.

— А как ты хотел? Дарить радость тоже нужно с умом. Иному открой кладовку — будет торчать в ней до конца дней.

— А надо?

— Подсказки вещь хорошая, да не всегда. Иногда полезно голову вопросом озадачить.

— Ну, если прямо... Мы побывали в гостях, посидели за столом. Ответить тем же? — мне показалось, его слова дошли.

— Свои плантации посадить и выращивать, чтобы новички набрались опыта и отправились свои плантации множить.

Наверное, капитан прав.

— Теперь куда?

— Ты разве не обратил внимание? Попросили доставить письмо на Мелию.

О, да, я как-то упустил сам факт. Среди оптовиков показался человек, проходил, можно сказать, мимо. Каким-то уж совсем непонятным образом, у капитана в руках оказался конверт. Надпись была на нём, я точно помню.

Капитан снова показал тот конверт. Покрутил для того, чтобы я уловил разницу. Надпись исчезла.

— Чернила особые?

— При наших задачах, приходится предусматривать меры. Предположим, кто-то захочет поинтересоваться, что в письме, попробует задержать нас и вызнать содержимое.

Мы оба подумали об одном препятствии. Главное Око всё ещё стремится успевать всюду, что-то не получается, да попыток не оставляет.

— И ты покажешь?

— Сейчас и тебе могу показать. — Капитан подковырнул крышку ногтём, нашарил ножик, не усердствуя, ввёл кончик лезвия в щель и провёл ломаную линию.

Конверт издал звук, который сравним разве с пролётом мухи.

— Пуст? — я заглянул. — Он пуст!

— Теперь никакая проверка не страшна. И приборы сообщают, в нашу сторону уже

летят.

Я прильнул к стеклу. Гостей ждём с другой стороны, здесь чисто.

— Они могут забрать и пустой конверт.

— Мы им не поможем? — Капитан снова затевал мероприятие.

Мысленно я уже потирал руки.

— Что нужно сделать?

— Поместим почту в твой планшет. Готов рискнуть, на случай обыска?

— Конечно. — Я проследил, какие цифры он набрал на планшете, как выпрыгнула планка, открыв внутреннее пространство. Туда ушёл конверт.

— Теперь порепетируй над сценой: к тебе приблизился проверяющий, хочет по твоей реакции прочесть, тебе доверили кое-что или кому другому.

— Изобразить из себя камень... Не годится. Как же держать себя? — На пальце ожило кольцо-шар, подарок сестрёнки. Не спуская с него глаз, подумал: не показалось ли?

Капитан кивнул.

— Иногда подарки дарят с дальним прицелом.

— Мне подал знак.

— Вот и постарайся наладить контакт, а мне пора. — Он скрылся в рубке, я же занялся кольцом. Думаю, нам следует познакомиться, поговорить.

— Что предложишь ты?

ЛадоПер откликнулся:

— Ты мне?

— Я разговариваю с подарком.

— А я ещё не додумался. — Он нащупал свой амулет, или как ни назови подарок, сделанный детской рукой, стал изучать.

После краткой паузы, колечко моё завибрировало. Пред глазами возникло личико девчушки. Она изобразила на лице полдюжины гримас, как бы предлагая на выбор.

Вот тебе раз! Прямая связь с актрисой. И выберем мы, — я заново перелистал варианты, на третьем остановился. По сумме группы мышц, должно получиться... должно получиться наложение двух эмоций: снисходительность и презрение. Попробуем...

Мы помалу обучаемся предвидеть, в курс обучения входит и такой предмет. Что ж, если обыск неизбежен, я почти готов. Звуки «ю-ю-ю» послужили запоминающимся ориентиром. Они прошивают обшивку корабля, и никто не сможет утверждать, что не услышал.

Да, а кто-то не имеет таких прав. Что ж, мы готовы.

3

Вот как сохранить самообладание, зная, что придут и перевернут вверх дном всё, что посчитают нужным? По мере приближения звуки «ю-ю-ю» слабели в той степени, чтобы не сильно досаждал. Да слышали, слышали, можете отключать сигнал!

Как-то грубовато пристыковались. Должны бы начать с извинений.

Полковник с непонятным опознавательным значком на груди старался показаться вежливым. Начал издали:

— Знаете, брешу щетину перед зеркалом, нашей встречи ничто не предвещало. Тут, мои наблюдатели говорят, проходит неподалёку судно, будем останавливать? — Он провёл пальцами, проверяя, хорошо ли побрился. — Ну, думаю, пока не позавтракали — не стоит. И тут до меня дошло: а если кто-то хочет проскочить до завтрака, зная наши привычки? — Полковник картинно развёл руками, изображая братское сочувствие. — В другой раз, может,

и махнул бы рукой, но что-то мне подсказывало, завтрак может подождать.

Он ждал реакции. Капитан и два помощника изображали терпение, которого хватит на часок-другой.

— Вы нам не рады?

— Мы тоже не завтракали.

— Э-э...

— Присоединяйтесь.

— Вот это разговор. Вы заходили на Базар?

— Пополнили припасы, чтобы продолжить обучение студентов.

Вот противно выслушивать эти закамуфлированные речи, прикрывающие истинное положение дел. Вы говнюки, сами знаете о том, но марку держать обязывает приказ.

Им накрыли в свободной каюте, чтобы мы не стесняли их почти дворянские манеры, под какими царит небритое солдафонство. До сквернословия может и не дойти, если до дна не опустошат фляжки.

Завтрак затянулся, языки развязались. Полковник рывкнул.

Они высыпали в коридор, вспомнив о задаче.

— Ну, раз мы оказались на борту, почему ни провести штатные мероприятия? — Он снова рыскал по лицам, искал зацепки.

— Что вас интересует? — Капитан с плохо скрываемым равнодушием подавил зевок.

— Запрещённые к провозу предметы, а они бывают неизвестного происхождения и назначения...

— Не держим.

— Охотно верю, но мой долг...

— А вы приступайте. Мы постараемся не мешать.

Полковник чуть не прослезился:

— О боги! С вами общаться сплошное удовольствие! Приступаем, однако!

И понеслась звезда по кочкам! Как новичкам, очень полезное занятие, прямо показательные выступления лучших артистов. Сколько их всего? Двенадцать, полковник не в счёт. Парни рьяно взялись ощупывать, просвечивать приборами обшивки действующих механизмов. Они знают своё дело, не впервой демонстрируют профессионализм. Первые вопросы капитан убивал представлением документов; главным образом они касались модернизации узлов, согласованной с изготовителем.

Полковник обнадёживал, болтаясь тут и там, наблюдая рядом одного из нашей команды:

— Скоро закончим, ещё немного.

Я иногда ловил себя на мысли, что современного оружия не держал в руках. А было бы неплохо оказаться на каком полигоне и раз двенадцать нажать на курок. Да-да, фантазии наши могут далеко затащить, а там скажут: у вас нет разрешения на стрельбы.

Капитан пальчиком пригрозил. Мы встретились в коридоре, я отошёл по нужде.

— Допустим, среди них есть специалист, умеющий читать хвосты мыслей.

Я поднял на него глаза. А вот кто у нас сам прекрасно читает.

— По хвосту можно что-то разобрать?

— Один хвостик, второй — что-то да подтолкнёт к результату.

— Виноват. — И разошлись, как ему приспичило тоже.

У себя, пусть это не каюта, а рядовое кресло, я принял позу полудрёмы, закатил глаза.

Скука. А вы идиоты. Терпение может кончиться, но я пока держу себя в руках. Хрен вы что найдёте, потому как ерундой не занимаемся. Учебный курс вышел на полевые испытания, нам бы делом заниматься, вы нам занятия сорвали.

Полковник приблизился ко мне, с любопытством стал изучать то, что разлеглось на кресле.

— Приношу извинения, что занятиям помешали. — Он сделал паузу. — Признайтесь честно: я угадал ваши мысли?

— Угадали.

— Студенты все записи хранят на планшетах. Можно на ваш взглянуть?

— Прошу.

Он повертел в руках, понюхал.

— Капитан! — Стало понятно, что решение у него появилось.

Пригласили капитана (надеюсь, ему не сильно помешали).

— Что вы придумали на этот раз? — Капитан помедлил, справляясь с замком кителя.

Гость надулся для видимости.

— Хотите сказать, мы уже встречались?

— Один ли раз.

— Плохи дела. Память штука ненадёжная, как жена — пока муж в отлучке.

— Ну, это у вас обычаи такие. — Капитан привёл мундир в порядок, теперь мог посвятить себя целиком. — Наши обычаи вам кажутся дикостью, ваши — нам.

— Д-да? Очень дельная мысль. Я подумаю на досуге. Но вернёмся к делу. У меня предложение. Соберите на одном столе все планшеты студентов. Мне кажется, следует одну идею проверить. Юсчиял!

Один из его помощников явился под козырёк.

— Все планшеты на один стол.

Те сыскари, что закончили досмотр своих участков, брызнули в салон. Мигом обошли кресла, изъяли планшеты. Они едва уместились на столешнице, пришлось из каюты вынести дополнительный стол.

Полковник завис над предметами, могущими оказаться не тем, чем кажутся.

Я мельком оценил положение и вновь откинулся на спинку кресла. Мыслями улетел за борт. Меня здесь не видят. Вам кажется. Как некоторым кажется, что стоят на охране справедливости и норм.

Меня здесь не ищите, хрен вам! Я пробежусь по обшивке, поищу следов повреждений. Эти камушки, что летают, куда хотят, могут причинить...

— БороГор! Тебя приглашают подойти к столу. — ЯроЛад коснулся плеча. — Спишь, что ли?

К столу расхотелось идти, да надо.

— Который ваш? — Полковник, держа руки за спиной, что-то почувствовал. Я тоже чувствовал: капитан, друзья — они всеми помыслами на моей стороне.

Взял первый попавшийся.

— Не этот.

Ах, так? Я стал хватать все подряд. И всё не могу угодить. Последний полковника не обрадовал.

— Вот он! — И достал из-за спины. — Я умею не делать ошибок. Почти.

Протянул — я принял.

— Что вы можете сказать о том, что содержится внутри?

Кольцо на пальце взбрыкнуло. Кто-то неявный погладил по голове. Правда всегда побеждает, их дело — поиздеваться.

— Удобная штука. Хорошая память.

— А из запрещённого?

— Фотографии. Это личное.

— А посмотреть позвольте?

— Нет, конечно.

На выручку пришёл капитан.

— На борту тридцать три студента. Вы каждому будете нервы трепать?

— Я вас понял, капитан. Ограничусь одним. Итак, молодой человек...

Вот тут из меня и попёрла решимость:

— По какому праву вы затеяли этот произвол? Уже и позавтракали... (большой палец капитана поддерживал, как мог, и выглянул разок из-за локтя). Вы покушаетесь на моё время, внимание, и я не могу понять, что хотите услышать?

Полковник отстранился на шаг, на лице изобразил актёра, который старается, но публице почему-то не по нраву.

— Какая экспрессия! Я ненароком наступил на мозоль?

— Мозоль — это что?

— Послужите с моё, узнаете. Итак, я предлагаю загадку, вот такой я непредсказуемый. И я оставляю вас в покое. Сейчас вы отвернётесь, ваш планшет я спрячу среди остальных, а вы мне потом укажете, куда я его положил. — Полковник обратился к наблюдающим за этим соревнованием. — Очень надеюсь, никто не рискнёт дать подсказку. Договорились?

Я отвернулся. Полковник поколдовал, затем всем приказал отвернуться.

— Прошу. Можете повернуться. У вас есть три попытки.

Кольцо на пальце напомнило о себе. Протянул руку и повёл над рядами, пока не дошёл до последнего. Над седьмым по счёту, кольцо подало сигнал. Теперь передо мной встал вопрос: открывать ли свои способности, пусть и с помощью кольца, или же повременить?

Мы же не хотим сообщать врагу, что имеем в запасе кое-что. Будет правильной сделать ошибку. Пусть порадуетя.

— Этот! — я указал на четырнадцатый.

— Ещё две попытки.

Но я уже знал, что ничем тебя не порадую. Тридцать второй и восемнадцатый. А он обрадовался, у меня в голове тотчас провернулся весь эксперимент. Кажется, я поступил верно.

— Ну-с, капитан, благодарим за гостеприимство. Позвольте нам откланяться. — И, уже на выходе в шлюз, полковник обронил: — В вашей системе образования мною замечены пробелы. Реформы нужны. Без них никак.

«Б-2403» благополучно лёг на курс, а полковник обнаружил следующего участника, кто не посмеет отказаться от его экспериментов.

4

Полковник сопровождал нас до определённого момента, мы видели на мониторе. Скорость не превышаем, не коптим, как некоторые. А жертву новую не выпускал из виду — совершил обманый маневр, будто этот корабль его не интересует.

— А когда вздохнут спокойно, эта банда и свалится на голову, — капитан вышел к нам,

имея цель поблагодарить за выдержку. — Порадовали, парни, такую поддержку организовали БороГору, от имени экипажа — благодарю. Теперь о планах. Должны зайти на Милею, да там появились подозрительные суда. Если и случайность, то всё равно, лучше переждать. Мы пройдем мимо, создадим видимость, что планета нас не интересуется.

Так оно и вышло. Стоило пройти точку, откуда корабли запрашивают разрешения на посадку, как кто-то сообщил капитану — вроде готовятся уходить.

«Б-2403» завернул на ближайший базар, капитан с помощниками решили пробежаться. Само собой, перед выходом нашёл мои глаза. Куда ж без меня, без любимчика, как могут подумать. Да наши парни не такие, можно не сомневаться.

В порту был замечен знакомый корабль, только спустились по трапу, я заострил внимание на нём:

— Вроде, наш «хвост».

— Он самый. — Капитан предложил вернуться на борт. Помощник выдал нам кители зелёного цвета. Снова вышли. Я ещё подумал: неужели такой простой камуфляж способен что-то поменять?

— Не должны, — капитан был краток, увлекая на стоянку тележек. С ветерком домчали до базара. Я отметил про себя, что дорожное полотно здесь похуже, тележки отработали ресурс, но бегали довольно резво. У входа через южные ворота две группы затеяли драку, представители правопорядка благополучно исчезли в чайной палатке.

До восточных ворот дошли пешком, помощники поглядывали по сторонам, и я начинал понимать принципы слежки. Нас могли передавать, из рук в руки, неизвестному наблюдателю. Как у них всё сложно!

Предметом нашего интереса оказалось серебро. Изделия местных мастеров, мягко говоря, не блистали качеством. Аляповатые фигурки, шкатулки, цепочки и перстни, — дали бы мне металл, сделал бы куда интереснее.

Подловив момент, как Балуха прикидывает на ладони вес, я подумал, что для переплавки берём, хороший мастер из двух громоздких шкатулок сделает две-три толковых, что и в руки будет приятно взять, и подарить дорогому человеку.

Попутно появилось мнение, что не хлебом единым... условия созданы так, чтоб не скучали без дела.

А вот одного торговца капитан уличил в обмане, тот, под видом серебра, пытался всучить сплав из бросового материала.

— Это не серебро, уважаемый. На обмане хочешь новый дом поставить, но начинаешь с обмана.

— А ты что, великий знаток серебра? — Дядька вёл себя нагло, поскольку обстоятельства диктовали условия. Любой ценой — а завтра будь что будет.

Помощник выставил на прилавок точно такую же шкатулку, из наших покупок.

— Весы тут рядом. Или сам руками определишь разницу?

— Твоя взяла. Не поднимай шума, так и уступлю...

В итоге, мы ушли с двумя килограммами серебра, сверх того, что планировал капитан.

В порту, обойдя соседние корабли, помощники уторговали ещё две шкатулки, радостно заявили на борт. Капитан определил на глазок:

— А тут вы промахнулись. Фальшивка.

— Давай проверь. Глаз не всегда бывает точен.

Здесь уже и студенты стали свидетелями, как определяют подлинность товара, кто-то

записывал за капитаном. Я запомнил.

— Ну что, кто оказался прав?

— Отнесём назад.

— Не примут. Скажут, ты подменил.

— Ну, а хоть какую ценность сплав из себя представляет?

Капитан пощадил их, обоих:

— Можно пуговиц набить, на китель. Для рыбалки грузил.

— И всего-то?

— Корону для короля, которому можно жизнь продлить либо урезать.

— Так он опасен, металл этот? — Балуха исчез, вернулся с бумагой и завернул попку. — Их наказать надо бы.

— Есть идея?

— Придумаем! — Оба помощника покинули борт, мы же облепили капитана. Помощник выдал ему фартук, ящичек с инструментом, круглую штуку, — ведром можно назвать с большой натяжкой. Горячая на ощупь — может, и печь.

Опытной рукой, мастер покрошил попку, потом закинул в печь. Помощник принёс формы — я таких не встречал. Зрелище, конечно, завораживало: небольшими порциями расплав попадал в формы и уходил для остывания. Прикидываю в уме, всяк подумал: а можно мне попробовать? Сколько раз мы наблюдали за работой мастеров, и каждый раз восклицали: это так просто? Как здесь: грубоватые поделки превратились в обломки, печь приняла их, и на выходе кипящий ручеек... Вот с формами загадка. Сам ли мастер изготовил, кто помогал. Заразительное и зрелищное ремесло.

Чуть погодя, из первой формы, мастер извлёк изделие. С первого взгляда стало понятно: шарообразная конструкция, усиленная изнутри фигурными распорками. Внешняя оболочка из пятиугольников; отполировать, и на выставку, если это не заказ.

Помощники вернулись не солоно хлебавши. Приходите завтра, мы что-нибудь придумаем, наличных нет.

— Давайте, я схожу, мне по посмеют отказать, — предложил мастер. Прихватил обе шкатулки и исчез. Помощники ударили по рукам, заключили сделку. И оба не угадали. Капитан вернулся с одной.

— Крепкие ребята попались, результат видите сами. Но погодим немного, вдруг они чего забыли...

Не берусь сказать, через сколько, но довольно скоро с улицы послышался голос: «Есть кто? Дело срочное имею».

По срочному мы и сами любим. Гость, как разглядел ходока, выложил деньги на стол:

— Где шкатулка? — Ему с радостью вручили, проводили до трапа. Оглянувшись, провожающему признался: — Капитан ваш, выходит? Хотел бы я к нему в команду.

— А что он тебе сказал? — уточнил я.

— Лучше спроси у самого. За такими людьми надо ходить и записывать.

Поскольку капитан радовал очередным талантом, я поспешил к своим. Парни уступили место, все друг друга хорошо понимаем. Мне надо, и вопросов нет. И вот, на моих глазах, создаётся изделие, которому во всей вселенной равных не отыщешь. Полировальная машинка гуляет по пятиугольникам, диск в каждый уголок заглянет. Дефекты литья исчезают, обнаруживая идеальную поверхность. Теперь я понимаю, почему возникает желание подержать в руках. Скажем, топаешь между рядов базара, мельком оцениваешь

безделицы. Вот не лежит душа, рука не шевельнётся. А вот эту конструкцию захочется иметь, сделать украшением своего дома.

К слову, вот тоже набежало, — свои поймут. Проходя личный список учителей, каждый понял, что лучше получается, чему стоит посвятить себя. При условии, что враг не рядом, может угрожать нападением. По всему, наш капитан тяготеет к работе с металлами, дар проявляет себя, в свободную минуту. Мы в порту, время терпит, почему ни посвятить свободный часок любимому делу?

И ещё. Мы — потомки тех, кто создавал и аппараты, и всячески облегчал труды. За нами постоянно наблюдают и крадут идеи. Потом выдают за свои, а новым поколения показывают — как секретную науку. Вам такого никогда не повторить! Их учёные что-то выдумывают, совершенствуют и некоторых результатов всё же достигают. Чтобы нам утереть нос. А мы не рвём рубаху, иногда создаём предметы, на ровном месте. Есть светлые головы, кто глянет только на их двигатель, распознает, как устроено, увидит незримые детали — и повторит. Враг ошеломлённо возьмётся ощупывать да проверять, приборами и линейками мерить. «Работает не хуже?» — спросит мастер. — «А как это у тебя получилось? Без диплома, дня не проучившись?»

Умельцев копировать противник сразу берёт на заметку. В случае, если не удаётся переманить на свою сторону, убивает. Есть такие приборы, частоты низкие издают. Закипела кровь у упрянца, и свалился замертво. Его потом родичам предъявят: он, дескать, полез в работающий двигатель, а это железо, мозгов нет, вот и поплатился...

Колечко вновь напомнило о себе. Кажется, снова подводило к главной мысли. Скопировать можно всё... Я поднял глаза и осмотрелся. Салон выглядел целостным, за этим коконом угадывались конструкции. Если мы копируем самый лучший аппарат, то мелкие недочёты в конструкции подмечаем на ходу. При изготовлении копии, потомственный копировальщик, конечно же, учтёт их и внесёт свои поправки. И копия станет лучше лучшего, а о том можно и не сообщать. Ты знаешь — и того довольно. Если, предположим, корабль участвует в каком сражении, противник знает пределы прочности именно этой модели. И будет сильно удивлён, когда уверенность его размажут фактом обратного свойства. Уцелел кораблик, хотя не должен...

Капитан заканчивал свой труд, доводил мелкие замечания глаза. Быть может, он потомок тех копировальщиков. Или заново родился, пройдя через насильственную смерть.

Тогда и «Б-2403», может стать, полноценная боевая единица, без видимых ракет и орудий. Тогда и... где-то ждут приказа целые подразделения, пилоты и стрелки, командиры и разведка — не на виду у врага, но держат ситуацию под контролем.

Мы же свидетели тому, как на Тобол обрушился однажды рой метеоритов.

Их перебили на подлёте, кто — никто не знает.

На соседней планете рванули атомные станции — снова кто-то радиацию слизал, малая толика досталась населению, но те, кто в курсе, уверены на «сто»: други в беде не бросят.

Изделие капитан пустил по рукам. Сердце подпрыгнуло, лишь взял в свои. Каждый испытал нечто своё, довольно взгляда, чтобы впечатления оценить.

И тут же пригласили студентов занять свои места. Взлетаем.

5

Мелия оказалась совсем неподалёку. Посадка приключилась во время обеда.

Капитан покинул рубку, замер у иллюминатора, высматривая службы.

Я скоренько впитал остатки, подошёл.

— Планшет брать с собой?

— Не будем торопиться. Поедем в разведку. Сам должен понимать: после нашего визита, здесь многое могло измениться.

— Планета на месте, что ещё?

— Нас видели в гостях у той пары. Поглядим: не пострадала ли.

Вот и урок. Мы не пошли пялиться на то, что приготовлено для наших глаз, сделали по-своему. Видимо, потому и взяли на заметку.

— Соседи доложили?

— Так и тележка маршрут запоминает, не обязательно соседи.

Приставленное лицо рекло те же самые слова — к вашим услугам, держите брелок-пульта от каждой тележки, я на связи. На лице лица, как были озвучены уточнения, появилось любопытное выражение:

— Обойдётся одной тележкой?.. А-а, понимаю: остальные провинились, вы их лишили возможности прогуляться. Что ж, вам виднее. — Служитель тоже записал на картонке знаки, какие разобрал на оболочке корабля.

Снова урок. Никогда не сообщай незнакомцам свои планы, цели и число ртов.

И тележка другая, и за нами, похоже, увязался хвост. Дорога-то хорошая, техника тянет на похвалы, только лёгкий слой пыли вьётся за последними сиденьями.

— Что ж, поедем в центр, попробуем известный способ.

— Гонки?

— Это самое глупое, что можно придумать. Рисковать студентами? — Капитану, кажись, понравилось иное обозначение подчинённых: не добровольцев, а учащихся. И учиться можно до ста лет. Наседка и цыплята.

Одной тележкой осматривать центр — ничего, считай, не потеряли те, кто остался на борту. Всё напоказ, всё кричащее. И люди какие-то полусонные. Уже троих я заметил: шли себе в одну сторону, вдруг передумали и развернулись в обратную. Брелком владел Повар, словно решил сварить кашу из местных достопримечательностей. Неплохо водил, светофоры — это такие столбы, с цветными обозначениями. По зелёному можно ехать смело. Мне кажется, хорошо придумали. А на красном надо терпеливо ждать. Вот как тут устроено, надо будет ещё какие подробности уточнить. Полоски для пешеходов, когда тележкам горит красный. И все подчиняются, как по команде.

Тележек не много, редко кого встретишь, мчащимся навстречу. Туристы нарезают круги, всё дальше отдаляясь от главной стелы, увенчанной непонятными приборами.

— А это что у них?

— Излучатели. На случай бунта и восстания, включают на полную мощность.

— Так я их наблюдаю по всему городу.

— Весь и под контролем.

До меня дошло:

— Так только с пленными поступают!

— Вот ты и сделал вывод. Война закончилась не так давно, вот почему мы здесь.

Совсем другими глазами я стал рассматривать пешеходов.

— Но они в курсе, на каком положении?

— Не все. Выжженная память фрагментами подбрасывает воспоминания, основной посыл — они куда-то шли, надо вспомнить. Потому и отслеживаются все перемещения. Скажем, кто-то повёл себя иначе — его тотчас берут на заметку. Вечером подкатит крытая

тележка, приборы выжгут то, что достанут.

— Рабы... Тогда метельщики эти, на перекрёстках...

— Слуги системы.

— И письмо...

— Тс-с! — он приставил к губам палец. — На старой Земле всё во сто крат хуже. Я как-нибудь обрисую положение русов там. Вы же студенты, вот и прочту лекцию. Мне платят, а я ни одной не прочёл, — улыбка скользнула по его губам. — Местные беззащитны перед излучением. Те, кто об этом знает, начали защищаться, пробуют ограждать жилища и постели от излучения. Зато их и вычисляют быстро: поведением заметно отличаются от остальных.

Тележка вышла на третий круг, я подумал — чем дальше от центра, тем безопасней.

— Не так. Излучатели не включают, пока в городе туристы. — И капитан снова приложил палец к губам. Что ж, информации достаточно, остаётся только наблюдать.

6

К нашим знакомым добрались ближе к вечеру. Повар остановил тележку у тротуара, мы вышли размяться. Прошлись по улице, поймали настороженные взгляды соседей.

— С вами можно пообщаться? — Балуха дотронулся до калитки, заметив хозяйку соседнего дома.

Она слишком резко вскинула голову.

— Лучше уйдите! Вы приносите одни несчастья!

Вот тут и думай. Пережили войну, сами не понимают... или что-то понимают, да не хотят делиться. Значит, с нашими знакомыми что-то случилось. Во дворе никого, звонок не работает. И без хозяев не зайдёшь. Потоптались, капитан предложил отъехать и понаблюдать.

Сделали круг, почти весь квартал обошли, у киоска с газетами задержались. Газеты пишут что-то, да нам непонятен шрифт, разве отдельные слова проскакивают — одно на предложение. Капитан так и сказал:

— Подмена языка проходит постепенно. Старые слова изымаются, вводятся чужие. Мозг человека приноравливается, через несколько поколений, читатели будут справляться лучше. Старая память помалу отомрёт, уступит место новым названиям.

Почему так получается, что именно в этот час, именно к известному нам дому, подкатила крытая тележка? Нас, кажется, не обнаружили, поэтому действовали смело. Два ящика выгрузили к калитке, грузчики, должно, занесли их в дом.

Повар выдержал паузу, предложил:

— Полагаю, можно трогаться. Сейчас сами всё увидим.

На самой малой скорости, нагло пялясь по сторонам, мы играли роль туристов. В том самом дворе суетилась хозяйка. С виду — та самая, муж топтался на крыльце и не мог сообразить, что хочет сделать в первую очередь.

— Собаку заведи! — с подозрительным весельем в голосе, напомнила она.

— Точно! А я верчусь...

Капитан предупредил:

— Если подойти и спросить, помнит ли она нас, каким будет ответ?

Я спрыгнул на ходу, приблизился к калитке.

— Здравствуйтесь, хозяева.

— Мы рады вам, рады, что обратились. — Хозяйка вдруг нахмурила лоб, что-то быстро

соображая. Возможно, мой голос и лицо ей кого-то напоминали. — Если заблудились, то дорога в порт уже рядом. Два квартала вперёд и направо.

— Благодарю за подсказку. А ещё вопрос можно?

— Да хоть двадцать.

— Я вам никого не напоминаю?

Она притихла, рукою коснулась лба, словно предприняла непосильную попытку вспомнить.

— Туристов у нас — каждый день, и все с вопросами. Разве всех упомнишь?

— Извините, значит, я ошибся. — Отступая к тележке, успел сказать: — Всего хорошего, извините.

И только тронулись с места, хозяйка уже начала разговор с соседкой.

7

На борту всё по-прежнему. Занятия идут, кто изучает матчасть, интерес к системам корабля проявляется не случайно. Двое осваивают печь для плавки серебра.

Капитан глянул, дал подсказку и вернулся на главный пост. Нам в рубку не велят заходить, э-э, то есть, не приглашают, и думаю, это правильно. Проходил вдоль кресел — узнаваемые очертания «Б-2403», часть систем в разрезе. Трое изучают схемы электрических цепей, кто-то механику. Доберёмся и до двигателя, дайте время. Хорошая вещь планшет, на Тоболе их не встречали.

Поймал себя на мысли, сперва обратил внимание на кольцо. Сидит тихонько, а мысль такая. Копия «Б-2403», с малым уточнением, уже где-то ждёт новый экипаж. Повар и начальник связи... Кстати, на борту повар и не нужен. Он для полковников, как и кастрюли с прочим инвентарём. Для чужих глаз, мы можем и варёного чего съесть, только потом вываривать... Не подходит человеку варёная пища. А как на Мелии, на старой Земле?

Остались бы на Тоболе, ничего бы такого не узнали. Скорей всего, старцы сами решали, кому оставаться, кому на учёбу подаваться. С великанами я бы сошёлся плотнее, у них хотя бы настоящую историю узнал, как на самом деле землян сделали рабами.

Теперь оставалось одно дело — кому передать письмо. В моей памяти — это пустой конверт, так и буду отвечать, если спросят.

Наружное наблюдение сообщило о госте. Представитель Мелии снова к нам, терпеливо дождался, когда заметят. Капитан кивнул — сходи, узнай, чего хочет.

Со мной напросился и Ладопер, вдвоём веселее.

По трапу тоже не привычно, в прошлый раз чуть ногу не подвернул. Обошлось, теперь уделим немного внимания гостю.

— Может, вам что-то не понравилось? Вы говорите прямо. А где капитан?

— Занят. Может, вам что-то не нравится? Не стесняйтесь, — я ответил примерно в той же манере. Они нас могут подозревать в чём-либо, статистику посещений ведут. Знать, рыльце в пушку, хотят на опережение сработать.

Служка наряд свой потревожил, извлёк картонку с номером, как бы сверяясь.

— Замечаний не имеем. Я просто забыл уточнить: команда собирается делать для нас подарки? Ваш корабль побывал у нас четырнадцать раз, а число «пятнадцать» имеет особое значение, если заметили.

— Хорошо, мы доложим капитану. Что-то ещё?

— Вы путешествовали по городу. Метельщики заметили, что к одному дому вы подъезжали дважды.

— Нам не говорили, что запрещено.

— Оно и не запрещено. Сами подумайте: в городе около полумиллиона жителей, вы же избрали одну пару, но она ничем не отличается от прочих. Вот и возникает вопрос...

— Хорошо, мы больше их не потревожим. И всё равно, эти вопросы решает капитан, я просто выразил личное мнение.

— А если в эту минуту капитан освободился? Вдруг?

— Хорошо. Сейчас уточним. — Не успел я ещё что-то придумать, капитан уже сходил по трапу.

— Мы можем идти? — спросил Ладопер.

— Подстраховать не будет лишним. Побудьте. — И, развернувшись к представителю, взял его в оборот. — Вот не у кого спросить.

— Я к вашим услугам.

— Давно мечтал поговорить. Метельщики на перекрёстках — это что-то вроде должности? С метлой ходит, движения производит, да ни разу не видели, чтобы мусор собирал, уносил. Может, вы объясните, в чём суть.

Хозяин пригласил пройти к тележке и присесть, разговор может быть долгим.

Присели, капитан, видимо, включил запись. Я полагаю, жить в напичканном техникой мире и не пользоваться новинками — этот вызов. Так и контакты с местными могут иметь последствия. Лучше подстраховаться.

— У наших метельщиков основная задача — отслеживать уровень радиации. После хорошего ветра, уровень может повыситься на порядки. В этом случае, он обязан предупредить, кого следует.

— Главу города, например...

Служка сделал свои выводы:

— Вот что значит, туристы. Нет в городе никого более высокого и более низкого по званиям, должностям. Мы равны. Метельщик сообщает на соседние перекрёстки, откуда ждать неприятность. Те, в свою очередь...

— Это понятно. И граждане закрываются в домах, ожидают, пока по улицам не пройдёт техника. С радиацией борются у вас как? Поливают чем-то, всасывают пыль?

— Я не владею вопросом, потому как не обучен. Есть службы, вопрос туда. Спрашивайте о том, где я ориентируюсь получше, могу дать совет.

Капитан указал в сторону видимой части улицы, где ползла крытая тележка.

— Сейчас техника занимается чисткой?

— Именно это и наблюдаем.

— Куда потом собранные материалы свозят?

— За город, в специальные места.

— И следующий порыв ветра снова приносит ту же пыль.

Служка не растерялся.

— Я не могу ответить на ваш вопрос.

— Тогда... чем ещё вы можете быть полезным?

— Могу рассказать, из-за чего началась война, её последствия. Могу осветить менее масштабные темы. То, например, как мы собираемся жить дальше, со всеми последствиями.

Капитан покрутил на пальце серебряное колечко, в руках я разглядел крохотную искру.

— И как скоро вы смогли поднять город из руин?

— Около года назад закончили. Конечно, на северной окраине ещё ведутся работы, но, в

основном, завершили.

— Отлично. Благодарим за участие. О причинах войны, надеюсь, поговорим, тема интересует очень, но не сегодня. На мне большая ответственность, сколько мог времени уделить, столько и взял. Нам пора, дела не ждут. Приходите завтра.

— Кто-то другой, уже не я, обязательно вас навестит, не сомневайтесь.

А у меня письмо не выходит из головы. Доставили, а теперь что?

На столе, для всеобщего обозрения, сияло изделие капитана. Волшебное изделие. Мы наблюдали весь процесс изготовления, и вот оно всем радует глаз. Возможно, даже какие-то мысли возникают. Возможно, очищает воздух, — мы-то могли на одежде, на обуви что-то занести.

— Мне понравилось, как они придумали на перекрёстках. Красный — стоять. — Ладопер устал читать с планшета, отложил и дал глазам передышку.

— Может, у кого подглядели. Посмотрим, как на других планетах, надеюсь, ещё и не такого увидим.

8

Далеко за полночь, когда студенты видели самые сладкие сны, меня растолкал Ладопер. Протерев глаза, я разглядел и капитана. А действовать без лишнего шума мы обучены, как и спать на креслах.

Планшет на месте, в руках капитана конверт. Глянул я по сторонам, последовал за ними. Спустились по трапу, чего-то ждём. Ночь хороша, звёзд и планет миллионы, зелёная луна скатывалась в тень. Две оранжевых спешили на дежурство.

— К нам гость. Кто угадает, с какой стороны?

Видимости пока никакой, втянул носом воздух.

— С севера. Запах женщины. — Может, товарищ мой нашёл что другое?

— Женщина. — Ладопер оценил подступы к порту. Охрана на месте, не проскочишь.

И тут, между освещёнными участками, мелькнула вспышка. Она продвигалась рывками, как ей что-то угрожало. Не иначе, обнаружила хвост и очень торопилась.

— Впервые участвую в такой передаче. — Капитан положил конверт на нижнюю ступеньку. Сделал шаг назад. При полном освещении, вспышка почти не заметна, но приближалась.

— Первый раз так явно вижу астральное тело. Наша хозяйка. — Ладопер протёр глаза, настроившись зафиксировать момент. Как астрал может взять конверт из физического мира? Разве есть известный способ: письмо содержит астральную копию, вот за ней и явилась.

— Ты заметил?

— Не сумел. Очень быстро всё произошло. — Я глянул на капитана.

— Вот и я так.

Капитан похлопал по плечам обоих.

— Пошли. Мы сделали доброе дело, завтра можем уходить. — Входной люк подал сигнал — вход надёжно перекрыт. Капитан внёс поправку в показания счётчика, стёр данные о том, что ночью выходили на воздух, подышать.

— А если зафиксировали камеры? Противоречия показаний могут вызвать задержку?

— Думаю, хозяйка позаботится об этом. С такими возможностями, ей никто не запретит подчистить записи. А не выйдет — утром узнаем.

Утром нагрянули с вопросами, новый служка подарками не интересовался, вызвал на откровенный разговор, — ну, так он планировал:

— Прошлой ночью кто-то наделал ущерб в порту, и вроде ничего не украли, сломали какие-то предметы, ящики из-под фруктов подожгли. У вас ничего не пропало, следов варварства не заметили?

Повар избрал любопытный маневр, вышел с порцией каши.

— Вы, небось, позавтракать не успели, присядьте на сиденье... — Под локоток, нежно, помощник увлѣк нюхача подальше от трапа. Вдруг запах подозрительный поймает, для подозрений появятся причины.

На дармовщинку, даже если и завтракал, мало кто откажется. Слизал за минуту, ломтем хлеба зачистил тарелку до идеального состояния.

— Я так и понял: у вас ничего не случилось?

Повар извлѣк из-под полы тесак.

— Ночью я дежурил. Ничего подозрительного не заметил. Даже горящих ящиков. Думаю, их подожгли полчаса назад, а для чего? Кто отдал приказ — лучше и не знать, правда? Ежели нам дают понять, что наше присутствие кого-то не устраивает...

— Что вы, вы о чём? Мы рады всем! Просто случаются накладки... Считаете, ящики... полчаса назад? Я об этом как-то не подумал. — Служка быстренько окинул прилегающую территорию, спросил: — Город будете смотреть?

— Желающих пока не видно. Есть штатные мероприятия на борту, перед отправкой, может, кто и обнаружит желание. Но, как мне кажется, ничего нового город не предложит. Скучновато живѣте.

— После войны не до веселья.

— Это точно.

— Вашему капитану можно личный вопрос задать?

Повар подставил под лучи солнца тарелку, стал выглядывать дефекты. Выдохнул:

— Каша не помогла.

— Это же не взятка, надеюсь? Я мог и отказаться, только из уважения к вам.

— Ладно, сейчас позову.

Капитан выслушал службу без малейшего интереса, пока тот не убедился, что корабль может уйти в любой миг. Капитан на глазок оценивал говоруна: что же ты хочешь сказать?

Тот и почувствовал, что время пришло.

— Ой, совсем забыл! Меня просили передать, команда одного судна хочет с экскурсией побывать у вас на борту. Они вроде собираются приобрести такую же модель, хотели бы разузнать о преимуществах и недостатках.

— Ну, наконец.

— Что вы имеете в виду?

— Наконец я узнал истинную причину назойливости.

— Вам показалось. Так я могу передать ваши слова?

— Не более трёх человек, иначе не поместимся. — Капитан на миг прикрыл ладонью глаза, для концентрации, вроде. — То есть, вы не в курсе, как угоняют корабли? Заходит банда поглазеть, по команде набрасывается на экипаж и угоняет.

Служка отступил, говоря:

— Первый раз слышу. На Мелии таких случаев не зафиксировано.

— А хотите?

Тот замахал руками и скрылся с глаз долой.

Банда, тем не менее, показалась на площадке по соседству. Если вышли для разведки, то

пора уносить ноги.

— Капитан? — самый хилый из группы целенаправленно шагал к трапу «Б-2403», всем видом доказывая: ну, разве я представляю какую угрозу?

Трап благополучно вернулся в нишу постоянного хранения, подан сигнал для всех, кто находится рядом: «У вас есть одна минута, чтобы унести ноги».

Гостёк набрал приличную скорость ещё на первой половине фразы. Мелия ухнула в пропасть, потяжелев на одно письмо. Ну, а мы привычно заняли свои места, кто сразу спать, кто полез в планшет, освежить данные.

Я смежил веки, собрался вздремнуть. На мониторе салона мелькнула картинка, вместе с обрывком разговора: «Так что, они сели нам на хвост?»

Сон как рукой сняло. В рубке, поди, уточняют данные, строят планы. У нас пока что данных мизер. Допустим, пираты. Или мелкая шайка, специализирующаяся на угонах, под заказ. В какие подробности нас успели посвятить ещё на Тоболе, и я тогда ещё подумал: зачем нам эта информация? Пусть думают те, у кого есть корабль. Сегодня я думаю иначе. Сразу же прикинул: если пираты сумели закинуть маячок, то будут и на малых скоростях шлёпать следом, срезать углы и лишний раз не мелькать. Допустим... подключился маячок к сети, и будет транслировать разговоры в рубке. Разговорами, конечно, мы сумеем направить их в другую сторону, это пустячок, осталось обнаружить сам прибор. Про такие методики узнал из планшета. Приходится себя чем-то занимать, пока можно поваляться, не ведая хлопот.

С подъёмом ситуация прояснилась. Капитан вышел не один. Ещё один член экипажа, доселе не казавший глаз, предстал во всей красе. Цепкий взгляд именно сейчас не следовало предъявлять: ты же всех нас видел не единожды. Разве это элемент тренировки памяти, один из способов. Видимо, с привязкой к номерам кресел.

— Кратко ввожу в курс дела, — начал капитан. — К нам на хвост, — теперь все признаки подтвердились, — села группа, которая занимается похищением кораблей под заказ. Вместо того, чтобы бежать, куда подальше, мы намеренно будем вертеться под самым носом. Подразним, так сказать, — пока наш товарищ поищет у них уязвимые места, что-нибудь придумает. А теперь смоделируйте своё поведение на такой случай: они оказались на борту у нас. Будем считать, их не менее двадцати, все вооружены. Даю попутно справку. Для каждого поколения кораблей есть ограничения и допуски. Если на древних моделях стрельба внутри допустима, без больших повреждений, то «Б-2403» не рассчитан на такие приключения. Задача — любым способом избежать стрельбы внутри, вплоть до передачи корабля в руки захватчиков. Отобъём, найдём способ, лишь бы ничего не повредить. — Капитан оценил реакцию, читая по лицам студентов решения. Продолжил признанием: — Однажды мы прошли через такое испытание, около года охотились за своим кораблём, заодно изучали новинки, как защититься от следующих попыток. Тут и дорогие программы, но мы прекрасно понимали: на всякую найдутся специалисты по взлому. Были варианты по усыплению, обездвиживанию, были системы ложного управления... Ну, о тонкостях я расскажу на отдельном занятии. Наконец, пришли к единственному решению: не прятаться и бегать, а атаковать. Для тех, кто нанимается в банды, продумали систему наказания. Создали, считайте, с нуля. Две банды отбывают сроки, мы иногда навещаем, гостинцев подкидываем. И на сегодняшний день, смело могу заявлять, лучшего варианта не существует. Представляю вам РазВеда, член экипажа, отвечающий за безопасность. Чуть погодя, он отправится навстречу с бандой, проведёт мероприятия и будет держать нас в курсе планов.

Для чего я это сообщаю вам? Только для того, чтобы все искренне пожелали ему успеха. Коллективное пожелание разнесёт в пух и прах все препятствия, мы ликвидируем возникшую опасность и подготовимся к очередной.

РазВед. Надо запомнить хорошенько, — с именем проще, образ надо накрепко привязать к одному из стойких понятий. Так учат на Тоболе. Защитник — самое верное определение, так и зафиксируем.

Мельком, я оглядел парней. Они сделали то же самое, уверен. Этот человек пустится в одиночку... именно одному легче затеряться и оставаться неопознанным.

На монитор попала сцена прощания. Капитан проводил защитника в затычное задание, в углу экрана дали картинку аппарата, каким воспользуется РазВед. Бегущей строкой пришло сообщение, что технические характеристики шлюпки присланы на планшеты.

Студенты погрузились в изучение.

«Шлюпке присвоен номер корабля. Так меньше возможностей его обнаружить во многих случаях. Для всех операторов, кто шарит в эфирах, «Б-2403» существует, вот его координаты. А пылинки, откликающаяся на запрос, зеркалит: «Б-2403» — это я, как сотни и тысячи обломков зеркалят имена недавно разминувшихся с ними кораблей. Явление почти не изучено, у исследователей полно других задач, но надежда, что кто-то однажды расшифрует поведение объектов, имеется, по принципу случайности большинства открытий.

Добровольцам довольно знать несколько основных преимуществ шлюпки. В сумме — она обошлась дороже, чем два полноценных корабля класса «Б-2403», её двигатель настолько хорош, что, при угрозе захвата, его полагается уничтожить в первую очередь. По косвенным признакам, модель нам подбросили старшие братья, кто не должен афишировать своё участие в наших... скажем так, «буднях».

Часть пятая

1

Как отбыл на розыски банды защитник, так в углу монитора появился значок. «Стрелка в поиске» — огонёк на хвосте, как признак состояния двигателя. Понятно, что для чужих глаз значок уберут, мы же остаёмся в курсе: наш человек ведёт самостоятельный поиск. Я вполне допускаю, в рубке есть картинка; сочтут нужным что-то показать — покажут.

Можно прикинуть варианты. Защитник зайдёт к ребятишкам в тыл, сверит направление. Ещё раз убедится, что маячки нам подбросили, и наша задача их обнаружить.

— Я про маячки, — Ладопер подтолкнул локтем. Я запустил глаз в его планшет. На мониторе он проводил обыск отсеков, куда могут затесаться вражеские датчики. Уже не секрет, что самые продвинутые производители снабжают их системой перемещения. Скажем, попал на борт — вылезут колёсики, и помчал маячок прятаться. Где — с помощью магнитов, где клейкие наклейки применит. И затихнет дней на десять или больше. Пока защита корабля успокоится... — условно, само собой, она будет бдеть, шарить по блокам и конструкциям, сличать с оригинальными данными (форма-вес-резонанс на контрольный источник звука). Тройная проверка параметров не позволит посторонним предметам быть не обнаруженными. Мы помалу привыкаем к таким проверкам. Заходишь в техкоридор и слышишь всякое. Модуль, совершающий проверки, так и назван: «призрак». В потёмках либо на свету, ползают рукава по оборудованию, где прозвонят цепи, поищут разницу, не увеличилось ли сопротивление, нагрузка по весу... Тонкостей хватает, мне иногда кажется, нам не угнаться за современными достижениями. Одновременно, и гордость колотит в черепную коробку: ты понимаешь, что на этом борту мог оказаться кто-то другой? Приложи

старания да не забывай о такой подробности.

Тут забудешь, как же.

— Помнишь те корзины? Капитан ещё просил их сфотографировать. Неужели их не осмотрели?

ЛадоПер отправил запрос. Ответ получил тотчас: «Перебрали. Ничего подозрительного».

— А сами корзины? — У меня мелькнула догадка. Кольцо не причём, вот честно. Просто глянул на него, и появилась мысль. — Пошли запрос по материалу.

Толстым пальцем ЛадоПер не всегда попадал по клавиатуре, стирал, набирал заново.

— Справа есть крестик. Нажимаешь — он удаляет последнюю букву. Зачем же всё заново набирать?

— Не знал. Сейчас...

Так и путешествуем по вселенной — в креслах, помогая друг другу разбираться в планшетах, наблюдая между делом, кто за нами наблюдает. Для специалистов достаточно одного обозначения — «Б-2403», и десятки операторов возьмут на заметку, прибегнут к автоматическому отслеживанию. К примеру, возьмём муравьиную кучу. Каждый работяга снуёт по своим маршрутам, одна цель — благополучие семьи — объединяет с виду беспорядочные перемещения. Погибают — не задумываясь, что противник огромен, нападают и кусают. Другого оружия у них не имеется: своих распознаём, чужих убиваем. А рядом с кучей находится Наблюдатель.

В открытом космосе, пока есть противоборствующие стороны, происходят разные подвижки, от мышинной возни до кровопролития в конкретных точках. Новостные каналы грешат переизбытком преступлений, участники которых иногда сознаются в чужих преступлениях, свои забывают — в пользу заинтересованных сторон. Послушаешь одного такого, и почешешь затылок:

— Тю! Полгода для меня не срок, отсижу...

С нравами, которые могут повстречаться, нас знакомят постепенно. Одно устраивает: русский язык стал языком международного общения. Самые дикие и отсталые народы, их ответвления, занимаются самообразованием, приступают к изучению русского языка, в более упрощённой форме, далёкой от оригинала, но достаточной для допуска в общество допущенных... Как-то сложновато для восприятия сразу, да надо вникать, иначе не допустят в общее пространство. Не нервничать по пустякам, если пути пересекутся с представителями нижних слоёв, для кого сытое брюхо важнее каких-то положений и взаимной вежливости. Опять же, кому-то позволено иметь вооружение в пределах ограничений, кто довольствуется малым. Именно поэтому скоростные характеристики помогают избегать нежелательных знакомств.

Ой, как сложно всё устроено! Жили на Тоболе — горя не знали. И только взгляд капитана обнадёживает: это только начало. Космос давно нуждается в основательной уборке, так это время и выделено на предмет проявления своих качеств. Сколько ни таись, внутренняя суть однажды вылезет, как бы ни старался. Грянет Уборка — невинных обойдёт, хамов приструнит, преступникам укажет их место. И в этих краях смогут путешествовать даже дети, без опаски угодить в неприятность.

Своими мозгами приходится доходить: космос поделен давно, без всякого права на владение, без закрепления в сводах Совета. Единственное право, признаваемое всеми участниками перемещений, это границы планет. Вот за нарушение их можно схлопотать по

самой тяжёлой статье, посему правила предупреждения, запросы на посадку и даже пересечение границ по скользящей — этих пунктов придерживаются даже дикари. Для граждан, понимающих ситуацию, пришлось решиться и завести институт операторов. Отслеживать объекты, могущие оказаться по эту сторону границы и по ту... Ой, как же всё сложно на словах, когда глазами мы читаем самые понятные пояснения.

2

Иногда ловлю себя на мысли: а головонька вместит столько всего? Это буря — последние дни на Тоболе. Взять хотя бы аварийный пакет. Есть такая особенность на кораблях: в случае угрозы захвата, командирами срывается пломба с блока управления орудиями, с полной фиксацией координат, времени и объектов. Патрули имеют право устраивать проверки на предмет целостности пломб. Пока на этой территории, противопоставить мы ничего не можем. Случаев полно всяких, чаще в сводках мелькают сообщения: «Отбились своими силами. Благодарим за поддержку». А той поддержки — слова в эфире: «Идём на помощь!»

Банды, получив по мордам, немедленно бросаются в бега, да попыток не оставляют. Два случая недавних стали нам известны: женский экипаж, в районе Марса, получил предупреждение, что, рядышком почти, два экипажа не разгадали замысел охотников. Те заявили под видом патрульных, их приняли на борт... За что и поплатились. Район оцепливается, начинаются поиски захваченных судов.

Хоть бейся об заклад, ну не купится наш экипаж на дешёвку, мы уже принимали настоящий патруль. Так что, опыт кой-какой получили. Женские экипажи, конечно же, притягивают общий интерес. Ремонт, связь, плановые работы — всё самим, пока не коснётся крупных поломок. Нашему брату порой и крупные по зубам — есть уверенность такая.

— Почему, думаешь, женщины настолько доверчивы? — ЛадоПер прокомментировал сообщение. — Считаю, они в поиске принца. Вот сейчас так и сойдёт с трапа, одетый по их дурацкой моде, выбрит до противного. Ты видел когда, чем украшены женские каюты? Мужские лица и фигуры, как идеал для поиска.

— Не видел, и видеть не хочу. Ты к каким системам больше расположен?

— Изучаю все. Если что-то не понятно, открываю следующую тему. Ищу, что мне ближе.

— А я попробовал бы себя в связи. Когда долго рассматриваешь схему, в голове наступают прояснения. И только удивляюсь: кому такое в голову пришло — этак разместить детали? Очень грамотно...

— Так они этому учатся годами.

— Тут и за неделю-другую можно разобраться.

— Это тебе. Ты вырос в других условиях. Им труднее. Их миры напичканы техникой, легко растеряешься при таком изобилии. Железные помощники, роботы, значит, часть трудов по хозяйству взяли на себя. Казалось бы, ты получил уйму времени, так используй с пользой, — так ведь не туда глядят, праздности предаются. Никакого толку не выйдет.

— Прижмёт — и выйдет. Часть, конечно, не выживет, но те, кто уцелеет, пойдут дальше.

Монитор привлёк внимание. Та самая «стрелка» выключила двигатели. Защитник прибыл к месту несения службы. Раз не дают картинку, может, правило такое: себя ничем не выдавать. Осмотрится, даст по привыкнуть окружению — я тут такой, просто и опасности не представляю, забудьте обо мне... Кто их поймёт, как тут принято?

— А вот для чего девы выкладывают фотографии? — ЛадоПер листал страницы, фыркая от фальшивости некоторых: — Во, глянь! Это муж или женщина? А этот? Одни мышцы, и лба не видать. О, нет, с ними далеко не уедем.

— Да брось ты это дело! Их мир на грани гибели, какая разница, что они придумают напоследок?

— А вдруг с такими чудами здесь встретимся? Тощие, с железом на всех частях тела. Смотри, нос! Кольца и серьги на веках, в ушах! Глянь!..

— Отстань! Лучше изучи обслуживание трапа. Там вроде попроще техника. Смазать, поменять масло, устранить задиры и повреждения. Грузы-то всякие на борт заносят.

— Хорошо, посмотрю... Но это край дикости, БороГор, понимаешь?

На некоторые вопросы лучше не давать ответов. Скучно. Вот в части микрофонов, какие виды, модели и размеры, — самые поразительные штуки снабжены микрофонами. То есть, меня может легко прослушивать враг, находясь очень далеко.

— Знаешь, я тут подумал... — ЛадоПер отложил планшет. — Полетел к врагам защитник, скорость-то будь здоров. Вот не мог так быстро домчать, наверное. Он заранее выключил двигатели и идёт по инерции. По приборам. Техника ему сообщила: пора выключаться, до цели и так дойдём.

— Соглашусь, хорошая версия. Ты лучше представь, что будем делать, когда в салон войдут чужие. Ну, вдруг?

Ладо Пер потеревил ухо, отлежал, видно.

— А ничего. Скажут подняться — встану. Скажут отойти куда — сделаю.

— Прикажут покинуть борт.

Он поворачивал глазами, пытаясь представить картинку в уме.

— Покину. Сказано — жизнью не рисковать. Мы же их достанем. И тогда посчитаемся, бить не буду, слов верных несколько найду.

Я не стал перечить: пусть сам разберётся. Это тебе не на Тоболе, где простые слова доходят с первого раза. Мы оказались в незнакомых условиях, и надо принимать их, как руководство к действию. Мы не изменим здешний порядок вещей, пока не имеем нужных рычагов. А вот что сказал капитан?.. Две банды отбывают сроки, проходят перевоспитание ограничением, он думает, его метод даёт заметные результаты.

Хотелось бы взглянуть на перевоспитанных. И что-то сомнения берут-шевелются: их воспитала здешняя среда, правила усвоены с самого детства. Как же можно поломать то, что десятки лет пускало корни и утвердилось навсегда?

Если капитан изобрёл способ, то было бы неплохо ознакомиться с оным.

Лёгок на помине, — вышел с сияющим лицом. Старания скрыть ликование ему на удавались. И место наших бесед изменить нельзя, я снова у иллюминатора, любуюсь возможностями стекла. Хвост и нос — как на картинке. Точно я глаза свои выдвинул за стекло и снаружи обозреваю поверхность корабля.

Мне не терпелось, да и надо помогать капитану:

— Он уже на месте?

Когда нас понимают без слов, эмоции обычно зашкаливают. Все живые люди, просто у каждого свои манеры и обычаи.

— Без помех. — Капитан был готов приплясывать и потирать руки, да плотно держал себя в рамках. — Обычно, мы договариваемся о полном молчании: ни картинок, ни сообщений. Да Развед сделал пробный выстрел — метнул картинку весом в сотую секунды.

Такую почту почти невозможно перехватить, приборы считывания принимают за шумы и помехи от пролетающих объектов.

Я попробовал поставить себя на место капитана.

И почти разглядел то, что прислал РазВед. Слово «сотрудники», мне показалось наполнено новым образом. Сотрудники банды связаны единой целью — добычей денег, и способы добычи никем не контролируются. Вплоть до лишения жизни. Тогда это слишком грязный способ, и сотрудники не понимают, что поступки начинают разрушать тела изнутри, на клеточном уровне. Положительные эмоции и праведные поступки укрепляют иммунную систему, всё остальное разрушает. Разбогатевшие ловцы удачи обнаруживают целый букет хворей, мчат к врачам — спаси!.. И те уж постараются выкачать суммы, ничем не рискуя. Лекарства дают временное облегчение, суммы растут, пациент (ух, какое словцо себе нашли!) вверяет себя врачу.

Ладно, оставим эту сторону, нам важнее другое. РазВед чудесно устроился по соседству. Идёт параллельным курсом эдакий камень, с постоянной скоростью, в сторону «Б-2403». Сотрудники обнаружили, совершили четыре маневра для проверки. Глыба за ними не ходит, а им нужно вернуться на курс, и снова — объект и судно — «чешут» в одну сторону. Странное словцо «чешут», кто там меняет смыслы слов и значения?

Ладно, это привычный им мир, не отвлекаемся. РазВед сообщил, что готовит два маячка для установки на вражеский борт. То есть, в следующий сеанс связи подаст весточку, всё ли у него получилось.

Уже от капитана прозвучало уточнение. Мачки бывают разных моделей, самые дорогие — два в одном, это когда транслируется картинка и звук. Мы же не настолько богаты, чтобы позволить такие штуки, нам довольно чего попроще, была бы связь.

То небольшое, что получила моя головушка, постепенно поддавалось расшифровке.

Судно имеет на борту крепление... дошло: для быстрой замены одного имени на другое. То есть, мы садимся на планету под одним именем, через три дня садимся на другую планету — под другим, такой способ мешает отслеживать судно, если на нём нет маячков.

Ах, так вы уверены, что на борту нет этих штук. Забавное положение.

А теперь стал доступен и общий вид судна. Надстройки и пустые глазницы по бортам нам говорят, что это бывшее военное средство, списанное, как морально устаревшее. Запас надёжности перевалил отметку, когда военные не хотят рисковать. Для гражданских — это вполне себе рабочая лошадка, ещё поучаствует в нескольких махинациях, потом и сдать на свалку не жалко. Окупится, надо лишь цель подходящую брать.

Два шлюза. Вот это не понятно. Один заклинило — второй выручит. Ну, разве так. О, как в одной киноленте: перестрелка между кораблями, обе стороны стараются попасть в шлюзы. Видимо, на тот случай, чтобы никто не покинул борт... Как там в кино? «Мы сдаёмся, просьба прекратить огонь». И победитель плавно подруливает, устраивает обыск, команду в наручники...

Я чуток удивился, что РазВед не прислал название корабля. Списывали под другим, где-то в архивах значится. И карта сопровождения: кто покупатель, маршруты по годам, где был замечен, как далеко от точек конфликтов, с применением орудий. Если же не ввязывался, то чем промышлял корабль: специализировался ли на добыче ископаемых, возил продукты, самая дальняя точка, где совершал посадку...

Как они до всего этого додумались? Сложновато устроено, — зато легче для Главного Ока. И каждый капитан мечтает вызнать способ, как сделаться незримым для

всеобъемлющего контроля. И, видимо, некоторым удаётся.

Капитан подмигнул мне. Он преподавал урок, и то, что разглядел, понравилось.

— Я делаю успехи?

— А я в тебе не сомневался. Знаешь, почему мы набираем добровольцев с чистых планет, где «технический прогресс» наводит свои порядки?

Я поймал себя на том, что улыбка расплывается по лицу.

— В этом вопросе уже заложен и ответ.

Капитан потрепал по плечу и направился в рубку. Я направился на свой аэродром, чтобы растянуться и перелопатить информацию заново.

«Б-2403» бережно обходил пни и колоды, избегал ненужных встреч, и прочная, незримая нить связывала борт с товарищем, который готовил к заброске маячки.

3

Устраиваясь на кресле, услышал от соседа:

— Ты весь сияешь. — Ладопер не отрывал глаз от планшета, разбирался в системах шлюза. На минуту отвлекся: — Двое отправились сдавать экзамен. Прямоком в рубку, а ты и не заметил, да?

Осмотрелся. Два кресла пустовали. Получается, экипаж сделал для себя выводы, кого в штурманы и связисты, кого в ученики пилота.

Я не утерпел:

— А знаешь, сколько новых слов и местных выражений я усвоил за несколько мгновений? Мне кажется, попадись тот полковник, мне удалось бы его поставить в тупик.

— Например?

— «Чешут», «жарят» — перевернули с ног на голову. Пока в голове ещё наблюдается каша, но, как только застынет, я попробую заговорить на новом языке.

— «Чешут» — и что оно означает?

Я хохотнул.

— Пусть застынет. Я буду кусочками нарезать и подавать на блюде.

— Договорились. — Ладопер ткнул карандашиком в схему. — Посмотри ты, может, твой глаз что-то прояснит. Мне почему-то не даётся.

Взял в руку его планшет. Колечко ожило на пальце.

— Сложновато, на первый взгляд. Но ты пойми: я себя пока не нахожу на месте. Слова капитана подняли настроение настолько, что пока ничего не хочу знать и слышать. Дай насладиться эффектом... — И тут же себя одёрнул. — В рубку, говоришь, пошли? — Я поджал губу, задумав озадачить друга. — А теперь представь: точно такой «Б-2403» готов принять экипаж из наших парней, кто числится в студентах.

— Мы же добровольцы. Для полковника — студенты. — Ладопер отложил планшет и направился к иллюминатору. Иногда полезно сделать отметку на маршруте, как на дереве в лесу: мы были здесь.

И покатали события, догоняя и перегоняя друг друга. Краткие сводки командир выводил на монитор. Ладопер старательно фиксировал эпизоды, — не иначе, строчил роман, по горячим следам. Тут уже и я, волей-неволей, стал присматриваться и отслеживать, как развивается сюжет. Так получалось, что два литератора, считывая информацию с одного монитора, создавали непохожие труды. Из-под моего виртуального пера выходил насыщенный техническими данными репортаж с места событий, Ладопер больше налегал на приёмы, какие вычитал в сети... Вот, ещё один термин прилип к языку, хотя к тому не

сильно стремился.

Если же вкратце, не претендуя на написание полноценного романа, то на повесть я замахнулся бы, имея рядом столь заразительный пример. А если рядом со мной будущий писатель? Вот кроме шуток?

Первым делом, РазВед организовал своё пространство. Ладопер описал эту фазу так. Внимания стараясь не привлекать, он обошёл окрестности, взял на заметку десятков глыб, к каждой пристыковался и задал нужное направление. Ну, как мяч перенаправил. Сам изучил повадки объектов, как ведут себя в путешествии. Один «чешут» прямолинейно, без фокусов, другие вращаются вдоль незримой оси, со своими интервалами. Так их можно все раскрутить, чтобы затруднить фиксацию сторонним глазом. Болтаются какие-то, вреда от них пока нет, а то, что идут одним курсом, в ту сторону, куда мы идём, так это случайность. На том построена первая линия обороны: не привлекать. Дальше — ну, тут уже попроще. В какой-то момент на корабле решили сойтись поближе да разглядеть, нет ли чего ценного в тех глыбах. Спектрометры, анализаторы не порадовали: абсолютно никакой ценности камушки не представляли.

Улучил момент товарищ наш, отправил по дуге оба маячка. Спустя время, первый подал знак — есть контакт, или касание корпуса. Следом и второй откликнулся. Настройка систем, с учётом проницаемости корпуса, и первые разговоры на борту стали достоянием РазВед. Члены команды спорили о том, что камушки начинают нервировать, не расстрелять ли их — от греха подальше? Вот ещё, возражали другие, снаряды лучше побережь, ещё не известно, с кем предстоят встречи: там точно могут пригодиться, а то некоторые субботник на свалке затевают проводить. Вам жизни не хватит сделать уборку.

Товарищ запустил вторую фазу по внедрению к врагу. Сначала щупы обнаружили места, через какие можно подключиться к питанию, следом протекли жидкие провода, затвердели, и маячки перешли на дармовое питание, подзарядили свои аккумуляторы и подготовились к длительному переходу, верхом на объекте, которому до времени присвоен статус «условно опасного».

Трансляция всех бесед на борту, иногда переходящих на непонятный жаргон и мордобитие, вселяла уверенность, что экипаж в состоянии допить до состояния, когда основной заказ будет снят с повестки дня. Вот, хотя бы для примера, бегущей строкой на планшете:

«Парни, мы взяли аванс, но это не повод просадить его, а потом нового заказчика искать... Да посылай всех, кого не видят мои глаза!.. А ты не подумал, что нас могут загнать в угол и потребовать наличные обратно?.. А пусть попробуют поймать!.. Ну, не с нашими двигателями ввязываться в споры... Капитан, ты самый трезвый... вот скажи, ты уважаешь экипаж, или мы нужны тебе, как пушечное мясо? Сам заработаешь, а нас, пьяных, высадишь к каким людоедам... Думаешь, нам про тебя ничего не известно? А где старый экипаж? Так и было, вот признайся, пока голову не разбили ненароком...»

4

У Ладопера что-то стало получаться. Мельком бросая взгляд на его планшет, я видел приличный кусок текста, и он подвергался редактированию. Как бы ни приклеилось прозвище Редактор. Похоже, друг мой взялся написать продолжение истории про капитана, который материально поддерживает людоедов. Я, конечно, не против творчества, но надо же серьёзней подходить к темам. Напиши про Тобол, придумай, как там без нас живут, чем занимаются. Как там великаны.

Подсунул ему свой планшет, с принципиальной схемой шлюза и узлов.

— Смотри, вот эти клапана работают на открывание, вот «глаза» привода, которые определяют расстояние до грунта. Трап выходит ровно на столько, сколько определила программа. А вот датчик особый. Он подаёт сигнал, в случае утечки воздуха. Его дублируют два крохотных, вверху и внизу, но на связи с бортовым компьютером остаётся основной. Как видишь, ничего сложного.

ЛадоПер кивнул, слегка отсутствуя на борту. Тому причиной могли быть две его короткие беседы с капитаном.

— Я предложил капитану эксперимент, — выложил он, чуть подумав.

— Уже интересно.

— Смотри, — ЛадоПер открыл один из блокнотов, пролистал пяток страниц. — Так я себе представляю место, где отбывают наказание две банды. Показывал капитану, он говорит — похоже.

Я взял планшет, посвятил себя изучению рисунка. Округлость горизонта сообщает нам, что планета малых размеров, ни гор, ни впадин, хотя ямы могут присутствовать незримо, под слоем киселя.

— Что за кисель?

— Получилось! И ты увидел! — ЛадоПер чуть не подпрыгнул, перешёл к натиранию коленей. — Какой же ты внимательный! Вот ответ: почему на ум первым пришла подсказка про кисель?

— Ещё на Тоболе меня учили: когда в рисунок вкладываешь свой план, желание и обозначение, то зритель сразу их обнаружит. Здесь чуда нет, всё объяснимо.

— Минуту! А где был я в тот день? Что-то не припомню этой темы.

Я сосредоточился на прошлом, отлистал до нужного момента.

— В тот день вы с отцом отправились к великанам.

— Вспомнил! Отец вызнал, что в доме нужно хранить самоцветы, как обереги, в соответствии с именами богов. Дедовы вроде как утратили силу, в доме наметились нехорошие знаки. А меня взял — на случай, если понравимся, они и мне чего подарят.

— И что тебе подарили?

— Сказали — подрасти. В свой час твоё тебе будет. Конечно, я же могу потерять, потом никто не подарит снова.

— Погоди, твой дед... Он же к великанам ушёл, как все?

— Мы только могилку нарисовали, будто похоронили в ящике.

— Этот ящик называют гробом. А что капитан рассказывал о наказании банд?

— Ого! Это его волшебство. Он создал условия для них, и никто не должен о том знать, иначе разрушится установка. А я сообщил ему, что пробую написать рассказ, опираясь на эту историю. Мне нужны подробности. — ЛадоПер шмыгнул носом, точно перца пожевал. — Капитан и говорит: хочешь подробностей — придумай сам. А у меня уже готово три варианта, он выслушал и, через смех, отвечает: жестоковат ты, ЛадоПер, такого сурового наказания они не заслужили; может, в будущем дотянут, но мы говорим о дне нынешнем. Фантазируй!

— Тогда извини, не вовремя я. Ты занят изучением системы наказаний, а я со шлюзом лезу!

Дружок мой запнулся на минуту-другую, пытался прочесть с лица, не подзуживаю ли.

— Не нравится мне твой тон. Скажи прямо: полез не в свои сени. Согласен, корабль

надо изучать, я постараюсь. Но и эта тема меня интересует. Мы же третью банду посадим на те же харчи, в те условия. Разве не интересно, какие рычаги будут воздействовать на подмененное сознание и возвращать человеку прежнее?

— Сознание, ты ж понимаешь! Не равняй себя с испорченными людьми. Главное Око в том сильно заинтересовано, а мы исправлять. Только попробуй! И по одному полковнику, за каждым ухом, обнаружишь.

— Мы же аккуратненько, капитан очень уверенно ведёт корабль среди препятствий.

— Он старается — и нам не ударить лицом в грязь.

На другой день ЛадПер выдал мне полную схему и плановое обслуживание узлов и систем шлюза.

— Ты меня снова удивил.

Он затаил улыбку, выдал:

— Теперь займусь двигателем.

— Стоп-стоп, не гони лошадей. Ещё никому не давали темы двигателей. Мы её берём в кольцо, двигатели — для крупных специалистов.

— А крупнее меня да тебя на борту никого не видел.

— Ладно, я посоветуюсь, дам ответ.

5

Если капитан выходит в салон и оглядывается на главный монитор, то нам следует отложить дела. Защитник потихоньку балует данными.

«Правый двигатель полгода, как прошёл серьёзную доработку, он ещё послужит. А вот с левым загвоздка: то тянет на полную мощность, то капризничает. Два механика сидят постоянно рядом и чешут затылки. Экспериментируют с добавками в топливо, моют фильтры и патрубки, и двигатель отвечает на заботу: то греется — караул кричи, то на холостых оборотах плюёт на положение рулей. Судя по разговорам, механики с таким чудом встретились впервые. Уничтожено три комплекта постельного белья, а воз и ныне там. Кто-то из команды предложил заскочить на ближайшую планету и пригласить на борт хоть какого попа или жреца, в крайнем, шамана. Пусть бы пошаманили, вызвали хоть беса лысого.

Химик сообщил, что по его мнению, виновато топливо. А вот не надо на левых заправках брать слишком «качественное».

Повар со своими наблюдениями к капитану: «Мы в одну сторону катим? Вы что-то задумали, капитан? И зря вы на меня валите бочки: я никому не наливаю, это запас на крайний случай. Да вы по каютам пройдите! Спиртного набрали столько, что даже приборы обнаружили перебор с весом, — мне надёжный малый подсказал. И как будем жить дальше?»

Капитан пошёл на хитрость, — ловкий дядька, не стал ничего говорить вслух, а написал ответ на листке. «После прочтения сжечь» — таков обычай, если в команде бродят... мозги бродят не хуже. И маячку не удалось заглянуть через плечо, просто какое-то невезение.

В каютах отмечали всё, что случилось за последние дни: у кого день рождения, кто посчитал, что хороший аванс не плохо бы отметить.

Ко всему, очень странная реакция капитана. Всё видит — и молчит. Точно что-то задумал, и только ждёт момента. На его стороне шесть или семь членов команды, в случае чего, они поддержат.

Оружие на борту — частью обнаружено, продолжаем поиск...»

В сообщении ещё несколько строк я заметил, да они пропали, словно не предназначены для прочтения. Сам решил донести:

— Наш защитник поделился мнением, и я предлагаю осмыслить его. По известным данным, это судно не годится для захвата «Б-2403», команду наняли для отвода глаз. Где-то приглядывает за нами настоящий охотник. Приборы далеко несовершенны, не во всех диапазонах видят объекты. У Главного Ока свои планы, они нам приблизительно известны, а в подробностях — тем более нет данных. Вот теперь я и ставлю новую задачу. Попробуйте собственные возможности, найдите в окрестностях объект, под который маскируется охотник. Это тоже урок, если хотите. Никто не знает возможностей своих, пока не возникнет задача. Дерзайте!

Я обратил внимание, что мы действуем заодно, как примерные ученики. На планшеты подали обзор пространства, команда свои секторы изучала, нам достались остальные. Шар, как объём для исследования, мы разрезали на равные доли. Этот арбуз надо съесть до обеда, каждое семечко взять на учёт, оценить и сделать пометку. Вызвало подозрения — так и запишем.

— Значит, мы просто должны обнаружить обитаемые камушки, так? — Ладопер успел пометить несколько, заглянул в мой планшет. — Границу секторов я почему-то не нахожу. У тебя — видны хорошо.

Я протянул руку, коснулся «пробела».

— Так просто? — Он пригрозил пальцем клавише, — Я тебя запомнил. И обрати внимание, Борогор, мы исследуем с тобой соседние сектора. На границе их что-то наблюдаешь?

— Вижу. Есть красавчик, словно против течения. Капитану надо подсказать.

В салон торопливо вышел Балуха, двинул в сторону туалета. Я окликнул. Видимо, он терпел до последнего, почти бегом исчез в проходе.

На обратном пути, к нам заглянул связист. Молча зафиксировал точку, через микрофон у подбородка сообщил координаты. Пожал нам руки и отправился на пост.

В сумме, нашими усилиями было обнаружено около восьмидесяти точек, на которые экипаж просто обязан обратить внимание. Что за методы, сколько времени понадобится — мы продолжали обучение на живом материале. К ужину половина объектов была отсеяна, на тридцати шести есть признаки жизни. Если насекомые какие или другая мелочь, узнаем скоро. И тогда малая часть, вот за ними и придётся вести наблюдение, до полного прояснения картины.

— Ну, живут же где-то людоеды. Вокруг них будет своя аура, с характерным излучением. — Ладопер остался доволен тем, что в его секторе не нашлось серьёзных объектов. — А ты пробовал мысленный запрос отправить?

— Само собой.

— Какую формулу даёшь?

— Обращаюсь ко Вселенной. Держу точку глазами и шлю: есть ли на этом камушке жизнь? Если на внутреннем экране продолжаю видеть тот же камень, то жизни на нём, скорей всего, нет.

На монитор нам подали изучаемый объект. Малая планета очень напоминала изъеденное червями яблоко, разок мелькнул даже сквозной просвет. Как в доме, с окнами напротив друг друга: мы можем увидеть соседа, через два окна.

Камушек оказался обитаемым. Население отдалённо напоминает людей, — живой

картинки не дали, ограничились текстом, под торопливым рисунком.

— Рисунок из архива. Я слышал, в архивах есть сведения по мелким объектам. Экипаж определил номер или имя, вывел данные на экран.

— Хорошо, хоть запоминать не надо. — А на мониторе рисунок ожил. Только я сразу понял, это не живые герои, а нарисованные в движении. Забавно.

— Мультфильм про обитателей. Есть такая программа: вводишь десяток героев и двигаешь их, как фигуры в игре одной. Программа набирается опыта и уже самостоятельно предлагает сюжеты развития. Тебе что-то не понравилось, скажем — не хочешь, чтобы герои дошли до людоедства, ты этот поворот бракуешь, и программа отыскивает другой путь.

Я оценил услышанное про себя, прикинул, какое заманчивое занятие для умеющих строить сюжеты. Тут, наверное, миллионы пропадают за мониторами, пока жизнь, по капельке, улетает в бездну. Они развивают кем-то придуманную жизнь, а на свою уже времени не останется. Тогда... следует спросить: кому такое выгодно? Главному Оку, что ли?

За ночь экипаж исключил из списка подозреваемых ещё двадцать с лишним объектов. Вся информация оказалась в доступе, мы могли лишь радоваться маленьким победам, одержанным на расстоянии. Двенадцать, восемь... и на семи, похоже, сделаем акцент. Они теперь помещены под сетку координат, глядя на монитор, мы можем уверенно говорить, кто не идёт в одну сторону с нами. Их сохранили под надзором, но всё внимание теперь уделяем четырём: кто же из этих отвечает прозвищу «охотник»?

Капитан уже не баловал появлением в салоне, видать, экипаж плотно подсел за вычисления. Вывод напрашивался сам собой: техника — это, конечно, осязаемая помощь, особенно там, где мы не можем незаметно подойти и установить маячки.

Когда один из объектов неожиданно исчез с монитора, капитан вышел к нам, с лицом, излучающим полное удовлетворение. Нашли?

— По всем признакам, он. Раз связист запеленговал наш интерес к их борту, капитан ушёл под средства защиты. Что у них там на вооружении, я надеюсь, скоро узнаем.

Балуха показался следом, услышал последние слова, присовокупил свои:

— У «охотника» я вижу единственный выход, чтобы снять с себя подозрения. Он должен лечь на другой курс и с недельку создавать видимость, что оставляет этот район.

Я с места, чуть повысив голос, озвучил свой вопрос:

— С тремя остальными что будет?

— Не спускать глаз, противник тоже не дурак, будем исходить из такого предположения. — Балуха тут же развернулся восвояси, на ходу массируя лицо и глаза. Боевое дежурство доставляет некоторые неудобства, это мы понимаем. Зато теперь можно вздохнуть. По крайней мере, хоть определились, с какой стороны ожидать приключений.

6

Слово «мультфильм» тоже пришлось заложить в память, на будущее кирпичик: авось удастся когда блеснуть. В компании незнакомцев, однажды я окажусь в центре внимания, укажу на монитор и объявлю: это мультфильм! Людоедам такое пояснение не поможет, те, кто давно в курсе, поймут иное: что я сам недавно услышал это слово... Д-да, можно опростоволоситься на показе способностей. Уж лучше промолчать, несколько минут не смотреть в сторону монитора (мол, тысячу раз смотрел, надоело). Но это такая зараза, надо признать! Стоило раз увидеть, и я хочу пересмотреть всё то, что наснимали художники движения.

На мониторе мы замечаем, как защитник проводит мероприятия по эвакуации. Не бросать же маячки, когда предстоит переход на новый объект. Оставляемому судну придётся пережить либо полную высадку дебоширов, либо бунтовщики возьмут управление в свои руки. Нам это уже не интересно, пусть распорядится случай. Будь моя воля, капитана я бы наказал примерно. Иди и зарабатывай, коль есть необходимость. Но транспортные операции тебя не интересуют, хочется... вот фразочка в жаргоне попалась: «срубить бабла». Мы долго над ней колдовали, Повар, обнаружив наши затруднения, разложил на лопатки.

Ой, я уже побаиваюсь того, во что превратится речь моя. Понаберёшься всякого, брякнешь где — и по одной фразе будут судить о тебе, как испорченном студенте.

В углу монитора, на хвосте «стрелки» появился огонёк. РазВед прощался с глыбами, кои составляли ему компанию, пока проводил мероприятия... — Вот такой набор слов меня коробит, но они нужны для привыкания. Условия таковы, чтобы не выглядел альбиносом, оказавшись нос к носу с полковниками и генералами. Я не должен вызывать сомнений, что вполне адекватен, не из глухой глуши прибыл — здрасьте!

В голове мгновенно сложился сюжет: маячки будут установлены со дня на день, и мы познакомимся с новым экипажем. Вот и сравним, чем отличаются списанные корабли от стоящих на вооружении. Даже — взятые в аренду, на ограниченное время. Этой информацией можно поживиться лишь из случайных фраз, брошенных мимоходом. Ну, представим себе эпизод: вы оказались в среде профессионалов, у них каждое слово на вес золота. Они в курсе, что кто-то навесил дополнительные двигатели и пошёл на испытания. Для наших ушей обрывок разговора ничего не значит:

— До пределов не планировал, и всё равно сошёл раньше.

— На его месте я бы не рисковал. Подбросить, что ли, свою идею?

— Он идёт своим путём. Если, в конце концов, у самого что-то получится? А твоя идея может помешать. Мы все учимся, главное — лучший опыт передавать своим.

Этот диалог я не подслушал у кого-то. Нашёл на планшете Ладопера, пока он прогулялся в конец коридора. Литературные опыты однажды могут вылиться в приличный рассказ. Кроме всего, ему занятие нравится, так и не стану возражать. Не будет получаться — сам бросит, без чьей-то подсказки.

Он вернулся, увидел в моих руках планшет с текстом.

— Нравится?

— Если бы хоть что-то в этом понимал. Меня волнует другой момент. Скажем, нам предоставят полноценный «Б-2403», ты готов стать членом экипажа?

— Откуда у тебя сомнения взялись? Старцы лучше знают, кто куда ходит. И жизни не пожалею за свою землю.

— А на старой Земле у руссов нет своей земли, вся под чиновником.

— Так там и нет, за что воевать.

— Однако, воюют. Такая вот неразбериха, Ладопер. А теперь прикинь в уме: сколько и каких голов думают, как землянам помочь.

Он забрал планшет, глянул поверх голов добровольцев.

— А другого способа и нет. Объединить усилия и выступить одним фронтом.

— Чиновник тотчас выставит против твоего безоружного войска армию, и покрошит в маковое зерно.

Он устроился на кресле. Времени как раз хватило, чтобы обдумать ответ.

— Раз есть светлые головы — пусть и придумают. У нас с тобой цель — изучить

системы Б-2403», большего от нас и не требуется пока.

7

Получается, не одного меня посещают догадки и корабли без экипажа, именно из нас хотят подготовить достойный. Как погляжу, то того, то другого зовут на экзамен. Иной раз доходит до смешного:

— Да я не готовился, так чтоб до подробностей.

— Сомнения одолевают: пригодится ли мне в будущем, так ведь? — Балуха нежно подтолкнёт студента в двери рубки и добавит на ходу: — Мучить не будем. Просто расскажешь, что запомнилось.

И пропал студент, увяз в разговоре, отвечая на вопросы, заданные умело и с конкретной целью. Так как же охлаждение получается? Так это, проходит через радиаторы, лишнее тепло забирает вентилятор... Где схема, я покажу...

Теперь все видели и понимали: двое добровольцев почти прописались в рубке. Мы их видели всё реже, стало быть, к управлению кораблём их привлекли и не выпускают, разве на время сна. Два других кандидата тоже зачастили в рубку, у третьего что-то не получилось, вернулся в салон и многое стал освежать в памяти, нас почти не замечая. Его мечта оказаться за этой дверью вполне реальна. Ну, растерялся маленько, с кем ни бывает? Столько внимания, столько аппаратуры... Я у себя спросил: хотел бы сам там побывать?

Капитан выглянул, поймал мой взгляд. И кивнул — приглашая в рубку.

Что ж, когда-то надо заглянуть, оценить, насколько удобны кресла.

Мы уже видели рубку «хвоста», частично запомнили рубку наёмников, у меня и сложилось общее представление. Однако, меня поджидала иная картина. Напротив монитора в две сажени посиживали наши студенты, СвентоПрав мне подмигнул. А-а, ну, тогда уже легче. Потолок и стены одного цвета, ровный поток серебра — так бы я обозначил первое впечатление. Управление всё под руками, под локтями подушечки, руки навесу, легко перемещаются в нужном направлении.

В стене, на уровне пояса, заметны углубления; видать, ниши, в них дополнительные кресла. Экипаж на ногах, и что-то их маловато, — пятеро. «Учительская» — откуда-то прилетело словцо, смысл которого вроде понятен. Глянул я на колечко — не от тебя ли?

— Побудь наблюдателем, попривыкни малость. — Капитан шагнул до упора в стену, сам собой открылся спуск под пол. Балуха спустился следом, ещё один член экипажа, тоже не видел ни разу.

С нами остался Повар, — как ни посмотрю на него, всё кажется, на его голове некое сооружение из ткани. Гляну простым глазом — только волосы.

Приблизился, начал разговор:

— Не паникуй, всё получится.

Голова ходуном — я на всё согласен. Один вопрос томит: что ж раньше не позвали? Оно, может, и так: полна горница людей, теснота не позволяла. Сейчас все ушли в погреб, вот меня и пригласили.

Я зацепился глазом за отметки на мониторе. Четыре объекта мне уже знакомы, отсюда их ведут... Ряды цифр — видимо, координаты и бортовое время. Пока ничего сложного.

— Присядем? — Повар выудил два кресла, мы расположились. — Догадываешься о чём?

— Давненько. Где-то есть корабли, не укомплектованные экипажами.

— Это очевидно.

— Но очи пока не видели. — Начало разговора понравилось. — Стерегут их хорошо, и мы лишний раз не мелькаем там, чтобы не дать подсказку Главному Оку.

— Экзамен сдал. — Старший товарищ набрал воздуха, надул губы и... расхохотался. — И всего-навсего осталось: сдать другие. Мой личный опыт подсказывает: всякий текст лучше всего запоминается в стихах и на ощупь. И управление придётся изучить, завтра приступаешь. Пока же подготовься к переезду, собери чемоданы... — К его хохоту присоединились оба студента.

— Что такое «чемоданы»?

— Уже не важно, важнее то, что говорит капитан. Сказал — мы студентов покатали, теперь пусть они нас покатают. Видел, все отправились отсыпаться?

Тут уже и я не удержался. Вот всё бросили и пошли... а вы тут сами, как-нибудь.

8

РазВед находился в положении любимчика, выходил на связь и любил огорошить весточкой.

— На месте. Жду обновления данных.

СвентоПрав включил громкую связь, продиктовал для любимчика, глядя в окно «журнала»:

— Объект «один» откатил от места пеленга на триста единиц, укрылся в тени камушка. Прочие объекты ведут себя примерно, у нас к ним претензий не наблюдается.

— Эй, кто на связи?

— Второй пилот. Из студентов.

— Кто из старших есть, дай мне его.

— Легли отдыхать. Я за старшего. Вообще-то, мы втроем. Приказано покатавать старших, мы очень постараемся не разбудить.

— Хорошо, хоть Повара позови.

Пилоты поискали — не нашли. Я-то видел, как он спустился в погреб. СвентоПраг причмокнул губами:

— Он только что присоединился к основному экипажу.

На том конце незнакомый голос забубнел, переходя на высокие ноты. Видимо, фильтры речи не пропускали словечки, какие не разрешены для повседневного использования.

— Я на посту, а ты грубишь мне, любимчик!

Я чуть не подпрыгнул. И пилот согласился со мной. Как же так, как мы пришли к единому мнению?

Но по связи прошёл щелчок, послышался голос капитана. Правда, текст оказался настолько зашифрован, что смысл до нас не дошёл.

Выходит, в «погреб» имеется продублированный пульт управления. Мы ведём «Б-2403», как умеем, а снизу контролируют... Правильно ли это? Не траву косить или дрова рубить, а вести корабль в... Ладно, посмотрим, что будет дальше. Отдыхают они там, по-своему.

Вскоре часть экипажа вернулась, тесновато стало, я хотел уже удалить кресло.

— Сиди, поместимся. — Капитан вызвал защитника, теперь разговор шёл без «цензуры».

— Давай подробности, как-то мы медленно подбираемся.

РазВед взялся перечислять детали, — слишком много случайностей, в виде помех. Он уже подумал — не прилепили ли ему маячки. Полдня потратил, изучая корпус и узлы. Вроде

обошлось, хотя техника шагает в сторону миниатюризации, тут и иголка может с виду казаться простеньким инструментом.

Нащупал в потайном кармашке, под воротом, колбочку с иголкой, с запасом ниток. Думаю: в эту иголку точно микрофон не вставлен. А к другим следует присмотреться. Пока же обратился в слух. Развед, в доказательство своих слов, присылал фотографии. С главного монитора рассматривать — одно удовольствие: и цвета, и масштабы.

Он умолчал, что попал в переделку. Три катера прочёсывали окружающую местность. И «Б-2403» не выдал своё местоположение, двигатели отдыхали. Один из патрульных просвистел в десятке саженой от «камушка», в котором притих наш товарищ. Что ж за оборудование появилось у патрулей, которое позволяет локализовать район поиска? — над этим придётся подумать.

Я бросил взгляд на капитана. Кажется, мы думаем в одном направлении. Значит, снова помчим на какой-нибудь базар и поищем средства против обнаружения. Как мне пояснили, новое средство обнаружения не попадает на рынок, пока не сделают противоядие. Тут и пример старой Земли годится: пока не получают антивирус, новый не испытывают на белом населении.

Потом пошёл ролик, как любимчик выцелил камушек — далековато от себя, и подорвал его. Внимания катеров отвлёк и тихонько убрался из района поиска. Аппаратура на борту позволяла скопировать границы района, в котором ищейки собрались попытать счастья. Уже за его пределами, РазВед развернулся и вошёл в район.

Этот «объект» приборы слежения определили, как только вошедший, поэтому внимания не удостоили.

Подумалось мне: мотай на ус. Противник ждёт твоего бегства, а мы навстречу. Конечно, можно и нарваться на такого, кто мыслит не стандартно.

Следующий эпизод от защитника — сличил координаты, взятые нами, сопоставил со своим положением и тотчас пустил на поиски судна, которое умеет становиться невидимым. Времени прошло — ну, до смешного мало, от него прилетело: «Обнаружил».

Всякая связь с этого сообщения прекращается, это понятно. Теперь на монитор попадают едва уловимые вспышки. Как говорится в правилах, они дают нам знать, что на борту у него всё под контролем, просто ищет способ, как подобраться незаметно.

Я этот пункт хорошенько усвоил, и безошибочно находил подтверждение тому, что товарищ очень занят. Вот ещё подсказка: значок «стрелка» поблёк на порядок, ей предстоит пройти через леса и горы, песчинкой малой. И подобраться к исполинам, — крупные суда держатся рядом с подходящими по размерам камушками.

9

ЛадоПер поделился сведениями из сети. Оказывается, есть в литературе такое направление — фантастика, и много копий сломано в спорах на тему скуки, при длительных полётах.

— И я усматриваю в этих спорах некий подвох. Иной автор на борт корабля помещает супругов, они рожают детей, потом дети своих детей, — откуда они черпают сведения о расстояниях? И я бы согласился с ними, кабы они ехали поездом. Две единицы в час, от силы, но с такой техникой в космос лучше не соваться. Или так. Хорошо, тайком построили правильный двигатель, тайком от космического глаза, который не даст построить хороший двигатель... Вот, мы выбрали планету, разогнались до предела, летим. И вот уже на подходе, а она заселена, и нам там не рады. Мы примчали — вы кормите. А нам отвечают: а какого

храна вы припёрлись, кто вас звал? Не бывает пустыющих планет, кто вам втюхал глупость эту? Ступайте назад... то есть, возвращайтесь и храните то, что имели до сих пор... — ЛадоПер вводил меня в курс литературных поисков, иногда я слушал с интересом, иногда скрывал зевоту.

Поймав крохотную паузу, я вставил:

— Ухожу я от тебя. Завтра.

Он хлопнул глазами:

— Поверь на слово, эта фраза в литературе довольно часто употребляется. Ты где её вычитал?

— Я просто хочу сообщить, что начинается учёба в рубке. Из тридцати трёх студентов предстоит выбрать нескольких кандидатов. Кто-то из них станет капитаном, кто сядет за рули, должность Повара и связиста тоже поделят между собой.

— Ты в капитаны метишь? Я протестую!..

Ком подкатил к горлу: в своём ли ты, дружок мой?

Он набросился сверху и стал бороться, я едва не применил болевой приём, как понял: не бороться, а обнимать. Сквозь смех его, вырвались слова: «А кому же ещё?»

Я порциями выдохнул: ну, у тебя и шуточки.

— Пойми и меня: ты капитан, а как же дружба? Я уже не смогу, как раньше...

Щёки мои автоматически надулись, ну ты и гад... Но улыбка расплзлась раньше: ты снова шутку задумал! Начитался всякого, теперь на мне испытываешь варианты поведения. Редактор!

Чуть отлегло — решил отыграться:

— Стану капитаном — буду просить, чтобы тебя перевели в другой экипаж. Мне поэты не нужны в команде.

— Эй, ты в своём... — До него дошло быстрее. — Я-то не попался на удочку, считай, сразу раскусил. Но будущему капитану простительно. Ты же ко всему серьёзно должен подходить. Э-эх!

Я поднял на него глаза: что ещё?

— Был у меня надёжный друг. А жизнь так повернула — потерял.

Я пригрозил кулаком. А вокруг ребята разошлись таким звонким смехом, — я и не догадывался, что за нами давно наблюдают.

— Я тебе припомню, дружок, при случае отыграюсь!

Хохот очень быстро перешёл в истерический, словно прорвало плотину. И потом, позже, роясь в воспоминаниях, я отыскал причину безудержному веселью. Довольно прилично по срокам, мы удерживали себя в рамках обучения, погружались в тонкости систем корабля, считай, без отдыха. В таких случаях разгрузка не бывает лишней. Эпизод запомнился по ключевому слову «каникулы». Пусть, и не родное слово, да пришлось кстати. Но именно с того самого дня ЛадоПер встречал меня с неизменным вопросом на лице: ну, что-то приготовил, чтобы вернуть должок?

Мозги устроены по-разному. И хотел бы чем ответить, да ничего путного в голову не приходило. Кажется, у будущего капитана мозги работают на другие цели.

Дело шло к отбою, студенты сидели в планшетах. Кому ЛадоПер напел про течение в литературе, те пошли знакомиться, что навывдумывали земляне. Получается, никто больше фантастику не пишет. Всем хватает того, что имеют, и только нашим братьям там не позавидуешь. Одну лекцию капитан успел прочесть о положении на планете. Главное

достижение захватчиков — создали такую информационную блокаду, что единицы только понимают, в каком положении живут.

Пока окончательно улеглись, дружок дважды, как бы спросонья, хватал меня за руку, спрашивая: «Ты ещё здесь? Не ушёл?»

Студентам только дай повод: хохотали тайком и в голос.

Часть шестая

1

За ручку двери я брался с малым волнением. Успокаивал сам себя: мы просто перешли на следующую ступень, немного новой информации, и отдельные пункты придётся запоминать с первого раза.

Восемь кресел, такого же образца, будто присматривались ко мне: этого здоровяка кому-то придётся ублажать.

— Выдержите! Другие выдерживали. — Отметился я, как провёл ритуал местного значения.

— Ну, ладно, посмотрим... — Огляделся я. — И кто из вас такой смелый? — Ответа, конечно не, не дождался. Зато оба пилота знаком поприветствовали. СвентоПрав указал на спуск в подвал. Все там. Может, что случилось?

— Мне можно спуститься?

Кивать в ответ пилоты умеют, не отрываясь от основного занятия.

При моём приближении, снизу выехал поручень. Подвижная часть вышла из трубы большего диаметра, я опробовал на прочность — не подалась. На совесть делают, раз такая мелочь обладает запасом прочности, к остальному оборудованию претензий не имею.

Потолок низковат, пришлось чуть шею втянуть. Экипаж колдовал над устройством, с боку напоминающем гриб. Разборная шляпка, под ней множество шкал, стрелок, индикаторов.

— Доброго утра!

Капитан вышел навстречу — трёх шагов достаточно.

— Попроцался со всеми?

— То есть?

— Не скоро они теперь тебя увидят. Или дать денёк на отвыкание?

Я закусил губу. Розыгрыш за розыгрышем. Для себя решил: клоунов в моём экипаже не будет.

— Ты уж забыл, как наш Повар привечал офицеров «хвоста»? Не понравилось?

— Еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Тогда запомни: двигатели наши на юморе ходят. И ведёрко топлива, почти на год хватает.

И подумалось мне: с таким отношением к обучению... лучше помолчу, он читает мысли.

— Это тот самый прибор, который нужно настраивать по положению сорока солнц?

Капитан уступил путь, посторонился.

— Иди и познакомься. Можешь поцеловать. Все, кто это сделал, не имеют проблем с ориентированием в пространстве.

Я оглянулся на ходу.

— На юморе, говоришь? Ты один за несколько минут заполнил баки наполовину.

А после началась серьёзная подготовка. Мы с капитаном остались у «гриба» одни, я вёл

подсчёт шкал, дважды сбивался, но сорок насчитал. Теперь взялись за управление. По окружности шляпки размещались колёсики, каждое управляло одной шкалой.

— Принцип понятен? Трогать не будем, на сутки хватит. А утром ты настроишь по всем сорока.

— Что будет, если не смогу настроить?

Капитан присмотрелся ко мне, будто оценивал — завернуть что-то такое или дать прямой ответ.

— В этом случае, мы подойдём к иллюминатору. Если нос корабля и хвост видны одновременно, всё выставил верно.

— Хорошо, верю... Я прямо сейчас выйду в салон.

— Сходи и убедись. Но запечатлей поцелуй сперва, я отвернусь, коль стесняешься.

На всякий случай, я мельком глянул по сторонам. Если это розыгрыш для новичков, то все до меня прошли, и этот обряд как-то всех объединяет... Как всё сложно! Остался бы на Тоболе — не проходил бы через такие испытания. Поцеловать прибор — и пополнить ряды простаков, кого таким же способом зачислили в команду по юмору. Я не соглашался быть артистом, я воин!

— Стоп-стоп, БороГор, присядь. — Капитан вроде одним движением пальцев вызвал из панели два кресла. — Если ты решил, мы тут в игрушки играем, так это на очень поверхностный взгляд. Включать дурака — для слуг Главного Ока, им это нравится, а с нас взятки гладки. Мы не представляем серьёзной угрозы. Просто учимся, привыкаем к условиям технически оснащённого флота. Мальчик с открытым ртом. Он преклоняется перед достижениями их цивилизации, втягивается и постепенно забывает, что боги дарят совсем другие возможности. Про копировщиков ты уже знаешь.

— «Б-2403» и есть копия?

— погоди скакать, давай по порядку. Сам видишь прекрасно: стоит высунуться — набегут, найдут компромат и спокойно уничтожат. Чтоб другим неповадно было. Наше главное оружие — не брыкаться, помнить подписанные соглашения и следовать им. Тогда к нам нет претензий. Те же, кто пошёл на принцип и решил поставить на своём, жестоко поплатились...

— Нас сейчас не могут подслушать?

Капитан сложил ладони под коленом, словно делал гимнастику.

— В нынешних обстоятельствах сложно что-то говорить с уверенностью. Тот, кто копировал этот корабль, мог и не разглядеть детали, способные транслировать разговоры. Но у нас есть свой способ делиться сведениями и сразу уничтожать следы. — Он потянулся к изголовью кресла, вытащил тонкую книжечку. — Думаю, здесь ты найдёшь ответы на большинство вопросов. Дам тебе час на ознакомление, потом предай её огню. Так безопасней. В том случае, если в дверь не постучаться, ещё часок выкроим. Но приборы показывают: неподалёку ходят две подозрительные посуды, опознавательных сигналов не подают.

И я остался один на один с секретными материалами. Минутную стрелку фиксировал боковым зрением, подгонял себя, и на пятьдесят пятой минуте вышел на предпоследнюю страницу. Колечко просигнало, — насторожился. Бывало, всякие мысли лезут в голову, но свежую удалось оформить и материализовать в горошину. Так учили на Тоболе: если чувствуешь, что память перегружена, а такие испытания нам выпадают постоянно, то материализуй объект, помести в карман и накачивай мыслеобразами. Как только поймаешь

передышку — тут и вернёшься, сможешь отследить пошагово, уже без всякой спешки.

На одном занятии у старца Мелой Она, мне удалось натолкнуть в синий накопитель, особый камушек, под тысячу мелодий. Он удивился, я — не меньше.

— Да у тебя дар от рождения! Давай-ка, по музыке возьмусь обучать.

— Неохота. Столько интересного впереди.

— Глупец! Нет ничего важнее Музыки. Без неё и корабля не построишь, и не скопируешь какую вещицу. Идём со мной! Я научу копировать предметы!..

А я тогда отказался. Сожалею ныне? Ну, самую малость. С другой стороны — ну допустим, — достиг определённых результатов. И никогда бы не покинул Тобол! Я же знаю: таких берегут, как зеницу ока.

Колечко вновь подало знак. В тебя, что ли, натолкнуть?

Пусть, я и подзабыл немного... Последовательность разжижения камня, раскатка в ленту, затем надо нанести мелодию пропеванием, — а текст куда проще. Просто, слово за словом, прессуем и утверждаем — сохранено. Можешь вечером устроиться на кровати и катанием в ладонях нагреть накопитель. Так у последнего саря, на старой Земле, целую библиотеку держали в таком малом ф... Новое словечко «файл» как-то не хочет приживаться в голове, чужое. Но условия таковы, что вражеский язык тоже нужно уметь, держать под руками и пользоваться, когда рядом вражье ухо. Полковники уже не видят в тебе врага, они могут похвалить снисходительно, правда, горазды отпускать грязные шуточки при этом.

Я попытался вспомнить слово: он рявкнул, и патрульные забыли, как их звать, бросились исполнять приказ. Что ж я не запомнил?

Снял колечко с пальца, стал разогревать звуком до податливой массы. «Сол-лос-сота, сиу-лас-салатта», — кажется, не забыл. Или немного иначе? «Иуалла-массина, уиямма-юмммалу...»

Потянул массу, в ленту вытянул, края подравнял. Прислушался к звукам наверху, — только бы не помешали! Время-то вышло. К нам на борт никто не пожаловал?

Для надёжности, сделал несколько шагов, заглянул в то место, где заканчивались ступени. Ровный потолок, поручень почти упирался в плиту, которая разделила рубку от погреба.

Если же на борт напросился очередной патруль, мне лучше помалкивать. Вот и время появилось, сейчас зафиксируем содержимое тетрадки. Осталось вспомнить, как делать ускоренную запись.

Здесь мы уже переключаемся в другой режим, когда глаза повелевают речевым аппаратом. Бросил взгляд на минутную стрелку, запомнил показания и закрыл глаза. С закрытыми легче получается.

Другими глазами надиктовал текст, пощупал массу. Ещё не остыла, можно вернуть прежнюю форму.

Скатал в шар, двумя пальцами навстречу, продавил отверстие, оно получилось чуть плотнее, с пальца просто так не соскочит.

Теперь тетрадка. Капитан показывал на основание гриба. Я ещё разок присмотрелся. Вроде лючок виден. Посмотрел обычным зрением — нет и признака.

Открываю лючок, а там пепел присутствует. Рискнул палец сунуть внутрь — пошёл нагрев. Уже не размышляя, сунул тетрадку туда, закрыл лючок. Глянул в сторону ступеней. Теперь, если кто и спустится ко мне, ничего запрещённого не обнаружит.

Интересно, а в прошлый обыск здесь кто-то побывал?

Скорей всего, и не догадываются, после модернизации корабля, здесь появился подвальчик. А на старых чертежах его нет, потому и не обнаружили. Здорово!

2

Выпустили меня часа через два. Оказалось, тот самый полковник снова нанёс визит.

— Вот пристал, как банный лист!

— Тебя спрашивал. Чем-то ты ему понравился.

— О большем не мечтал. — Тут мне стоило призадуматься, что это. — И как ему объяснили моё отсутствие?

— Бунт поднял — мы, не церемонясь, за борт выкинули тебя. — Лицо капитана сохраняло деловое выражение, никаких шуток.

— А он?

— Проверил, как обычно пломбы орудийные, пальцем указал на Ладопера и сказал: «Готовься, ты следующий». С этим и покинул корабль.

Я присел на кресло.

— Как ты думаешь, чего он добивается?

— Это же очевидно: самых крепких парней извести — чтобы на фоне мелких выглядеть героем.

— Он к нам завтракать теперь повадится ходить.

Повар откликнулся со своего поста:

— Полагаю, охоту надолго отбили. Я ему соку специального капнул. Через трое суток так прорвёт, что с горшка неделю не слезет.

Взял я себе на заметку момент. Через трое суток — так и не подумает, что у нас столовался, скорей, своему повару всыплет. Глянул я издалека на Повара. Книжку читает, обложка повидала всякого. Вот он чуть повернулся, я название успел прочесть: «Старинные яды. Как принять недругов за своим столом».

— На Тоболе тоже есть библиотека, полно древних книг. Но этой у нас точно нет. — Хотел я сделать товарищу приятное, ведь умеет встречать гостей. — Как освоюсь на каком посту, возьмёшь в ученики?

Он перекинул страницу, напустил важный вид:

— Очередь большая. Я попросил крайнего, чтобы больше не занимали. Ежели я всех стану обучать, кто за меня мою жизнь проживёт?

— Я смотрю, ты серьёзно увлекаешься рецептами.

— Мастерство надо постоянно повышать, чтобы не повторяться.

«Б-2403» заходил на глыбу, молодые пилоты вели корабль над поверхностью, высматривая место для посадки. Капитан рядом, готов в любой миг дать подсказку.

Со своего кресла я оценил сложность маневра. Глыба вращалась, что затрудняло задачу пилотам. Им пришлось держать малую скорость, чтобы объект предъявил сам место для посадки.

— Вот это местечко запомни. Ещё одно есть, — подсказал капитан, — туда и садимся.

Пилоты чётко, как сто раз тренировались, сблизились на минимальное расстояние.

— Смелее! — подал голос капитан.

И мы сели. Пилоты пожали друг другу руки. Впервые за всю историю человечества считай, самостоятельно посадили аппарат.

У меня перед глазами возник фрагмент инструкции, кто из экипажа и чем занимается

при вынужденной посадке. Есть вариант, когда четыре члена команды выходят наружу и создают временный купол, его накачивают из запасов воздуха на судне, пока ведутся ремонтные работы.

Лёгкие скафандры двух моделей: одна без ранца, видимо, для тех, кто должен охранять трап, запас воздуха на два часа. Все студенты вышли за очередное занятие.

Крупная буква «К» на скафандре напоминала, кто в нём. Капитан совершил десяток прыжков, показывая, как следует передвигаться. Мы же столпились у трапа и слегка побаивались. Тут же появился кто-то из экипажа с бухтой прочной верёвки, зацепил конец за поручень, бухту вручил студенту. Размотали и пошли смелее, в сторону капитана, который обосновался на возвышении.

— Проверка связи. Если кто-то меня не слышит, просьба: вернёмся на борт — скафандр передать в руки Балухи, он разберётся.

Один из наших орудовал перчатками в районе ушей, может, звук пробивался с паузами.

— Поднимите руку все, кто хорошо слышит. С неисправной связью кто, тот пусть останется дежурить у трапа.

Группой выдвинулись, вдоль страховочной верёвки. Бобина, похоже, выдаст столько, сколько нужно. «Это называется трос, из прочных волокон», — пояснил чей-то голос. Помалу вышли на ту площадку, что советовал запомнить капитан. Теперь он каждого из нас расставил по точкам, — я не сразу обнаружил, что эти места выглажены идеально, ровно на две подошвы. В конечном итоге, мы образовали круг. Как только капитан занял своё место в нём, в центре круга произошло движение. Искусно подогнанные плиты разошлись, обнаружив под собой довольно вместительную кладовую, с ящиками, полками.

Капитан спрыгнул вниз, прошёлся вдоль стеллажей, заглядывая в каждый ящик. В наушниках послышался его голос: «БероГор, подай руку!»

Мигом я оказался рядом, вытащил его.

— Теперь вы знаете, что бывает на безобидных камушках. Где-то установлен маячок, глыба спокойно ходит по орбите, а когда надо, хозяева подходят, сбрасывают товар — и снова они примерные граждане, на борту ничего противозаконного.

Студентам такое дело внове, хорошо, что сверху всё видно, спускаться не стоит.

— А чья кладовка, знаешь? — Ладопер присел на колени, хотел кое-что уточнить. — А этот ящик, с ручкой?

— В обиходе, его называют сейфом. — Капитан отряхнул перчатки, поднял конец троса. — Мы иногда поглядываем в чужие кладовки, иногда уносим и уничтожаем опасный товар. Можно сказать, делаем работу за полковников... Возвращаемся!

И, уже на борту, Балуха дал пояснения:

— Вам слово наркотики не известно, так лучше и не знать. Искусственным путём, в тайных лабораториях, создают вещества, которые лишают человека воли. С их помощью можно убрать одного руководителя и поставить удобного.

— А как объяснить людям, что это их правитель? Они же не похожи.

— Правильную тему ты поднял, Ладопер. — Балуха присел на край его кресла. — Друзьями в кавычках давно отработан механизм двойников. Пока неудобный царь, вождь или президент поглощён отстаиванием своих интересов, ему выращивают двойника. Если время позволяет, то он ни в чём не уступает с виду оригиналу. А то, что мозги развёрнуты на сто восемьдесят, о том население узнает или догадается гораздо позже. Все действия, приказы идут на пользу врагу, себе в ущерб. Награбив всё, что можно унести, друзья

выпускают настоящего — разъярённой толпе бросают на растерзание того, кто ни в чём не виноват.

— Вот гады! И так везде?

— Там, где прослабили защиту. Не умеете защищаться — получите испытаньице.

Я задержался у иллюминатора, старался запомнить, как выглядит глыба. Кажется, напрасный труд — столько их таскается по орбитам, да в разных направлениях. Хотя у каждой имеются свои отличия, но нечестным на руку проще установить маячок.

— А как оружием торгуют? — задал я вопрос.

Балуха вывел на экран схему. От производителя до покупателя — перекупщики и хозяева тайников. Склады и базы периодически уничтожают патрули, иногда и сами запускают ручеёк поставок, выуживают сведения о покупателях и разыгрывают спектакли, со сменой действующих лиц. Сами продали, сами и арестовали, и снова полон ручеёк, ищет новых покупателей.

— Какая же гнилая система! — подытожил кто-то из наших.

— Но она устраивает действующую власть. Пока временное перемирие, самые ушлые стремятся набить карманы да самим вооружиться, под шумок.

— Так у нашего полковника на борту может быть конфискованное оружие?

Балуха слегка развёл руками:

— Скорей всего, но мы с вами этого не узнаем. Штатное оружие заметно уступает новым образцам, есть несколько заводов, кто постоянно наращивает убойную силу своих изделий, а мы ничего не можем противопоставить.

— Так самим закупить, нет? — Теперь я разглядел, кто заинтересован в раскрытии темы. ТрноНав постоянно делился находками с ЛадоПером. Обнаружит в сети какое-нибудь новое вооружение, так и спешит поделиться.

Наш связист напомнил:

— Спрятали на борту, и тут является полковник с командой. Корабль конфискуют под любым предлогом, под статью подведут — и прощай полёты. — Балуха развернулся лицом, чтобы видеть, с кем говорит. — Шаткое положение, да пока без боевых столкновений. Старший брат блюдёт, чтобы младший братишка в лужу не упал.

— На кой хрен нам нужен такой старший брат?

— А лучших вариантов нам не предлагают.

— Так у нас никакого будущего?

— Почему же? Однажды звёзды сложатся так, что мы уверенно заявим о себе. И принудим с нами считаться. Пока же — осваиваем то, что не запрещают.

3

По моим прикидкам, капитан хотел ещё многое показать, пока позволяла обстановка. Уверен, мог и похвастать между делом, да пришёл сигнал. Кто-то запросил помощи. Нас попросили занять свои места, рубку покинули наши пилоты.

ЛадоПер уверенно занимал своё место, сунув руку под голову, упивался зрелищем из планшета.

— С возвращением, блудный сын!

— Думаю, это не навсегда.

Он приподнялся на локте, вдруг протянул руку и прощупал ткань на моём плече.

— А я думал...

— Что ты начинаешь?

— Капитанские звёздочки, думаю, проросли? — Дружок мой умеет делать фокусы с самым серьёзным выражением на лице.

Растянулся я по горизонту, и почудилось мне, будто наш «Б-2403» ведёт себя иначе. Дунул к иллюминатору. Звёзд не видно, сплошные полосы — как кто кисточкой навёл ярких линий, поверх тёмно-синего фона, с лиловыми краями затемнений. Нос корабля и хвост служили хорошим ориентиром в этом наваждении размазанных вспышек.

Включил другое зрение, и совсем другая картина. Как в поезде, от станции к станции, все яркие объекты как на ладони. Среди них, тут и там, видны тёмные сгустки, и я бы не назвал их планетами. Некая субстанция, на первый взгляд, не живая. Сразу напросилось сравнение: хулигана спеленали по рукам и ногам. Всё, что до сих пор ему сходило с рук, припомнили и... наградили. И, если говорят, из тюрьмы возможен побег, то из этих пут — никак и никуда. Тебя превратили в дерево, сохранили единственное удовольствие — наблюдать, как другие живут.

Подремал я часа полтора, слышу — есть контакт. Почти сразу встретился с глазами капитана. «Это не ловушка?»

Движение головы он дал понять, что тут всё чисто. Я к иллюминатору.

Планетой этот обломок не назовёшь, огромная лепёшка для дуэлей. Колечко каким-то образом навело на мысль. Что же получается? Сюда слетаются стороны, которые не сумели поладить, и здесь их спор решается...

Шесть кораблей, человек пятнадцать окружили одного и опекают. Не он ли к помощи воззвал?

Балуха с Поваром вскинули за плечи небольшие инструменты, ремешки заметно напряглись, штуки не лёгкие. Как и служба, которую отправились решать. Капитан отключил сопроводительную трансляцию, уши наши пощадил. И ничто не предвещало, я подумал, сейчас нам покажут работу дипломатии.

Балуха скинул штуку с плеча, направил на корабль слева, потом повернул на крайний справа.

Оба корабля исчезли. Ни дыма, ни пламени — просто пропали из спектра видимости, и группа заволновалась, сбилась в кучу испуга, начала отступать. Один человек сразу выделился на их фоне, он воздел руки и стал что-то внушать отступающим. По движениям рук, пусть и с затруднением, читалось наставление: «И да настигнет вас кара богов, если не вернётесь на путь человеческий».

Я протёр глаза, включил другое зрение. Корабли не исчезли, просто стали невидимыми для капитанов. Повар направил свою штуку пониже, считай, по ногам. Подошвы прилипли там, где застал момент.

Студенты выдохнули дружно. Ну, не бегать же за ними по лепёшке! Балуха вычислил заводилу, я успел сосчитать слова, сколько их сорвалось с языка. Формы непривычные, крючья да колючки. Повар их повторил — как для закрепления материала, теперь надолго запомнят. А спасённый выдавил из себя виноватую улыбку, собрался благодарить, но был остановлен: мол, здесь не место для слов вообще, здесь работает другой набор.

— Я могу вернуться на корабль?

— Чем быстрее, тем лучше. — Это я понял по жестам и перевёл в слова. Проповедник — есть такая... национальность, что ли, словом — откуда они берутся, никто не знает. То ли из будущего, то ли вообще не отсюда. Где-то родились — и пошли прочёсывать космос, к совести призывать, наставлять заученными фразами. Всё у них налажено, ничего лишнего.

— Корабли у них, конечно, особенные: вроде, как без топлива ходят, — продолжил рассказ капитан. — Догонят любого и начинают обработку своим учением. Известны десятки случаев, когда пираты и им подобные тихони вдруг отказываются служить, сходят на первой планете и ведут праведный образ жизни.

— Тогда эти, — я кивнул на прилипших, — пострадавшие капитаны?

— И телохранители. Когда я был обычным пилотом, то всякого повидал. По моей классификации, живые люди делятся на стойких и падких. Вот к падким и подбираются подосланные. Помощничек такой очень помогает задушить побег совести, одобряет применение силы и хитрости. На таких, кто пошёл на сделку, и держится всё зло мира. Это целая армия единомышленников. Захватывают новые планеты, где сразу же заводят миры наказаний, куда затаскивают тех, кого удалось сбить с пути человека. Миры наказаний чаще называют адом, но есть планеты, где называют иначе. Что говорит о разных течениях среди любителей поживиться за чужой счёт.

— Так там и продолжительность жизни низкая? — подключился наш оружейник, ТроноНав.

Капитан бросил взгляд на главный монитор, убедился, что с нашей стороны вмешательство не понадобится.

— На старой Земле такая же история. Людей принудили жить не по правилам Кона, а за Коном. И слова привили: закон, заявление. Как только человек пишет своей рукой «заявление», он автоматически выпадает из мира богини Яви. И делай с ним что хочешь. Он сам, по доброй воле, отказался от прав рождённого в Яви.

— И какой выход? — Я поднял глаза на капитана.

— Вариантов много, да каждый из них достигается через большие жертвы. Поэтому соперничающие стороны не спешат делать резких шагов.

— А сил хватит, чтобы одним махом избавить планету от захватчиков? — Оружейник наш сразу всё переводит в боевые рамки.

Капитан присмотрелся к нему.

— Сколько уже разрушено планет! Подкатили к старушке то самое орудие и пустились на шантаж: и её взорвём, если полезете в драку. Вот тут и думай, как уследить, чтобы плотины не сложились, атомные станции не ахнули. Да ещё там магнитный регулятор погоды слепили, проводят эксперименты.

Прошлая лекция, от капитана, заиграла новыми красками. Старой Земле помочь, как колыбели, откуда мы вышли в космос, себя показали, на других поглядели, — идея как-то быстро оформилась и набрала силу. Пока увлеклись разъездами, на мать напали. Мы могли и не задумываться о тамошних страдальцах, да информация стучалась, в голове укладывались картины в правильном порядке.

4

Нисколько не заботясь об прилипших, как кому-то могло показаться, экипаж «Б-2403» вернулся к будням, в которых полно планов и махоньких побед. Сам процесс обучения пошёл веселее, многое запоминалось с ходу, что до обслуживания систем, то студенты радовали всё чаще. Капитан мне дважды «жаловался»: тебе с командой повезло.

Тут поневоле обратишь внимание, кто и в чём так отличился. И новый взгляд на товарищей: от действий одного может зависеть судьба корабля и экипажа. Вроде, оно и так понятно, да только сейчас до меня дошёл глубокий смысл братства, ограниченного оболочкой корабля.

На обратном пути, мы вторично заглянули на «склад» — ту самую глыбу. Женская одежда, обувь, головные уборы и украшения. И какие-то совсем непонятные предметы обихода.

— Что это? — Я привычно повысил голос, забыв, что связь работает исключительно, пора привыкнуть к работе в скафандре.

Балуха вытянул руку, чтобы его вытащили из кладовки.

— Кажется, точку использует разная публика.

— Все, кому ни лень. — Он оглянулся на чьё-то богатство. — Южане, похоже, взяли в аренду. Или же мы засветились, и склад попал в другие руки.

Я к капитану.

— А нельзя ли прощупать глыбу на предмет маячков?

Он улыбнулся:

— Сделаем.

Вот потому немного задержались, зато приобрели, по бросовой цене, два дорогих маячка, Балуха тотчас взял их в оборот... что-то там намудрил с программами, как мне сказали, и теперь они послужат нашему флоту.

На радостях, я пошарил вокруг, через иллюминатор. Шевельнулось колечко — я дал знать связисту: есть ещё товар.

Как очищали окрестности, с некоторой пользой для общего дела, говорить не буду; мы занимались сбором техники, как грибники. Противник сильно постарался обеспечить наблюдение за складом, средств не пожалел. И мы, благодаря его щедрости, одержали маленькую победу, сэкономили приличную сумму.

Оказывается, противостояние имеет и положительные стороны, о чём я и не мог подумать. Мы спасаем чудака, который ходит за пиратами и призывает к совести, и получаем заслуженную награду.

— А этот проповедник, — затеял я разговор с капитаном, на обычном месте, — он умеет влиять на умы?

— Мы немного последили за его шагами, да так до конца и не разобрались. Методы у него свои, я до сих пор голову ломаю. Представь: сначала он взывает к совести — вы, парни, дескать, нарушаете правила общения с себе подобными. Этот человек ничуть не хуже вас, и только наличие оружия, напор позволяют вам завладеть чужим имуществом. Если на первых порах внутренний голос, как запрет на насилие, ещё слышен, за третьим или пятым разом его уже не слышат.

— Да, но если человек пропащий, стоит ли тратить на него время?

— Наш проповедник каким-то образом определяет, кто не стоит усилий. А остальным даёт возможность вернуть себе прежний облик. Если мы верно разглядели момент, то процесс выглядит в виде обмена телами. Пират попадает в тело ограбленного купца или начинающего торговца, после обмена — на себе испытывает всю горечь пострадавшего. Одно я могу сказать с уверенностью: проповедник владеет способом закрепить и усилить поток переживаний. Вот почему капитаны теряют экипажи. Вот почему они решили выловить проповедника и поговорить.

— Чтобы убрался куда подальше или же...

— Убийство — это крайний случай. Много зависит от конкретного лица. Капитан потерял десяток экипажей, деньги утекают мимо рук, и у него не остаётся выхода, как прибегнуть к крайней мере.

К нам подошёл Ладопер.

— Слушаю вас, и спрашиваю себя. Если человек обладает такими способностями, неужто сам себя не способен защитить?

— Надеюсь, может, просто мы в его глазах проходим тест на человечность. Откликнулись — уже хорошо. Я вполне допускаю, — капитана окликнул Балуха, пригласил в рубку, — Сей час, дай минуту. Так вот, не было ещё случая, чтобы где-то погиб проповедник. Другие об этом непременно раззвонили. Извините, меня ждут.

Ладопер перевёл разговор на другую тему, не иначе, размышлял и не мог добиться толку.

— Мы оставили прилипших на той глыбе. Видно, теперь придётся присматривать, иначе погибнут. Каждый раз — лишний крюк делать.

— Балуха мне дал расклад нашего случая. Ничего с ними не приключится, разве шальной метеорит размажет. А так — постоят, подумают. Вся жизнь промчит перед глазами. Тот, кто поклянется перед самим собой, что бросит это занятие, получит свободу. — Я прильнул к стеклу, разглядел обе важные точки нашего корабля. Компасы настроены верно, и курс держим... знать бы, куда именно. — Балуха, как рассказал, так я и увидел: их там человек пятнадцать. Один взял и отклеился. Его спрашивают — как тебе удалось. Он и говорит: поклялся забросить разбой, есть руки, есть таланты — буду своим трудом зарабатывать на хлеб. Дружки постоят, подумают. А стоять-то надоело, ноги устали, рады бы отказаться, да страх точит: а что я умею? Инструмента в руках никогда не держал, так и пропаду.

— Так всегда можно научиться.

— Тут дело уже в голове. Привык к лёгким деньгам — и не жди, что привычка сама отстанет. Почему лодыри в начальство лезут?

— Хорошо, но кто-то из них солжёт. Поклянется в голос, а сам себе на уме.

— Так он и не отклеится. Балуха сказал, подлетели к тому, что один остался. Не верит тебе вселенная, потому и помрёшь здесь. Он взмолился: помогите, я точно брошу разбой, вы попросите вселенную, пусть поверит! Наши ему — только сам, в этом вопросе твои мысли повлияют на то, отклеишься или нет, но маячок оставили незаметно... А прилетели на следующий день — чисто. Просмотрели запись с маячка, так рядом с пиратом шарахнул метеорит. Может, и в штаны наделал. Хороший толчок никогда не повредит.

Помалу, мы перешли на других трудновоспитуемых, кто в киселе отбывает срок наказания. Это нарушители клятвы, кто всё-таки вернулся на старую дорожку. И сами понимают, что простым словам вселенная уже не поверит.

— А ты хотел бы на них взглянуть?

— Ни разу.

Ладопер что-то имел на уме своё:

— Я попробовал влезть в шкуру нарушителя. Ты прекрасно знаешь, что твои клятвы никого не интересуют. Вернуться к грабежу не позволят, а хлопать руками по киселю — единственное развлечение. Двадцать, сорок дней — одно и то же. И понимаешь: отсюда выхода нет. И срок наказания не обозначен.

— Может, в этом и сила воздействия. Пока в голове не погибнут корешки, питавшие сознание лёгкостью добычи. Но можно и другое испытание получить. Я фантазирую на ходу, и всё же. Допустим, у нарушителя перед глазами календарь. Или две чаши весов: одна провисла, под тяжестью твоего своеволия, обиды и слёзы голодных детей, кого лишил куса

хлеба. Каждый день он наблюдает положение чаш. Есть почти незаметная разница, чтобы чаши уравнились, пройдёт немало лет. И в голове утверждается уравнение: грабил один день — расплата в сорок лет. Сопоставимы ли сроки?

ЛадоПер кивнул:

— Хороший пример. Стоит ещё поразмышлять, но пора занять свои места. Чувствуешь?

Я как-то прозевал момент. «Б-2403» набрал скорость, и за стеклом картина повторилась. В кресло вернуться, почитать материалы, что-то повторить — самое время. Но мы оба понимали, корабль идёт с конкретной целью.

5

В углу монитора посиживала «стрелка», защитник вёл наблюдения, решал задачи, а мы мчали на встречу с... Будь я капитаном — и не подумал бы. Для студентов сообщение стало полной неожиданностью. Тот самый полковник просит оказать огневую поддержку в операции. Судя по комментариям к сообщению, у каждого свои версии. Одна мне показалась заслуживающей внимания. Мы обнаружили склад, каким пользовался полковник, и ему ничего не осталось делать, как заняться наведением правопорядка.

— А что это за крепость такая, ещё и имя — Плин-Пирнец?

ТроноНав моментально откликнулся, услышал вопрос и пересел на моё кресло, с краю.

— Все признаки загнивающей системы. Полковника спугнули — он и пошёл себе легенду создавать: я, мол, головой рискую, пока журналисты на меня копают компромат. Смотрите, я иду на штурм Плин-Пирнеца. Мы долго готовились, чтобы войти в логово преступников и призвать к ответу тех, на кого собрали материалы.

Мы с дружкой отложили планшеты.

— Что крепость из себя представляет?

ТроноНав полез в настройки, нащупал ход и вывел на главный монитор несколько эскизов, сделанных от руки. Художник, спорить не будем: те виды, что выложил на обозрение, мягко говоря, внушали. Центральный шар, из бетона и стали, опоясан сетью дополнительных сооружений, с многочисленными башнями. То, что орудий не видно, ещё не означает, что их нет в наличии. Огромных размеров трубы, торчащие во все стороны, так и хотелось принять за трубы котельных. Холодно — надо же создавать условия...

— Это старые орудия, ими давно не пользуются, но не трогают — из расчёта, что хоть кого-то отпугнут. А так — систем защиты в достатке, самые свежие образцы. На оборону средств не жалеют. — Наш неприглашённый лектор подал объект в разрезах, по частям. Прочные двери на стыках тоннелей и переходов с уровня на уровень, башенка изнутри: напичкана боеприпасами, из подвала транспортёр, боевой расчёт и круглосуточное дежурство. Средства связи и обнаружения.

— А цель какую преследовали, поднимая крепость?

— Примитивнейшая. Для пиратов в отставке. Наворовал, наградил — тащи свои сокровища к нам, мы обеспечим полную сохранность. За небольшую плату.

Лекцию пришлось прервать. Капитан вышел в салон, чтобы задать настроение.

— Обращаюсь с просьбой: пусть никто не выдаст неуважения к известной персоне. Мы уже немного привыкли к полковнику, давайте считать, нам дали в руки такой инструмент. Его могут подменить в любой момент, выдай мы себя чем-то, чего от нас ждут. А потом тратить время на изучение другого полковника. Пока мы создаём видимость, что он одерживает победы по всем фронтам, он и нас, и начальство устраивает. Я очень прошу, соберитесь... мои студенты! — Эти слова он произнёс с улыбкой, и она явно с

подтекстом.

— Ждём-с! — откликнулись дружно. Но лица серьёзны: мы же не в цирке, хотя кто-то, я уверен, предвкушал забаву.

6

Понятливым оказался наш знакомец, перечить не стал. Как прибыл с двумя лбами на борт, так и пожелал в друзья записаться. До завтрака. Чемоданчик принял из рук телохранителя, приложил труды к открытию. Внутри красовалась прекрасная парочка маячков, и той же модели, как мы в грибах собирали.

Капитан поинтересовался серийными номерами, подержал в руках.

— Зачем вам, капитан, подробности такие?

— В «Спортлото» хочу поиграть, купил билеты. Числами надо заполнить бланки, вот я и возьму эти номера, вы же не против?

Полковник махнул рукой:

— Пустое! С аферистами, кто только и рекламирует, будто кто-то выиграл... Ага, мама жены, двоюродный брат и тётка. Я в эти шальные игры давно не играю, обман. Как и телевизор: тебе расскажут про красивую жизнь, но я же не настолько тупой! Глаза видят другое.

— Так давайте уже к делу. — Капитан вернул маячки в гнезда, погладил рукой — для видимости больше. — Наверное, очень дорогие штучки.

— Мы за эти не платили. Конфисковали, подвернулся случай.

— Прямо у производителя?

Гость присел на край моего кресла, мельком глянул мне в глаза, отвернулся и что-то тихо произнёс. Ещё разок присмотрелся, но нить разговора не утратил.

— Кто нас туда пустит? У нарушителей разных. Один дорогу не уступил, другой не остановился по первому требованию.

— Понятно! Теперь набросайте план операции, как вы видите её исполнение. В чём заключается наша роль. Как я понял, требуется лишь наше присутствие, как огневая поддержка.

— Как боевое прикрытие.

— Но мы гражданское судно, с учащимися на борту. Имею ли я право рисковать чужими жизнями? — Капитан пригубил чашу с напитком. — Я поясню, если надо. Мы подходим к крепости, оттуда прилетает большая бяка и пробивает наш борт.

Полковник переменялся в лице, заговорил по-другому:

— Что ж мы с вами до сих пор не знакомы? Полковник Уиль Штирль, надеюсь на дружбу, хотя бы на предстоящие сутки-двое. Кстати, ваше имя, капитан, меня не интересует. Борт «Б-2403», и этого достаточно для доклада руководству.

— Очень рад.

— Не перебивайте, капитан. Итак, мой план. Подходим, значит, ничем и никому, подчёркиваю, не угрожаем, и просто затеваем переговоры. Если вы в курсе, тайна имени владельца вклада, суммы на счетах — это для глупцов. Есть база данных, куда надо внести определённую плату, и мы получим любые справки. — Полковник вновь уставился на меня, механически массируя висок. — Если у вас есть свободные средства, я охотно возьму вас в напарники. Прибыль пополам... Э-э, то есть... Я на ночь читал прекрасную книжку, и так понравилась, что — видите сами, — заговорил словами её героев. Вот нельзя так вживаться в образы, потом можно попасть в неудобное положение. На чём я остановился?

— Вы хотите купить справку о доходах.

— Верно. Мы же отслеживаем пиратов, кто вовремя отошёл от дел, спрятал концы в воду и предался воплощению мечты. Загорает под целебным солнцем, в окружении красавиц и дорогих вин. Само собой, у него приличная охрана, средства быстро тают. Он сокращает штат, уже не сорок красавиц льнут к коленям, а одна. Из сотни слуг осталась надёжная кухарка, вместо постоянных охранников — свора собак, уж они не предадут. Обслуживание систем ПВО всё дорожает, и у героя нет другого выхода, как уйти под защиту стен крепости Плин-Пирнец. Комплекс услуг, пусть и на порядок скромнее, но достаточных, чтобы поверить в собственную безопасность.

Капитан поймал миг, вставил уточнение:

— Это вы сейчас опираетесь на сюжет понравившейся книжки?

Уиль Штирль осерчал, завёлся с пол-оборота:

— Издеваетесь? Я вам план операции сообщаю, а вам шуточки... Стоп! Вы шутить изволите? Или настолько тупы, что вам всё разжевать и в рот положить надо?

— Приношу извинения, вы, полковник, не так поняли. Постараюсь впредь не раздражать.

— То-то же! Я не для того добывал в бою эти погоны, чтобы надо мной потешались... разные гражданские.

— Я же принёс извинения. Или надо поскрести по сусекам, денегат поискать?

— Вот это другой разговор. Но продолжим. Как я вам доверяю, так и выложу, как на духу.

Повар поднёс бокал с напитком гостю, видимо, сам захотел послушать сказку, без помех в голосовых связках рассказчика.

Уиль Штирль благосклонно принял бокал, по-царски пригубил и отставил на столик, любезно предоставленный Поваром. Столик на колёсах, мы к вашим услугам — бреши дальше.

Полковник вновь уставился на меня, спросил:

— Мы раньше не встречались, молодой человек? Мне моя память говорит — то ли я занёс вас в список врагов, то ли вычеркнул. Напомните-ка имя?

— Вы его и раньше не знали. И сегодня не узнаете.

Полковник собирался привычно трахнуть кулаком по столу, да вовремя передумал.

— Нам с вами предстоит идти в бой, возможно. Возможны потери, так что не стоит ссориться накануне битвы. Можем погибнуть оба, окажемся в другом измерении, и вокруг ни одного знакомого лица, одни враги. Мы с вами и там должны держаться рядом, вытаскивать из приключений. О-хо-хо! Я примерно знаю, какие там ждут любого, кто расстался с жизнью прежде срока. Война — это лотерея. Вы со мной согласны?

— Ни в коем случае. — Я умышленно ввязался в разговор и поддерживал огонь в печи. — За каждым из нас тянется хвост приключений, а в другом измерении их оценивают по своей шкале. То, что нам кажется героизмом, там считается преступлением. И наоборот. Так, «великий полководец» здесь — там оказывается губителем народа.

Полковник огляделся. Видимо, среди подчинённых он чувствовал себя иначе. Эти дерзкие студенты между нулём и полковником разницы не замечают.

— Но я же не нуль, как кому-то может показаться! Я человек дела, и капитан ваш подтвердит. — Брошенный взгляд искал поддержки.

Капитан ответил:

— Вот ещё непосильную задачу вы задаёте, полковник. Я-то за вами не слежу, откуда мне знать, чем вы занимаетесь в течении дня? С утра побрился, и орден новый зубным начистил порошком.

Уиль Штирль хотел опереться на спинку, да она была подо мной. Опёрся на руку и стал рассматривать капитана, как увидел впервые.

— Это ваши стихи?

— На этом корабле всё моё. Мой гость, мой экипаж...

— Тиран?

— В каком-то смысле — да. Никто от ответственности не уйдёт. Но мы всё-таки продолжим рассмотрение плана, дело-то к обеду.

— Торопите меня. С какой целью — скажите прямо. Я уже надоел так скоро?

— Мы подчиняемся распорядку дня.

— А это правильно. Хорошо, сколько у меня времени, чтобы изложить полную версию?

— В пять минут уложите — мы будем благодарны.

Полковник сдержал слово, ровно через пять минут и одну секунду он пригубил бокал, наслаждался вкусом.

— Сок какого фрукта, осмелюсь спросить? Где там ваш повар?

— А я никуда не уходил, полковник. Вот он — весь я, со всеми ножами и сковородками. — Повар развёл руками. Если его ладони с растопыренными пальцами не слишком напоминали сковороды, да их удар, коли предстоит, создаст эффект ничуть не худший.

Уиль Штирль хорошенько запомнил эти два ковша, под какие лучше не попадаться, поэтому сделал запрос:

— Повар с нами идёт, капитан?

— Что сказать, не знаю. Если пойдёт, то буду держаться от него подальше. Но ваш план, полковник, по-моему, неплох. Вы набьёте карманы, а мы... просто даром спалим часть топлива. Извините, но выигрыша для корабля и экипажа, я уже не говорю про себя, вот никакого.

Уиль Штирль улыбнулся с досады.

— Сколько вы хотите?

— Чтобы хватило на два десятка таких маячков.

Полковник подскочил и пошёл выписывать кривые, — так, видимо, у него возобновлялись связи со школьной программой. Наконец, он что-то придумал:

— Дорого просите, да деваться некуда. Кабы кто из наших оказался поблизости, то мы бы вас не побеспокоили. Ваша взяла, капитан!

И совсем уж неожиданно Повар пустился в пляс, постукивая каблуками, сводя руки и распуская... Лёгкий шёпот ветерком промчал для тех ушей, кому предназначались: «Руки-то больно не распускай, тут тесновато».

— Прекратите это безобразие, капитан. Я за помощью к вам, а вы мне самодеятельность.

Танец оборвался на самом интересном месте. Уж больно близко звучали хлопки и вращения на каблуках, — того и гляди, промахнётся, оступится — и прощай нос.

— Повара обидеть может каждый! — Сел на своё место танцор, пригорюнился.

— Я вас слушаю, капитан.

Тот поднял свои ясные, васильковые очи на гостя.

— Вы, полковник, обидели человека. Он этого не заслужил, мы все свидетели.

— Вы уверены, что он обиделся, капитан? — Уиль Штирль смахнул пылинку с погона. — Я умею заглядывать в будущее, это к сведению. Раз повар пойдёт с нами, пусть держится от меня подальше. Я просто напоминаю. А теперь, раз мы заключили союз, готов поделиться новостью. На той неделе меня так скрутило, что пришлось взять краткосрочный отпуск. Три дня не слезал с унитаза, потом ещё три — на всякий случай. Н-да, продукты, которыми нас потчуют, совсем никуда не годятся. Я бы взял огород и сам засеял, тогда уж точно никакая скотина химических элементов не подсыплет. Отмучался и...

— Сразу в бой, — подсказал капитан.

— Душа иногда требует решительных действий. И тогда я в ударе. Ищу цель для применения умений. А эта Плин-Пирнец бросает вызов всем. Они не понимают, что бросили вызов мне! Ну, так я этого просто не оставлю. Если не разнесу по кочкам, то хоть моральное удовлетворение получу. Вы согласны со мной?

— С чем именно? Вы душой болеете за вселенную, полковник, мне за вами не угнаться.

— То-то же... — Уиль Штирль вдруг обнаружил, что здесь к нему отнеслись со всем почётом, и не похоже, что играли роли, расписанные перед встречей. Он ещё разок окинул взором богатырей, обратился к Повару: — Чем ты их кормишь? Они у тебя надуваются как мячики.

— Есть насосы, для индивидуального накачивания. Лишнего не имеем.

— Жаль. И выступаем... — Полковник Штирль глазом остановился на капитанском кителе, домысливая, сколько времени дать на подготовку. — Завтра утром. Как побреюсь. Я подам команду, когда можете снять пломбы с блока управления огнём.

7

Мы втроём собрались обмозговать план полковника. Раз всё-таки проговорился: «Б-2403» нужен для прикрытия, но если ему удастся выжать денег с бывших пиратов, нас хотят исключить из списка участников делёжки.

К нам подключались помалу остальные, уже и Балуха пришёл со стульчиком. Повар разнёс порции и тоже присоединился.

На мониторе по-прежнему красовался план Плин-Пирнеца, ТроноНав выставлял свежие зарисовки, которые немного уточняли детали. Понятно, что появятся вопросы — что это, для каких целей. Одно не понятно: почему дополнительный купол не подняли? Разве из-за помех для наблюдения.

— А прозрачный тоннель для чего? Он трижды опоясывает основу крепости.

— Для туристов. Заплатил за билет — и катайся, осмотри, как и что устроено, увидишь и космос.

— А может, военный объект, для переброски охраны?

Капитан примкнул после ужина — ну, что тут у вас?

ЛадоПер подтолкнул локтем оружейника — говори.

— Версия одна родилась, может, стоит обсудить? — ТроноНав уловил, что слушают охотно. — Предположим, патруль попадёт в перестрелку или их корабль окажется в ловушке... Нам не стоит вмешиваться. Вернёмся к своим занятиям, пока нового соглядатая не пришлют.

— Как запасной вариант — годится. Соглашений не заключали, поэтому всегда можем отказаться. А попадём мы в такую ситуацию — полковник и не подумает рисковать. Но вот полковника отпустили, он к нам. И я не хочу рисковать. И всё же — будем действовать из

ситуации. Мы и пломбы не тронем, если не вынудят. Пока же предлагаю следовать распорядку. Отбой через полчаса, утром будет видно.

Это прекрасно, если утром встаёшь и радуешься, что никому не должен.

А новое утро началось с напоминания: полковнику явно не спалось, он позванивал, раз шесть потревожил капитана. Раз даже выдал истинную причину для тревоги: «Вы ещё не сбежали? А то я, на вашем месте, дунул — и ищи ветра в поле».

Все переговоры дублировались на монитор, так что мы были в курсе.

Балуха немного нервничал, выскочил в салон, со словами: «Он нас точно подставит!»

Позавтракали, каждый думал о своём, пока на мониторе не дали объект. Вот она, крепость Плин-Пирнец, жемчужина и крайняя мечта всех, кто надеется легко разбогатеть.

Рисунки одно, в натуральную величину — совсем другое. Кажется, до меня дошёл замысел автора проекта. Двух пауков склеить — спина к спине, челюстями в разные стороны, и получим боевую машину круговой обороны. Не хватает вида самой паутины, когда ещё можно обнаружить опасность и обойти.

В лесу, бывало, напорешься — и сам не раз: ощущения премерзкие, руками сдираешь, хаотичными движениями, чтобы избавиться скорей.

Плин-Пирнец не даром на слуху у ассов определённого свойства; профессией не назовёшь, а в новостях, как правило, — на первых страницах. Как ловушка: ступай и ты, испытай судьбу.

Переговоры с полковником возобновились около десяти, по бортовому времени.

— А я, представьте, свалился часа на полтора. Бужу сам себя, говорю — ты же нанял команду головорезов, и до сих пор не побрился. Дайте мне несколько минут...

Мы засекли время.

— Так, я в принципе готов. За ночь у меня родился другой план. Пусть будет запасным. Время терпит, поэтому осмотримся хорошенько. Года два назад, или три, вокруг ходил эсминец, постреливал для острастки, у многих желание отбил. Кроме Уиля Штирля. Водится за мной такая беда — идти тем путём, каким другие боятся. С одной стороны — на моей стороне приказ, с другой — все действия под личную ответственность. Я стараюсь не сильно нарушать, обычно оставляю запасец, каким иногда пользуюсь. И знаете, как это обозначить словами? «Война всё спишет». Вот не знаю, откуда до нас докатилась фразочка, но она создана для меня... и моих орлов. Что, майор... Извините, отключусь...

В салоне нашем воцарилась тишина. Ею и воспользовался оружейник.

— Хотите, версию озвучу. Этот майор добыл списки миллионеров, кого сегодня можно потрясти, кто не ожидает, что на голову может свалиться такое чудо.

Даже капитан вышел к нам и уделил слишком много внимания предсказателю. По логике вещей, развитие событий по такому сценарию весьма вероятно. Нам бы свой момент не упустить и войти в комнату, где кучу денег делят пополам, как в кино. А специалистом по фильмам стал наш товарищ, РодоПрав, один из самых старших по возрасту. Вышел в сети на ресурс, где крутят фильмы, без остановки. Слово «Голливуд» уже не раз срывалось с его уст. Схватывал сюжет на лету и в нескольких словах выдавал суть. И только умение сопровождать речь образами позволяла нам увидеть самим масштабы, трагедии и пустышки, на просмотр которых ушли бы годы жизни.

Уиль Штирль снова вышел на связь:

— Разведка доложила, эсминца в окрестностях не наблюдается, можем приступать. Мы сделаем пробный наезд, а вы, капитан, будьте на чеку. Пломбы сняли?

У капитана свой план. Вместо него, в разговор вступил связист:

— Тут такое дело. Капитан тоже ночь не спал. Прилёг, и попросил разбудить через полчаса.

— Мне этого будет достаточно. Пока погляжу на заборы и ворота, вы оставайтесь на месте. И только попробуйте сделать ноги.

Эта фраза поставила меня в тупик. Что вообще за жаргон у патрульных?

Капитан полёживал на соседнем кресле, пока Ладопера вводили в курс, пригласив в рубку.

— Может, и вправду подремать? — сказал он. Зевнул и повернулся на бок. — Наш полковник тоже не дурак, чтобы лезть на пролом. Он может до вечера обнюхивать заборы и столбы, что ж нам время терять? Толкнёшь.

Толкнём, можешь не волноваться, дай пока что самим разобраться в устройстве крепости. Откуда пришло это название, что обозначает, на каком языке? — Я поднял голову от планшета, глазами нашёл оружейника.

Он почувствовал мой взгляд, кивнул и направился ко мне.

8

Полковник заявился к ужину, без предупреждения. Вздумал застать врасплох — как подслушать за стеной, что о нём думают.

Как в кино: капитан пошёл открывать дверь соседу, который и родную мать будет подозревать в заговоре.

Он прошёл в салон, рухнул на край моего кресла. И повёл рассказ, будто его сильно просили.

— Года три-четыре назад, в здешних заборах хватало лазеек. Быстро учатся.

Капитан вышел из рубки, держа в руке подушку.

— Такой редкий гость, вы уж извините, полковник...

— Уиль Штирль, напомнить мне не трудно.

— Именно так, — капитан зевнул. — Получается, четыре года назад ваши знакомые полковники снимали на Плин-Пирнец значительные суммы. Вы прикидывали свои возможности, а когда решимость появилась, к неудовольствию обнаружили, что старые лазы заделаны, мышь не проскочит.

— И к чему вы клоните, капитан? Что я слишком долго готовлюсь?

— Об этом после как-нибудь. Лучше сообщите, по какому плану собираетесь войти.

Повар привычно доставил столик с напитком, расположился шагах в пяти. Самый благодарный слушатель, кто не скрывает личного интереса в позиции, с которой тронем на штурм. Уиль Штирль очень внимательно рассмотрел богатыря, рвущегося в бой.

— Так как называется фрукт, из какого вы сок выжимаете?

— А я забывчивый. Как беру упаковку, прочту — чуток помню, и только упаковку отправлю в печь — всё! Как и не знал.

— Плохи ваши дела. Я, хоть и пожил прилично, но с памятью... Ты не прикалываешься?

Опять для меня незнакомое употребление слова, но терпеливо молчу.

Полковник устроил повару экзамен: три плюс два, умножить на семь, вычесть двенадцать.

— Двадцать один?

— Пусть будет двадцать один. Вы когда в отпуске были, видели родных?

— Вчера? — Повар испуганно пошарил глазами вокруг, точно кто-то мог подтвердить.

— А сколько у нас получилось в примере?

— Двад... девятнадцать! Я точно запомнил.

Уиль Штирль мимоходом и с удовольствием потирал руки. Среди тупых легче жить.

— Возьму тебя с собой, когда будем делить добычу. Итак, — полковник перешёл к основной теме, которая одних делает богатыми, других... кто плохо учился, пусть будет наукой. — Нам не оставили иного выхода, как обратиться с официальным запросом. По моим сведениям, Плин-Пирнец держит в штате целый институт плутарей...

Снова меня напрягло словцо. Полковник продолжил:

— Кажется, такой специальности больше нет нигде, даже в справочниках и энциклопедиях. Не спорю, встречаются жалкие пародии на здешних специалистов. Суть в чём? Знакомые мои, и пять лет назад, пробовали пройти в крепость по официальной бумаге. Пакет документов на преступника, которому вы предоставили убежище. Вот тут в бой вступают плутари. Между нами, сволочи те ещё. Ты ему свидетелей, документы, записи разорённой планеты, а у гада моментально пропадают зрение слух. Не мне вам рассказывать, до какой мерзости готов скатиться человек, если платят больше, чем землекопу.

Поднялся на ноги, чтобы видели, наш оружейник.

— Полковник, разрешите сделать уточнение.

— Валяй. Полковник Уиль Штирль, напоминаю.

— Вот именно. — ТронуНав зачитал с планшета: — «В штате крепости Плин-Пирнец навечно закреплён институт плюхарей». Я ничего не придумал, можете убедиться сами.

Уиль Штирль перевёл взгляд на капитана.

— Коллега, ответьте честно: вы своим поваром довольны?

— Повода к неудовольствию пока не давал. Сок не разбавляет, продукты домой не таскает, — что ещё хотеть? Вчера вот, из отпуска вернулся. В срок, заметьте. Правда, половину отпуска просидел на горшке, попросил их не оплачивать, и ещё два дня — чтобы перестраховаться.

Уиль Штирль иначе стал оценивать беднягу:

— Даже так? Жаль, конечно, в жизни случается и не такое. Как я вас понимаю, вот не поверите... Да, так возвращаемся к плану.

Повар сделал отчаянную попытку реабилитироваться:

— Так девятнадцать или двадцать? Вы меня извините, от отпуска никак не отойду.

— Двадцать два! — как точку поставил в разговоре полковник. — На калькуляторе проверь. А мы пока выберем кандидатов в группу, кто отправится со мной в логово врага. Так-то мы не враги, но закон иногда вещи называет другими именами. Вот тоже фиг знает, кому это на руку, но мы войдём и возьмём то, что принадлежит по праву. Возражений нет? И не принимаю, закройте рты. Капитан, вы берёте троих, для прикрытия со спины. У меня те самые двенадцать. Они проложат путь. Через час выдвигаемся.

Повар напомнил жалобным голосом: «А побриться?»

Уиль Штирль поймал себя на желании подойти и потрепать увальня по щеке, до того он оказался мил на поверку, мил и беззащитен. Только бы выгорело дельце, и мы разойдёмся красиво.

— Капитан, раз вы доверяете повару, то и я, в знак дружбы, тоже готов поверить. Будем делить добычу — пусть он присутствует от имени экипажа. Согласны?

— Более чем. Раз мы пришли к единому мнению, за чем ещё дело встало?

Часть седьмая

Утомлённая трудами дня уходящего, охрана, в лице майора, развернула бумаги. Полковник раздобыл всё, что нужно, поэтому верил в успех.

Майор поднял глаза на часы.

— Полковник, не в службу, а в дружбу. Просьба огромная назрела. А, может, отложим до утра? Новая смена, отдохнувшая...

— Дело не терпит, майор. Я на службе.

— Так и мы не на прогулке. Ладно, ступайте прямо. В конце коридора, направо, лифт. Надо кнопку нажать, и тогда...

— Не утруждайтесь, майор, я в курсе. Эти люди со мной.

Повар с чемоданчиком, я и капитан. Мы сэкономили одного, мало ли. Двенадцать воинов настолько бдительно шарили по сторонам, что я умышленно вертелся перед ними, чтобы запомнили хорошенько. Лифт принял всех, поехали; взяли бы своего — не уместились бы. Капитан задал риторический вопрос: «Мы сверху начнём обвинять? С нижних этажей, мне кажется, проще». — «Я так не думаю, партнёр. На нижних этажах проживают «генералы». Без формы и послужного списка, в моих глазах они достойны звания генералов. Урвали — и залегли. Первое время им особенно трудно. Нельзя афишировать, что при хороших деньгах. Вино — попроще, девочку только на одну ночь. Полный камуфляж, и даже словом не выдать себя. О, как я таких вижу изнутри! Я герой, я удачно провернул дельце, и пусть никто о том не догадывается ещё лет сорок».

— А потом?

— Потом можно и в тюрьму. Сидишь эдак на проволоке, заменяющей матрац, смотришь в щель под потолком и вспоминаешь, вспоминаешь... Для продолжительных воспоминаний надо прожить очень ярко, иначе нечего и вспомнить.

— Глубокая мысль, надо подумать на досуге.

Я прекрасно видел, как тонко стелет капитан, ловко подыгрывает, ибо знает ноты наизусть. Если не переигрывать, то вероятность того, что актёра не прогонят со сцены, не освищут, весьма велика. И ждать, что полковник зачислит нас в настоящих друзей, не приходится. У него на лбу начертано: «Друзей не бывает! Оставьте ваши сказки для простаков».

Коридоры и лифты, мы топаем по лабиринту с указательными стрелками перед поворотами. Ещё одни двери — и мы оказались под прозрачным куполом. Площадь, фонтаны, двадцать одно дерево вцепилось в круг из красного гранита. Полицейский искоса проследил, в какую сторону пойдём, с кем-то связался по рации.

Мимо генеральских домов топать — для нашего вождя нет большего удовольствия:

— И до вас доберусь, господа!

Представителям «Б-2403», по плану, предстояло обеспечить наружную охрану, никого не подпускать и поднимать тревогу, если какие «непонятки». Мой словарный запас, хоть и против моей воли, всё же расширялся. Блокнот не портил, память сопротивляется, но уступает.

Повар удерживает под мышкой чемоданчик, нет-нет, да и погладит. Я поленился применить навык — просветить лучом и хотя бы по форме опознать предмет.

— Это весы, — сообщил Повар. — Меня же пригласят для визуализации добычи. А могу и взвесить. Мелочиться не будем.

Минут через двадцать ударная группа вышла из номера жильца, телами прикрывая

мешок с непонятным содержимым. Два лба вцепились в него так, точно эта последняя возможность не остаться голодным.

Нам разрешили сопровождать да поглядывать, не наладит ли кто погоню. Зеркало заднего вида — это мы запросто: есть на затылке глаз, от рождения, просто иногда тренировать его надо. Вот и пригодился.

Второй клиент, третий — мешок уже потяжелел для двух носильщиков, Повар предложил услуги, но ему было отказано:

— Свою миссию вы начнёте там... ТАМ, где нам никто не помешает. Короче, на борту моего... согласен, на борту «Б-2403». — Ах, как вовремя Уиль Штирль уловил заинтересованность на лице капитана. Стал выгораживаться с расчётом: — Увы, это всего лишь бумага, за которую можно купить и маячки, и женскую обувь для... Пусть же вас не интересует моё семейное положение. Оно станет известным только после моей смерти, когда неутешные вдовы украсят букетами цветов скромный памятник солдату. Ну, или, так далее. Впрочем, нас давно ждут и просто горят желанием освободить жилое помещение от излишних предметов. Вперёд, орлы!

Пока мы предоставлены сами себе, пока группа уговаривала скромнягу избавиться от греха, чтобы не терпеть таких мук, я поглядывал по сторонам и фиксировал малейшие скопления местных сил правопорядка и обороны. Возможно, их подняли первые звонки от неизвестных граждан, пострадавших час или полчаса назад, особые приметы и количество нападавших...

Трое у входа в дом предполагаемой жертвы под описание вообще не подходили. Служба учёта благосостояния постояльцев выдала адреса и явки службе, которая должна выработать план по предупреждению... Ой, как у них всё сложно, язык сломаешь! И тотчас слышу внутренний голос: «Терпение, БороГор, на фронте куда опасней».

Я прикинул перспективы. По этой стороне улицы нам предстояло обнести (ой, откуда взялось слово?) ещё пять зданий. Как там, по плану? Переходим на другую сторону?

А в конце улицы показались люди с плакатами. По мере приближения шествия, тексты удалось разглядеть. «Требуем защитить честных граждан, не замеченных в денежных махинациях. Да здравствуют службы защиты Плин-Пирнеца». «Плин-Пирнец! Защити от произвола!»

— Быстро реагируют, — сказал капитан, зевая. Скучное занятие мы себе подобрали на сегодня, наступили на горло собственной песне.

Повар первым заметил выход группы.

— Думаю, трудовой день на этом закончится. Шесть носильщиков для груза — это привлечёт излишнее внимание. Теперь пусть потрудятся мои весы.

— Если полковник согласится.

Повар поднял на капитана невинные глаза.

— Я же у него самый близкий друг. Породнились — посидев на горшках, пусть и в разное время.

Капитан — я понимал! — уже и сам не рад, что ввязался. Маячки можно вместо грибов собирать, да кто ж знал, до вчерашнего дня?

Наша делегация вот-вот встретится с протестующими, и полицейские как бы создали для нас «зелёный коридор», как бы предотвращая столкновения случайных прохожих с неслучайными. Самое главное — чтобы не выдали глаза. Поэтому полковник нас троих пригласил возглавить шествие, — так сказать, первыми принять удар на себя.

То ли глаза наши честные, а у капитана — прям насквозь синие, то ли походка и вид чемоданчика, в который вряд ли поместится объявленное пропавшим... Как это они умеют крыть матом, мне бы поучиться, и по ситуации — наградить?

Но мы строго придерживаемся плана, на свой страх и риск, я всё же поинтересовался у организатора борьбы за справедливую делёжку:

— Рабочий день завершён. Или поработаем сверхурочно?

Уиль Штирль прежде, чем дать ответ, подсунул плечо под мешок, на вес прикинул.

— На сегодня достаточно. Можем завтра повторить, как сложатся обстоятельства в нашу пользу.

— То есть, протесты мы не замечаем?

— А у вас не бывало такого? Вот не хочу видеть в упор, так и действую. Никто не запретит.

— Если к утру митингующие заполнят площади, то завтра посадку нам вряд ли разрешат.

— Придётся смириться. И думал же захватить второй мешок!

2

Для команды были заказаны номера. Оба капитана согласились присматривать друг за другом, так им и выпал двухместный номер. Лбы поместились в трёхместном — как бы для заметания следов. Митингующие сразу спросят двенадцатиместный и пойдут искать, если осмелятся войти в гостиницу. Пикеты загородили главный вход и готовы стоять до утра.

— Ночью будем уходить. Я всё предусмотрел.

— Так поделим сейчас, до ночи. А то мы уснём, вы улизнёте, нам после одним за всю группу отдуваться.

— Я тебя понимаю, капитан. Ты ни разу не спал на мешке с деньгами. Так положение не в твою пользу. Второго мешка я не захватил, хотя думал.

Капитан потянулся к поясу и из-за спины вытащил крепчайшей материи мешок.

— Я знал...

Уиль Штирль немного посерел с лица. Ему бы смекнуть, что это первый колокольчик прозвенел, как предупреждение. Но старый вояка как никогда близко подобрался к цели и уже не принимал в расчёт знаки судьбы.

— А ты не так прост...

— Так и не стал бы капитаном.

— Хорошо, зови повара. Начнём делить.

— Я случайно заглянул в образцы купюр. Оказывается, у них разный номинал. Десять тысяч и сто единиц — на похожих банкнотах. Мне будет жаль, если ко мне попадут первые, а к тебе сотки.

Повар явился, прямо у порога собрал конструкцию.

— Это что?

— Весы. Мы же друзья, так чтобы без обид, буду взвешивать одинаковые бумажки.

Вывалили на стол содержимое мешка. Как на избирательных участках подсчитывают голоса, так поступили и мы... Ой, долго рассказывать. Самому эта процедура надоела так, что готов отдать полковнику — на, забирай! Капитан почувствовал, что мне пора отдохнуть:

— Погуляй на коридоре, я позову. — Вдруг, совершенно неожиданно, добавил: — А прогуляюсь и я с тобой. Представитель экипажа есть, нам не о чем беспокоиться.

Группа скопилась у окна, в конце коридора. Пикеты росли, как грибы. Кто-то из лбов

озвучил версию:

— Пробиваться будем с боем.

— Я — как чувствовал... Положим головы за благополучие одной головы? — откликнулся другой.

— Не нравятся мне большие города, — признался третий.

Нас с капитаном пропустили к окну. Красивый городишко, мы видели и крупнее. Столько света на улицах — как днём. И вереницы фургонов, одинакового цвета, на крышах порядковые номера и единый номер телефона.

Капитан воззрился в поднебесья, поправил микронаушник и микрофон.

Мне подумалось, это связь с Поваром. Капитан сказал в микрофон: «Через три минуты».

Мы развернулись, дошли до номера. Капитан в уме отсчитывал секунды.

Вошли. Полковник лежал поверх мешка, с закрытыми глазами.

Капитан поднял руку, вслух досчитал до десяти, сделал отмашку.

Повар подхватил второй мешок и бросился к окну, распахнул и вытолкнул наружу. Запоры на место, шторы — как и были затянуты, в том же положении.

— Теперь полковник может делать всё, что душа пожелает. Буди.

Уиль Штирль резко открыл глаза, нашёл нас, сидящими на диване. Включён телевизор, работает кондиционер. И рядом — сотрудник гостиницы, доставил напитки и закуски.

— Это для чего? — полковник осмотрелся. — Где второй?

— Вы всё проспали, полковник. Ворвалась толпа и отняла то, что могла. Вас побоялись тревожить, так велит местный закон. Этот мешок не тронули. Вы спасли нас! Теперь можем хоть остатки поделить. — Капитан пустился в объяснения. — Что ж вы не предупредили, что местное законодательство позволяет гражданам организовывать группы поддержки и захвата? Кто-то из обиженных воспользовался своим правом. И охрана ваша самоустранилась. Они вам будут говорить, что никого не видели. Так как поступим с деньгами?

— Я уснул, и всё проспал? Со мной такое впервые.

— Не молодеем, однако. Я сам оробел, пощупал пульс... Ночи без сна иногда дают знать нам о том, что организмы нуждаются в полноценном отдыхе. Уже не мальчики, увы.

Уиль Штирль стал проверять свои ощущения, пытаться память. Ничего путного на ум не приходило.

— Мы успели поделить, и дальше что?

— Вы как-то боком полетели. Я едва успел подсунуть мешок. Так бы с разбитым лицом сейчас смотрели на нас и спрашивали — кто это сделал. — Повар очень нежно помог другу пересест на стул. — А теперь — радуйтесь. Только благодаря вам, мы остались при деньгах.

— И пикеты рассосались?

Повар кивнул капитану.

— Похоже, им заплатили, чтобы хорошенько отделать нас.

— Как же мы мешок доставим на борт?

— Вот и я волнуюсь. Отберут по дороге. Что-то наш план не учёл многих деталей. И впредь, если пригласите, я сразу откажусь. Мне студентов учить, а не рисковать головой.

Уиль Штирль уставился в пол и долго молчал. В какой-то момент встрепенулся, слабая улыбка, как надежда, застыла на губах.

— Но у вас же есть план, как нам вырваться отсюда? Есть!

— На скорую руку чего придумать? — Капитан присел у мешка, запустил руку внутрь, захватил купюр, выпрямился во весь рост и стал по одной пускать, под ноги. — И вот за это многие готовы на...

— И ничего не многие. Мы с тобой поймали звёздный час, наша очередь. А другие подождут своего часа. — Уиль Штирль напомнил: — Смотри, капитан: ты деньги взять забыл или не сообразил? Вы как дети, твою мать. Ладно, думаю, постараемся вложиться в мои. Ты ничем не рискуешь.

— Я рискую людьми, неоперившимися студентами. Занимаюсь всякой ерундой...

— Стоп! Хорошо, беру свои слова обратно. Мы квиты, про деньги больше ни слова. Про твою часть. Теперь давай свой план. Хотя мозгами выдай свою долю.

Капитан отряхнул руки, сверху глядя в мешок.

— Я хочу, чтобы вы, полковник, признали в голос, что ваш план никуда не годится. Это было видно с самого начала.

— А вы, капитан, только и ждали случая.

— Если мне известен результат заранее, то я и не особо волнуюсь. Ждал или не ждал — не суть, поговорить можно и позже. А теперь, пользуясь случаем, я требую подчинения. Полного подчинения. В этом случае, половина мешка угодит в ваши руки. И полное доверие моему плану, который именно сейчас сложился в детальную картину, что и в какой последовательности мы должны делать. Не поверите — треть суммы ваша, в лучшем варианте.

Уиль Штирль шагнул к мешку, присел на корточки. Руками решил не трогать, как боялся спугнуть удачу.

— Почему же вы, капитан, не осмелились продолжить? Я никому не верю. Не верил до сего дня и дальше не собираюсь. Но сделаю исключение на эту ночь. Если ваш план удастся, я начну верить таким, как вы, после небольшой проверки.

— Вопрос можно? Хотя я знаю ответ, ну, а вдруг?

— Отчего же? Валяй.

— Мы наблюдали дворцы генералов. Вы шли мимо и грозились добраться до них.

— Дальше...

— Тем не менее, хотите пройти их путём: награть столько, чтобы потом бояться за сумму наличных. А с ними — только на Плин-Пирнец, больше нигде вам не будет спокойно, хотя бы первое время.

Полковник обхватил челюсть рукой, помассировал.

— Вы хотите сказать, капитан, что запросто свалитесь мне на голову и повторите мой план по отъёму наличных, заглянете и в мой дом?

— У всякого дела есть первопроходцы. Сколько потом будет последователей — учёту число не подлежит.

— Я где-то уже слышал. То есть, я столкнул с горы колесо, оно наберёт обороты и создаст некий перекоп в мироустройстве. И затем весь негатив вернётся к тому, кто затеял дело, так?

— В общих чертах.

— Твою м-мать! — Полковник надолго отрешился, погружившись в размышления. Соблазн велик, да ему перечит пропорция, слышанная уже не однажды: сорок лет можно считать стены одной камеры за один рискованный шаг.

Капитан прервал молчание:

— Вы можете упрекнуть меня за то, что я не предупредил раньше. Это было бы без пользы, пока ум затмевал многообещающий план.

— Конечно! Я был полон надежд.

— Вы согласны на мои условия?

— Думаю.

— Через два часа будет светать. А как насчёт «поверить»?

— Вот честно, пробую — и не получается.

— Тогда треть суммы ваша, — капитан пнул мешок башмаком.

Полковник Уиль Штирль попал в исключительно незавидное положение впервые. Для него такое испытание оказалось неподъёмным. Видно было со стороны, как копит силы и решимость, довериться этому... везунчику, по другому и не скажешь. Накопил — а шарик сдулся, снова накопил... Понимая, что все попытки обречены на провал, полковник сдался.

— Не получается у меня, хоть тресни! Как с детства был обучен, так и катишься по кочкам, набиваешь шишки, но от главной установки ни шагу. Скорей всего, в детстве меня и испортили. Возможно, и окружение от меня страдает, да я уже ничего не могу изменить. — Глядя на мешок, он созрел до вопроса: — А кто эта третья сторона, что потребует свою долю?

— Местные службы, кто возьмётся выпустить нас, в обход пикетов.

— Сволочи!

— Почему? Они такие же детали системы, как и вы, полковник. Они охраняют входы и выходы именно в ожидании оказии. Нам срочно нужно исчезнуть — они готовы помочь.

— Так это каждый на своём посту...

— Эта ваша система. Она и соблазняет лёгкой добычей, она же и наказывает. На смену радости обладания приходит разочарование от потерь. А ведь могло не случиться ни того, ни другого.

На полковника что-то нашло. Пусть и не тронулся умом, но последовательность действий вынуждала присмотреться. Сам с собой затеял разговор, хоть и без звука, но каждую фразу, как вопросы и ответы, сопровождал движением рук. Посмотрел бы на себя в зеркало — вполне мог поставить диагноз: «Я схожу с ума! Поздравляю, дожил!»

Как издаലെка, до него долетели слова компаньона:

— Часто деньги превращают человека в чудовище, волю отнимают незаметно, по капельке, хотя сам человек на себе не замечает изменений. Видит только, что отношение окружающих к нему резко изменилось.

— Ты хочешь сказать... Я давно знаю, что ты хочешь сказать обо мне. Я — Уиль Штирль, и я не укладываюсь в твои стандарты. Поищи кого попроще.

— Деньги нужны тебе?

— Теперь уже не уверен. Хотя — если получится, не откажусь. Хоть третью часть. Банкуй!

4

Уиль Штирль самоустранился, снисходительно наблюдая и прислушиваясь к происходящему вокруг. Иногда ловил себя на мысли: а ведь это так просто, почему сам не догадался? Ладно, посмотрим, как и что, лишь бы выгорело дело.

Этот учитель, или капитан — как ни назови, развил деятельность, — впору записывать за ним, считай, каждый шаг.

Справочная выдала ему данные, он поднял среди ночи какого-то фирмача, с говорящим именем Шурупий. Тот от радости довольно громко и долго рассыпался в благодарностях за внимание к его персоне, охотно ответил на все вопросы, поделился маленькими хитростями и планом, как устроить образцовый порядок в крепости. Проблема отходов уже хлынула на орбиту: десяток гигантских контейнеров гуляли снаружи и несколько осложняли маневрирование кораблям.

— Проклятые торгаши не отступают от правил — захламляют планеты, для процветания корпораций, занимающихся утилизацией. Рука руку моет, они давно идут в паре и никого не пускают на свои поля. Очень сложно с ними говорить о разумных подходах: как века гадили, так и не собираются ничего менять. Особенно заметно на крупных планетах. Вокруг городов плодят свалки, откуда ветер ни подует — разложениями дышат горожане.

— Погодите-ка, а сами горожане не понимают, что выбрасывая пакеты и упаковки, сами себя травят? — Капитан до сих пор не сталкивался с проблемой, вот и пришлось, благодаря случаю.

Собеседник выдал цифры, что глотают от разложения пластиков и целлофана, там такой букет получается, что на эти планеты лучше не заходить. Но от выхлопа, как правило, больше страдают дети: с каждым поколением, они всё слабее и слабее, угасают умственные способности, словно это какой-то вселенский заговор, цель которого — заполучение рабов, вялых и лишённых воли.

— И вы предложили руководству крепости выход?

— Самый простой — сжигать при больших температурах. Либо обязать торговцев отказаться от пластика и целлофана, но на это они никогда не пойдут. Это же их деньги!

— Кажется, понимаю. — Капитан мельком глянул в сторону полковника. — И догадываюсь: как только вы предлагаете остановить загрязнение планеты, к вам поступают угрозы расправы.

— Именно так и происходит. Мы отправились на поиски заказчика, заглянули сюда. Десять дней руководство изучало предложение, и мы ударили по рукам. Если видели, вокруг основного ядра, накручен юрпи-тоннель, для развлечения местной публики и туристов. Наше предложение основано на том, что прибыли комплекс почти не приносит. А отправка новых контейнеров на орбиту и поддержание в равновесии орбит старых обходится казне дороговато. Утилизация тепла — ещё одна статья дохода, и когда мы только приступили к монтажу систем, примчали шпики от торгашей. Договор на грани прекращения, мы в лёгкой панике...

Капитан предложил поговорить на эту тему подробнее, лишь уточнил момент — есть ли выход из юрпи-тоннеля в пространство над крепостью.

Господин Шурупий настоял на личной встрече, капитан предложил — в фойе, через десять минут.

— Полковник, вы со мной?

— Учусь вам доверять, капитан. Я лучше вздремну...

Я остался с полковником, капитан с Поваром умчали на встречу.

Штирль Уиль выглянул за двери, убедился, что ушли, и сразу, без хождений вокруг да около, пристал с предложением перейти к нему на службу:

— Я вполне серьёзно! Хочу сколотить такую группу, чтобы пошла в огонь, если прикажу. Вот скажи мне: когда на этаж поднялись смутьяны, за нашими деньгами, ты бы вступил в схватку?

— Я даже проводил бы их до номера.

— Понятно. Ты подчиняешься капитану, я совсем забыл. Я беру тебя с дружкой, этот, что на соседнем кресле. И оклады у вас двоих будут превышать втрое... впятеро, против остальных.

Я прикинул в уме: а ведь не отстанет.

— Где же вы возьмёте столько денег для нас? Не из своего же кармана. Да и в текущей операции возможностей уйти с добычей не густо, давайте признаем.

— Само собой. Я просто отнесусь к подготовке следующей операции посерьёзней, и мой шанс не упустим, вот посмотришь! Тут я дал маху, признаю.

— Как жаль, что отсутствует капитан. Он очень хотел услышать именно эти слова.

— Да и хрен с ним! Поверь: никто лучше меня не разбирается в людях, и лучшим я готов платить соответственно.

— Это те лучшие, которые сейчас на коридоре?

— Не напоминай мне о них. Я разочарован. Как они могли даже не попытаться задержать банду, с конкретным планом? А если я с дамой, ни о чём другом не помышляю? Берите! Берите голыми руками! Разгоню, при первой возможности!

— В банде, если я верно подсчитал, было восемьдесят четыре крепыша. На штурм отправились самые сильные.

— Это не меняет дела! Могли грудью заслонить дверь и принять бой. Это же рядовая драка, вы, что, никогда не дрались?

— Боролся только, кулаки мне отец велел не распускать.

— Я заменю тебе отца!

— Это вряд ли. Вы же мне братьев не нарожаете.

Полковник помолчал, подбирая другие пути для переманивания на свою сторону.

— Ты ещё слишком молод, многого не понимаешь.

— Я стараюсь.

— Не понял...

— Я стремлюсь постареть, но постепенно. Или нужно к завтрашнему?

Полковник как-то умудрялся жить двумя жизнями. В одной — уговаривать меня, в другой — потрошил подчинённых; бил изредка кулаком в ладонь и поскрипывал зубами.

— Я их сдам мамочкам на руки живыми, если доживут. Но путь домой неблизкий, всяко может случиться.

— Я вас совсем не понимаю. Человек может раз-другой оступиться, так что — крест на нём ставить.

Уиль Штирль сдержался, не выпустил слов, какие набежали. Что-то серое, с чёрными вкраплениями я заметил у него на языке.

Проглотил.

— Чтобы меня поучать, ты не дорос. Однако, никто другой не знает тебе подлинную цену. Вас у капитана тридцать три, ты думаешь, если двоих потеряет, то очень расстроится? Нет! Поверь мне, я в людях разбираюсь.

Разговор принял такой оборот, что продолжать его я не видел смысла.

— Ты думай, думай! Я пока отлучусь и проведу своих мерзавцев. Даже спрашивать ни о чём не буду. Просто посмотрю каждому в глаза. Вырастил, на свою голову. — Уиль Штирль с трудом поднялся на ноги и подался на выход. Приоткрыл дверь, выглянул. Видно, всё ещё надеялся меня уломать, поставил в известность: — Полюбуйся, иди, они дрыхнут на

полу.

— Так ночь, вроде.

— Когда операция повернула к финишу, осталось несколько решительных шагов, то сутки потерпеть — они не могут. Ни одному в голову не пришло, что отоспимся после.

И как бы не хотелось идти, да я понимал: моё присутствие там сейчас необходимо.

Я вышел следом, не снимая наблюдения с мешка. За дверную ручку цеплялся, стреляя глазами на оба фронта.

Полковник почти приблизился вплотную, один из солдат вытянулся и шёпотом доложил — всё в порядке, готовы отразить любые поползновения.

Потоптался около них командир, решил не мешать отдыху, вернулся в номер, дверь мягко притворил.

— Святые! Как ничего не случилось! Наотражали уже! Меня это выбешивает, но я не из таких, кого можно... Святые! И даже глаз не отвёл! Вот это обучил премудростям!.. Тебя, кстати, не смущают местные законы?

— Что именно в них?

— Ну, как? Не слышал разве? Банда ворвалась в номер и не тронула мешок, на котором я уснул. Дурацкие законы! Я бы просто скинул на пол спящего и утащил мешок, нет — такое положение: не будить, если спит. Придурки! И я собирался здесь обосноваться! Кажется, уже передумал окончательно. Я же расстреляю всех плутарей, до последнего чиновника, как только кто-то хоть заикнётся, что я в чём-то не прав. Как считаешь, я имею право на собственное мнение?

— Что это меняет?

— Знаешь, я не привык, чтобы так со мной разговаривали. — Полковник развернулся к выходу. — Пойду-ка я, подышу воздухом. Нужно немного привести себя в порядок.

5

С мешком у меня случилось свидание — я и он. Делай со мной, что хочешь — где-то я уже слышал эту фразу. За окно — нельзя, будем ждать капитана. А он и воротился, совсем чуток прошло времени от начала свидания.

— Где наш драгоценный компаньон?

— Вышел подышать.

— Чтобы не уснул там опять, — напомнил о себе Повар. Человек, борющийся со свалками, с таким колючим именем Шурупий, сиял. Значит, всё у них получилось. Или нашли выход.

— План таков, — начал капитан. — В пять утра, по местному времени, господин Шурупий запускает юрпи-тоннель в тестовом режиме. Дополнительное оборудование установлено, осталось перенаправить мусор из стояков в тоннель. Мусор превратится в пыль, которая удобрит газоны Плин-Пирнеца, растения получают минеральные вещества, и растительность...

— Одну минуту, — вмешался Повар, — БороГору интересней другой вариант использования юрпи-тоннеля.

— Ах, да! Этот мешочек мы пропустим по тоннелю первым. На одном участке предусмотрен клапан. Как только мешок провалится под него, процесс перемалывания мусора пройдёт первую фазу измельчения. Господин Шурупий лично проследит за величиной фракции, отрегулирует мельницы, и крепость навсегда избавится...

— Капитан! — вновь подал голос Повар.

Капитан задумался, сосредоточился на потолке, как объекте для чистых, как сам потолок, размышлений.

— И самое главное. У клапана будет ждать помощник господина Шурупия. Полковнику придётся иметь разговор с ним: или мешок вернётся в тоннель, или сотрудник получит треть содержимого мешка.

Я присел на диван, почти механически. Мы дружно разоряем компаньона, и каждый хотел бы внести свою долю в мероприятие.

— А вот и наш компаньон! — Шурупий бросился к дверям, с единственной целью — пожать руку благодетелю. Для развития технологий нужны приличные средства, и этот человек может внести солидную часть в приобретение оборудования. Пусть, и против желания, но жизнь устроена так, что нас не всегда спрашивают.

Без четверти пять, в полном составе, по очереди волоча за собой мешок, мы загрузились в лифт. Подбежавший солдат успел спросить, не нужна ли помощь.

— Охраняйте коридор, что с вас взять. И чтобы мышь не проскочила!

На техническом этаже, мы всё так же бережно транспортировали ношу до известного Шурупию люка. Подняли втроем, — сил как будто накопилось, Шурупий дал отмашку — отпуская!

И ушёл, родимый, освободив нас перед законом, пикетами и прочими превратностями, какие имели цель уравновесить чаши весов хотя бы в этом секторе вселенной.

Вот теперь можно возвращаться на корабль и хорошенечко отоспаться.

Полковник преследовал по пятам господина Шурупия, уточнял детали, к какому сектору подойти снаружи, просил хоть фонариком просигнализировать. А нас эти мелочи не интересовали. В фойе часы показывали четверть шестого, мы что-то замешкались. Нам не привыкать: каждое новое дело на первых порах преследуют трудности и разногласия...

Скорей бы на своё кресло!

Около четырёх часов нам всё же дали поспать. «Б-2403» отошёл недалеко от крепости, — кажется, что-то ещё мы должны увидеть или получить. Оружейник не стеснялся — развил свою версию: «Теперь мы полковника увидим не скоро. Крепко задолжал, а теми деньгами, что взял, делиться не захочет».

Вот и посмотрим. Если это и было целью нашей авантюры, чтобы раз и навсегда с ним распрощаться, то мы заплатили (хохочу про себя) немалую цену.

Жизнь налаживалась, в гости никого не ждали. Учебный процесс вернулся в прежнее русло, и я засел за теорию управления кораблём. Повар подходил разок, уточнял, о чём мы побеседовали с полковником, пока они с Шурупием осматривали юрпи-тоннель.

— А как ты его усыпил? — этот вопрос меня волновал не меньше, чем учёба.

— Сдашь вождение — поговорим. А кратко если, то есть на темени человека точка. Научишься воздействовать на неё — любого усыпишь.

6

К вождению меня допустили к концу второй недели. Сначала мы садились на мягкие грунты, потом на объекты потвёрже. Капитан, как оказалось, готовил сразу шестнадцать пилотов. Подумалось: у него в запасе точно десятков кораблей.

Заход на глыбу — человек пять наблюдают за последовательностью действий пилота. Потом за управление садится следующий. Уже ходят разговоры, на следующей неделе будем осваивать скоростные режимы. РодоПрав нам показал отрывки фильма «Звёздные войны», — там, среди опасных ландшафтов, скорости запредельные.

— Разве это возможно? — усомнился я.

— В кино всё возможно. Они эти эмоции называют... «драйв» и ещё как-то, но не это главное. Опасность в том, что зритель верит, поэтому готов рисковать головой.

— Там же по приборам, вроде, — не сдавался я.

— А в чьих руках они? Того, кто подсунул технологии. Зрители и доверяются, как дети малые. Количество смертей в авариях зашкаливает, да статистику тщательно скрывают — мол, давай, рискни! Кто следующий?

Словом, завязался разговор, подключились пилоты. Так уж вышло, что наши кресла рядом.

— В Зоне Поражения, где нет Великих Воинов, нас используют настолько, насколько мы позволяем. Страшно даже подумать, как разнятся условия, от планеты к планете. Чем ближе к старой Земле, тем хуже.

— А на новой не так.

— Ну, её можно считать исключением. И те несколько планет, которые умеют защищаться. Думаете, Главное Око не ищет путей проникновения?

— Против Гармонии вибраций у него нет вариантов. — Ладопер на миг оторвался от планшета. — А где-то есть и жрецы, несущие звуковую службу. К ним тоже хотят ключики подобрать.

— Так и к добровольцам хотят войти в доверие. Думаете, наша группа, все четыреста человек, не повстречала «доброжелателей» всяких? — РодоПрав напомнил про фильм «Аватар»: — А ведь режиссёр фильма был допущен на спецпросмотр, просто чудом угодил в число допущенных. Документальные съёмки старой Земли, до штурма её союзными войсками. Руссов самих не снимали, просто запечатлели растительный и животный мир.

— Это где про Родовое дерево?

— Каждый род оберегал своё. Люди черпали от него силы и не ведали проблем с питанием. Оно и кормило, и оберегало, предупреждало об угрозах. Приближался захватчик — птица поднималась на крыло и атаковала, в меру своих навыков. Люди подключались следом.

В наших рядах появился свой историк, кто посвятил себя подробному изучению порабощения старой Земли. Спорить с ним если кто и пытался, то ЖелоТрон разбивал все разночтения. Лживых источников масса, да есть у него надёжный, откуда черпает, эпизод за эпизодом... Капитан как-то намекнул — наблюдай за ним: на него вышел кто-то из Великих и снабжает верными данными.

— Так он и учебник по истории сможет написать?

— Похоже на то.

Сказать, что очень сильно интересуюсь прошлым — так нет: мне бы свою жизнь прожить — имя не запятнать да своим помогать, если сбились с пути. ЖелоТрон настораживал своей молчаливостью, как губка, впитывал мнения, сам искал правильные ответы, и находил. Шла настройка его организма на здоровые вибрации, и ложь, качественные фальшивки он научился распознавать с первого раза. По крайней мере, дважды ошибался сам, уточнял, потом подходил к спорщику и сообщал правильный ход событий.

После той лекции капитана, и ЖелоТрон взял за привычку устраивать малые доклады по той или иной теме. Я уже подумывал его отговорить — дескать, учёба движется такими темпами, нам бы современные данные усвоить. Он очень интересно возразил:

— Не зная прошлого, ты безоружен, ибо не ведаешь, на что способен враг. Десять тысяч лет русы воевали за свои земли родовые, доходило до того, что четырежды выбивали с планеты врага, думали — всё, избавились. Союз захватчиков пополнился свежими силами, и пятая попытка обернулась полным поражением русов. Затем, отвоёвывая территории, враг переписывал историю, выращивал подневольное население под свои нужды. Древнюю веру подменил христианством, и пошло-поехало. Язык, обряды, службы — всё исказили, вплоть до подмены понятий. Сегодня земляне не ведают, что живут на положении рабов.

— Ладно, поостынь, ЖелоТрон, — сказал я в ответ. — Я подумаю, но тебя лучше не трогать. Ты заводишься с пол-оборота, и тормозов, похоже, не имеешь.

— Подскажи, где купить.

— Буду иметь в виду, заглянем на какой базар — обязательно узнаю.

И надо признать, товарищ меня заинтересовал. Если даже представить, что наш полковник тоже не в курсе, что исполняет чужую волю, то... Надо разбираться, как Главному Оку удаётся внушать, что мы проживаем свои жизни, не навязанные его ограничениями. Тогда, волшебная культура руссов — как кость в глотке ему. Потому и насыщают быт всякими устройствами, действие которых можно объяснить полудетскими, примитивными законами «вижу — значит, это существует».

Наш капитан иногда любит издали, чем занимается оружейник. Похоже, его предсказания имеют свойство исполняться. Если это не дар формировать грядущее. Уиль Штирль не кажет носа, и отговорку себе, поди, давно придумал, на случай встречи: я вам маячки подбирал, искал, где дешевле.

Кивнул мне — заходи!

В рубке царит торжественное настроение. Мы готовимся к серьёзному делу, не афишируя и не выдавая способностей. Школьники в зоопарке. Свои преимущества мы покажем в должный час, а удивим — готовьтесь.

— Наш знакомый прислал сообщение. — Капитан зачитал с монитора: — «Уиль Штирль, ваш друг, никуда не пропал. Я в поиске современной модели маячков, на главных рынках слишком дорого. До встречи».

— На двух стульях надеется усидеть. Вдруг мы ещё когда пригодимся.

Капитан указал на кресло пилота.

— Попробуем выжать из двигателей максимум. Как ты?

— Если с малым нарастанием, попробуем.

На новой Земле, помню, я носом приклеился к огромному аквариуму. Всякие твари, числом, не поддающимся учёту, страдали, нападали, выращивали потомство и отходили на покой. Свойства аквариума позволяли проследить полный цикл любой зверушки, достаточно сосредоточиться на ней. На несколько минут — вся жизнь, от малька до колючего скелета, который доедают специалисты по скелетам.

Космос — тот же аквариум, с той лишь разницей, что процессы растянуты в такой же пропорции, как разнятся размеры. Я уже подметил момент: когда выбран маршрут, глазам предстаёт пространство, сравнимое с притяжением глубины колодца. Тебя манит погрузиться до самого дна, а там ожидает подарок — планета, не нанесённая на карты. Жители не хотят, чтобы всякие нарушали их спокойствие и размеренный образ жизни: вы там у себя воюете без конца? И на здоровье!

Полковнику она точно не откроется, как бы ни старался. Все знают о наличии неуловимых планет, все хотели бы пошарить по тамошним сусекам или хотя бы побывать. Не

каждому повезёт, возможно, везение зависит и от того, кто капитан.

Уверенность — вот что движет пилотом. «Б-2403» сделан настолько добротно, что никаких сомнений. Препятствий, можно сказать, для такого корабля не существует. И отсюда следует вывод: эта модель сотворена не под присмотром Главного ока.

Колодец набегал мелкими ориентирами, мы падали с нарастанием, и оно никак не сказывалось на изображении. Сама планета, куда мы держим путь, ещё не видна, приборы сами вносят поправки. Мы лишь пересекаем солнечные ветра, и скорость явно выше, чем летали до сих пор, я кожей чувствую, душа поёт. Ей такое по нраву, это её стихия — брать расстояния одним глотком.

Боковым зрением заметил, капитан пошевелился.

Теперь и я вижу крохотную точку. Она растёт на глазах, небольшие помехи мелькают облаками, картинка всё яснее.

— Сбрасывай скорость.

А так хотелось продолжить, так хотелось... Для простаков придуманы расстояния и скорости света. Для твоего фонарика — оно, может, и годится.

Хлопком разошлись стены колодца. Мы ворвались в ярко освещённое пространство, где грязь видна всякому.

Мой взгляд упал на безымянный палец. Под ногтём скопилось нечто, и где это я влез?

Вчера с Ладопером обслуживали системы шлюза. Первый пост на корабле, где скапливается грязь. Наверное, немного смазки загнал под ноготь, к ней и налипло.

Но мы с вами наблюдаем планету людей, уставших от треволнений вселенной. У каждого своя, а те миры, где топчутся стада разумных и не очень, давно их не интересуют.

Однако, местная охрана на чеку, подрулил кораблик. Есть некоторое сходство с «Б-2403», остаётся гадать: это ранняя модель или более поздняя.

Охрана нам не мешала, провела свои мероприятия, убедилась, что опасности не представляем. Может, и за своим приняла. Свободны от внимания, двигаемся дальше.

На саму планету садиться не пришлось. Тут, справа, организована стоянка.

— Посадишь сам, уверен? — Капитан уже замер рядом, высматривая помехи.

Он меня подзуживал, понятно. Конечно, сам. С краю два места заняты, за ними целый пятак для трёх кораблей.

— Осталось для двух, — мы никому не мешаем, — подал голос Трононав, второй пилот.

Получается, тоже мысли читает.

Я наблюдаю за капитаном. Он ничуть не волнуется за сохранность корабля. В этих местах угоны невозможны.

Спуск на планету в миниатюрных, открытых вагончиках, на четыре места. Розовые облака обволакивают голову, лезут в глаза. Пахнет маслом, его добывают здесь, очевидно, — очень редкое растение, мне однажды подалось на базаре.

Против желания, руками стал натирать лицо, шею. Смотрю — наши занялись тем же, как приказали. Я обратил внимание на кожу рук. До старости мне ещё далековато, а она помолодела на глазах. И лёгкий голод, напоминавший, что пора чего-нибудь перекусить, сам собой растворился, упал в желудок и подавил восстание.

7

Капитан рядом, тоже вертит головой по сторонам.

— Ты здесь впервые?

— Даже не надеялся. Этот маршрут не многим открывают. — Он даже привстал, держась за поручень. Кого высматривал на стоянке, сам скажет.

Я жду, а он молчит.

— Ладно, так и быть, скажу. Ваши здесь, с Тобола. Тоже чем-то заслужили.

Вот как он разглядел в ряду одинаковых кораблей моих земляков? Номерами на борту, да, отличаются. Но как удержать в памяти, что именно эти корабли брали на борт добровольцев Тобола? Под две сотни кораблей, есть, о чём подумать. Но моё внимание всё же притягивала планета. Имени её, кажется, нам не откроют, просто покажут, каким бывает будущее у тех, кто завершил стадию человека по всем вариантам.

Боги?

Если такая мысль находит отклик внутри, почему бы и нет?

Уже как пилот, я брал привычные ориентиры: где условный Север, Восток и Запад. Южные ворота выглядели, как два каменных великана.

— Нас в них не пустят, рановато. — Капитан ловил подсказки из воздуха, не иначе. Да мы и не станем жаловаться, покажите то, до чего доросли.

Ещё один защитный портал, мы прошли его насквозь, как через сито из магнитных линий. Я случайно бросил взгляд на пальцы. Грязь под ногтем испарилась.

И вот под нами, как пропасть — двенадцать огромных тоннелей, стены из молний и вспышек, до каменных сооружений здешние не додумались. Или давно передумали.

И не стекло, а нечто среднее, между ним и водой. Причудливые изгибы и повороты, за каждым поворотом свой запах. Лёгкая морось ложится на лицо, отдельные приметы обретают явь. Или это зрение настраивается, до постукивания в висках. Глаза иногда слезятся, проморгаешься — и видишь чётче и яснее.

И мысли посещают забавные. Они тут всё выстроили под свои запросы. О, я стал понимать момент! Мы с капитаном смотрим на дворец, но видим его по-разному. Дворец ублажает его глаза одним видом, мои — другим. Мои углы по богам — тридцать шесть и двадцать один и две десятых, дворец подгоняет линии под моё восприятие.

У капитана свои боги.

А вдруг у нас одни и те же?

— Твоё имя настоящее — БороГор?

Капитан не ответил, лишь улыбнулся. И улыбка подсказала мне, что я не ошибся. То есть, разница в возрасте может достигать и двадцать четыре, и сорок восемь, и... Сколько же тебе лет, дружище?

Вагончики изящно заходили на посадку, заполняли пустующие ячейки стоянки. Если дальше пешком, то я согласен. Совсем отвыкнешь от ходьбы.

Хотел сказать, что было бы неплохо пообщаться с земляками, да эпизод вынудил прикусить язык. Только что, в ста шагах от стоянки, появился город. Вот не было его, секунду назад. Так и музеи, зрелищные места будут появляться... А, дошло: мы все запланировали посмотреть город, он и возник. Заказали бы пустыню — тут как тут была бы.

То есть, своими мыслями, мы создаём то, что будет окружать в ближайшие минуты и часы.

Рядом оказался РодоПрав. На планшете застыло изображение хищника — зубы и когти неестественно огромны.

А если подумать о таком?

Я оглянулся — и тотчас такой же померещился, у входа в магазинчик.

Я быстро разогнал картинку, — нет, только этого не хватало.

— Выключи планшет, посадишь батарею, — бросил я на ходу, присоединяясь к хвосту наших. Здесь, как бы ещё один фильтр для прибывших. Живые люди, в форме, строгие лица.

— Отключите планшет, — охранник обратился к РодоПраву. — Или оставьте у нас, на обратном пути заберёте.

Материализация хищника послужила мне предупреждением. Лучше прогуляться по магазинам и присмотреть что, — у меня одна беда: некому дарить. На Тобол посылку отправить, маменьке какое утешение, сёстрам.

— Капитан, — я пока не рискнул называть по имени, — а почтовое ведомство здесь есть? Или мы станем пионерами в этой области, удивим предложением создать структуру.

— А вот давай зайдём и посмотрим, что предлагают прилавки.

Битый час мы провели в лавке украшений. Продавцы опекали каждого покупателя... хотя денег никто не просил. Даже ценников нет на товарах.

Я брал в руки бусы из синих камней, рассматривал на свет и понимал, кому из сестёр больше пойдёт. Стоило представить лицо старшей, продавец кивнул: «Отправляем?»

— А можно? Вот прямо сию минуту?

Продавец поместил бусы в контейнер. Стенки из зеркального металла, крышка с ручкой. Немного опешив, я ждал ещё каких-то действий. Наконец, смущаясь, уточнил: «Всё?»

— Товар доставлен. Остальным сёстрам подберите тоже, пусть порадуются.

Капитан гораздо быстрее порадовал своих, терпеливо ждал меня. С младшими сёстрами оказалось немного сложнее. Я брал в руки украшение, мысленно представлял одну из не получивших подарка, примерял ей. Если она кивала, я передавал предметы в руки продавца. Хоть и не правильно это, но на автомате следил, чтобы изделие попало в контейнер, не укатилось под прилавок... Намучился, одним словом, но результатом был доволен.

Капитан многозначительно вздохнул.

— Идём дальше, нам ещё много чего нужно увидеть.

В книжном мы наткнулись на ЖелоТрона. Он вцепился в стопку книг, на корешках которых, золотым тиснением, читалось: «События нашей вселенной». Тома под номерами, и сложное обозначение секторов. Земля-старушка, интересно, за каким сектором закреплена?

ЖелоТрон задавал продавцу вопросы, помалкивал время, словно заглатывал информацию, пережёвывал и задавал следующий, исходя из суммы имеющихся.

Мы уже хотели покинуть товарища — в океане информации, одного, нас выручил продавец, сказав:

— Так и скажите: Старая Земля. Сорок солнц, как я угадаю, откуда вы? Том двадцать четвёртый, пятнадцатый раздел. Это там, где население находится в рабстве.

— Оно! — обрадовался ЖелоТрон, подождал, пока упакуют книгу.

Как пробка, вылетел из магазинчика, волнуясь, как бы не передумали.

— Ну, ты доволен? — спросил я.

Он просто обнял меня, да так, что воздуху стало не хватать.

— Дети! Чистые дети! — капитан оторвал дружка, предложил: — Если впереди ждёт магазинчик, где в наличии маяки, то я немного злоупотреблю вашим временем.

— А сколько у нас осталось? — ЖелоТрон уточнил механически. Кажется, его больше ничто не интересовало.

— Если подадут сигнал к возвращению, то я один останусь без подарка.

Они тут волшебники, никак не меньше. Нам пройти каких сорок шагов — навстречу мчит озабоченный товарищ с тележкой, напрямик к капитану:

— Тебе маячки нужны? Самая удачная модель, на рынке у вас таких нет ещё. — В тележке шпук сорок упаковок, не меньше. Но наш капитан не промах, к делу подошёл ответственно:

— А какова вероятность, что кто-то чужой обнаружит маячок и положит в карман?

— Он не увидит маячок. Есть в этой модели функция опознавания «свой-чужой». Идея, в принципе, не нова, производитель взял на вооружение запросы покупателей. Один покупает, другой крадёт.

Мы с капитаном переглянулись.

— Но на фронте эти варианты допустимы, как вы считаете?

— Вполне, сам Создатель велел. Забирайте — и не задерживайте. Новый покупатель меня разыскивает, я его чувствую на расстоянии.

— Во как! — только и сумел я выдать из себя. То есть, у наших поступков оправдание есть. Так и жить легче, а то уже во снах снятся обиженные: прибыли на глыбу на пиратском судне, осмотрелись — и вопрошают пространство: маячки кому-то нужнее?

Пространство кивнуло головой.

Хозяин маячков пошёл на хитрость:

— Имя корабля не подскажешь?

— С бандитами не общаюсь.

И уходит страдалец — прилично одет, культурный, под ноги не плюёт, а его раскусили. Меня капитан загрузил под самый подбородок, ЖелоТрон попробовал избежать роли грузчика: «У меня ценнейшая книга!»

— Ничего ей не сделается! Подставляй! Или оставлю без ужина...

Ну, хорошо, загрузились, а как ходить? Мы же могли и в другие магазинчики заглянуть.

Торчим посреди улицы, боимся лишнее движение сделать.

Рикша навстречу (и хотел бы я попытать затылок почёсыванием — откуда слово-то взялось, это мы не проходили). Весёлый парень попался, озорной, тележка с приличной по размеру корзиной:

— Может, я могу оказаться полезным? Борт «Б-2403», если не ошибаюсь?

Историк наш и не ждал согласия капитана — выгрузил всё лишнее, расцеловал книгу.

— Так и книгу доставлю! — сказал рикша.

— Ни в коем случае! Я сам!

Мы с капитаном разгрузились, он прикинул вариант:

— Сами не донесли бы. Вот и отлично, пойдём — ещё что посмотрим.

Не успели и десяти шагов сделать — рикша с пустой корзиной, чуть задержался около нас:

— Могу я быть вам ещё чем-нибудь полезен?

Я немного испугался, не знал, какие слова пустить в ход. Но капитан не промах:

— Серебро или вообще металлы есть?

— Есть гораздо лучше серебра. — Рикша спустил ноги с педалей, огляделся. — Надо вернуться, по левой стороне лавка. Колокол над входом. Ступайте, а я здесь подожду.

Лавка только снаружи походила на торговую точку. Внутри — горизонтальные печи, железные руки помещивали в ваннах составы, но ожидаемой жары мы не ощутили. Мастер похаживал вдоль ванн, напевал мелодию... Я могу поклясться: металл бушевал в ваннах — в

такт мелодии.

Капитан обратился в столб, только губами шевелил — в надежде поймать и повторить эту незатейливую песенку.

Мастер услышал фальшь, развернулся в нашу сторону и пропел гораздо громче.

Капитан поймал порядок нот, несмело воспроизвёл ряд.

Мастер ободрительно кивнул:

— Только на три порядка тише. Металлы следует убаюкивать, иначе расплещутся через край.

Капитан тронул за локоть, кивнул на выход:

— Оставь нас, я попал туда, куда давно мечтал попасть!

Я, конечно же, подчинился. Местное солнце вело себя довольно странно. Стоило подумать, что нужно укрыться в тени, как тень брала меня в окружение. Рядом лица — все освещены, и лишь я изгой, как солнышко меня не любит.

Рикша подкатил, как к старому знакомому:

— Издалека?

— Два часа с половиной лёту.

— Далеко! — Он улыбнулся, протянул ладонь. — Фигаро-Миг, можно Мигом, для краткости.

— БороГор, — механически ответил я.

— Сразу два — в одном месте? Мне сегодня крупно повезло. Надо постоять рядом с вами десять миггов, буду отходить ко сну с улыбкой переполняющей радости.

— Весело тут... у вас.

— Я всю жизнь сюда стремился. Радовать себе подобных, — ради этого стоит жить.

Мудро у них тут устроено. Вот бы и нам научиться.

Мы помолчали, как вдруг грянул колокол. Мастер дёргал за шнурок и хотел сообщить соседям что-то важное. Капитан мялся рядом.

— Друзья мои! Я тысячу лет ждал ученика, и вот он, явился! Поздравьте нас!

— У-у-Ра-а! — помчалось по улочке, из лавок высовывали носы другие мастера своего дела и трудоустраивались в хор.

Я только сейчас заметил на руках капитана железные рукавицы, он старался привыкнуть к ним, изучал незнакомый инструмент. То палец вылезет наружу, то искры брызнут во все стороны. И тут до меня дошёл смысл сказанных слов: мастер собирался уйти на покой, передав дело в надёжные руки ученика.

От такой новости и солнце забыло об обещании, я оказался под прямыми лучами. Мало — прямыми, так ещё и с нагрузкой. Крышу цеха сотрясали удары, и подумалось: так и крыша провалится.

Рикша успокоил:

— Это солнце, на радостях, подкидывает мастерам материала.

Я прикинул: сквозь крышу прилетают болванки — белого, красного, жёлтого металла. Или так: на окне, под лучами, хорохорятся горшки, к вечеру они будут полнёхоньки, и добыча ограничена лишь объёмами горшков.

Невольно ноги мои потянулись к эпицентру события, в пяти шагах от ликующего колокола я им сказал «стоп». Из цеха доносились звуки, никак не связанные с деятельностью человека. Некие силы производили разгрузку руды, вспомогательных материалов. И если не позволено никому быть свидетелями волшебства, то никому, если бы

и хотел.

Мастер тянул свою неприхотливую песенку, капитан подпевал всё уверенней, и сердце сжималось от предчувствия чего-то непоправимого.

Корабль! Если «Б-2403» останется без капитана, экипаж... Сами увидим, куда потащит проверка каждого из нас. А вот не хотелось бы, чтобы это случилось именно сегодня. Мы не готовы, полагаю, с такой потерей не так просто смириться.

Капитан шагнул к рикше, что-то прошептал. Почтальон исчез, и я засёк время.

Ровно через семь секунд он оказался здесь, с тем самым шаром-сферой из серебра. Капитан кивком показал, кому вручить.

Мастер бережно принял подношение, зорким оком оценил достоинства и замысел. Поднял шар над головой, к солнцу. Тут мы и ахнули! В руках мастер удерживал маленькое солнце, голыми руками, от которого извергались серебряные лучи. Они покрывали лица, одежды, — волосы впитывали их, насыщаясь... Эдак мы все, присутствующие, одним махом превратимся в чужаков, кто тяготеет к серебряным костюмам. Уже раз повстречались на базаре, я просто для памяти заметил.

«Начестев!» — пролетел шепоток. По улице, в нашу сторону, шагал местный деятель, с виду — лет под сорок пять, и свиты при нём неисчислимо. Вот это колокол, всех созвал!

Почему-то его называют старцем, как мудрость его не оспаривается никем. На Тоболе, наши, выглядят постарше, — наблюдающим в утешенье. Мы стареем, как все, чего вам ещё? Отстаньте!

Я долго не соглашался с их позицией. Почему мы должны делать то, что нужно наблюдающим, по какому праву? Дети Тобола не должны даже в играх показывать врождённые способности, всякий раз кувыряться и исчезать — с оглядкой.

Я порвал бы их своими руками... да лет в десять посмотрел, что случается с теми, кто не внял голосу старцев.

8

Нечестев... Неищев... Нащепив — настоящее имя старца ускользало, первое, что померещилось слуху, оказалось жалким отголоском. Да и вряд ли мы узнаем настоящее имя, оно открыто местным.

Старец взял за руку капитана, взял крепко. Между ними налачился обмен Силой.

Мастер проявил первые признаки паники: как так? Я его нашёл, он мой!

Нас оттеснила от колокола неведомая сила. Оказывается, просто освободили дорогу, и старец уверенно повёл капитана на север. Мой внутренний компас указал точное направление, и сама улица подалась вправо, повернула несколько сотых градуса.

Так получилось, что экипаж именно в эту минуту оказался в полном сборе, мы потянулись за вожаком. С покупками, кто налегке, — рикша помогал парням освободить руки, мигом возвращался и предлагал услуги следующему. Но всё внимание было приковано к спине того, кого мы принимали за старшего брата. Принимали давно, и только теперь осознали.

Улица оборвалась столько неожиданно, что тело запротестовало: ему хотелось походить по лавкам, найти что-то очень важное.

Песок — впереди сплошной песок, с переливами самых нежных оттенков. Глаза отдыхали, лаская переходы от бледно-зелёного до оранжевых пятен, перетекающих в игриво-золотые и жёлтые до белизны. Эти пески могли порассказать, — стоило прислушаться, и перед глазами восстают картины прошлого: пески эти сколько раз побывали городами,

вновь возвращались к первоначальному состоянию, терпеливо ожидали очередных зодчих, кто будет шлифовать мастерство на самом простом и податливом материале. Это стены крепостей и дворцов, с не повторными завязками и воплощениями, это охи и ахи туристов из более поздних поколений, это безжалостные приказы военных — разрушить до основания. И снова ветры перемалывают остатки цивилизации, в ожидании очередной.

Полковники и майоры — как это низко и мерзко, вместо того, чтобы проживать свои жизни, не иметь власти над собой, а просто послушать песнь песков. Рождения, свадьбы, расставания, и вновь рождения...

Старец простёр свободную руку — к нему примчалось песчаное облако, пыль осела, и мы обнаружили наших, с Тобола. Наши красавицы, женские экипажи. Один из них, о чём мы, оказывается, на день не забывали. Тобол мы покидали в одинаковой форме добровольцев.

К руке старца потянулась вереница, он рукой повёл — образовали хоровод.

Теперь пришла очередь капитана. Старец как бы прикрылся за его спиной и принудил смотреть. Как золотая шестерёнка, мчали зубчики по кругу, капитан настраивался на особый нюх. Мне кажется, он искал с закрытыми глазами, иначе можно ошибиться.

Я находился ЮЖНЕЕ, и мне померещились Ворота. Волшебные столбы-великаны, в своём равнодушии к суете начинающих Путь, держали службу, перед Великими Воинами и предками держали Слово.

И вот с этого момента я не берусь судить, где Явь, где Явь другая. Мы оставались рядом, и не вместе, и зубчики шестерёнки нас как бы разделяли. Оба экипажа сливались, чтобы разойтись... Боюсь сорваться на неточность, но Сила нас разделяла на две другие части. Снова два экипажа, но уже смешанные.

Сердечко подпрыгнуло под самое горло, и ясность осознания, что КОМУ-ТО лучше известно, что полезней, наполняло изнутри закипающей Силой. Лёгкое шевеление в паху, пронзительный взгляд чудесных глаз. Как я жил без них, как многого не понимал — именно в эти минуты открывалось со всей очевидностью.

В пустыне этой разноцветной образовалась карусель. В сорок саженей диск лежал по горизонту, разбитый на сектора. Старец, не выпуская руки капитана, протянул свободную руку к хороводу. Из него выпорхнула птичкой красавица, кровь русов, чистейшая снаружи и внутри. В какой-то момент, лишь бросив взгляд на капитана, она опустила очи долу.

Старец подвёл обоих к карусели. Она взяла вращение по солнцу.

— Ложись! — старец указал на сектор и подтолкнул капитана сделать шаг. Выждав время, старец уложил и деву, мы поняли задачу. Пара должна собраться, голова к голове. И пошли добровольцы занимать сектора на вращающемся диске, под руководством старца.

Перед тем, как лечь, я успел взглянуть на ту, с чьей головкой мы окажемся рядом. Волшебство обряда ни у кого не вызывало сомнений. Мы столько лет шли друг другу навстречу, в других родах, через войны и жизнь мирных хранителей Рощ. Под разными стягами, с разными талантами, в мужских телах и в женских, преступниками и проститутками, поэтами и певцами, с детьми — разбросанными по вселенным, сего дня мы вернулись в точку, откуда начнём новый отсчёт.

Знаки на небесах начертали птицы. Свою единственную я узнал — и теперь смело глядел в её глаза. Мы снова вместе. Долго же нас испытывала Судьба, уму-разуму поучала, и что теперь?

Диск укачивает. Старец вроде отошёл, если не исчез, но его присутствие незримо ощущалось. Мы все его дети. Он нас долго собирал, по крупице, вёл каждого и выпрямлял

дороги, ручьями врывающимися в единую и непобедимую Реку. Отныне страх не имеет силы, он побеждён. Мы под такой защитой, что, окажись за бортом, помощь придёт мгновенно. Ничто не случится без ведома Свыше.

В какой-то миг, я вывернул голову — полюбопытствовать. В центре диска сияло серебряное солнце, сотворённое талантами капитана. У отца два сына, с одним именем, разве это редкость для тысяч лет? Боги русов, числом в сто восемь, для первых триста лет жизни довольно славить и принимать дары от двадцати четырёх. Таланты и бессмертие, терпения уроки и битвы, мирные ремёсла, и полная Роща потомков, кто в свой час продолжит Род.

9

Через кружение, мы вспомнили все прошлые жизни, и совсем иначе распознали членов экипажа. Сёстрами и братьями, жёнами и мужьями, — во всех ипостасях побывали мы. Среди врагов мы разгадали братьев, кто ринулся ходить на поводу ушедших в тень. Мальчишками — поднимались на защиту матерей, когда отцов убили. В девичьих руках рождались вышивки и обереги на одеждах из крапивы и конопли, других — уничтоженных врагами растений. Мы шили обувь, строили дома в пять стен, мы реки славили, которые плотин не знали. Их строили враги, нашими руками. Мы по двадцать пять лет царям чужим служили, кровь проливали, которая стала нефтью. Мы подгоняли Время, чтобы пробил этот самый Час.

И всё ради того, чтобы встреча состоялась — здесь и сей час.

Крупные звёзды сложились в спирали, мы понимали, что вот тут и там не дотянули. И метеоры-пули указывали места, где надо силы приложить. В какой-то миг, очнулись будто, мы на ноги поднялись. Я попытался сосчитать, — упражнение с детства, когда горошины мечешь в угол и на лету сочти, попробуй.

Мне не позволили узнать. Ник чему. Зато мы молча ликовали. Сбылось! И смелость взялась ниоткуда, я руку избранницы уместил в ладони. Глаза немного с робостью поборолось, последнюю преграду одолели. И вот мы — вновь, как прежде, вместе. Я весь в тебе, и ты во мне. Своя вселенная, хотя другие рядом, и нам помехою не будут. Мы каждый шаг отныне будем делать вместе. Подумаем о детях, кто в очереди огромной так давно стоят и подгоняют Время.

Они будут рождены для РА-дости, по какому мы соскучились изрядно, терпению учились и прошли основной экзамен. А мелкие — друг другу точно пособим. Вселенную размером ограничим, нам лишнего не нужно. В порядок малое, там будет и в большом.

Сиреневые сумерки окружили незаметно, туманы чем-то напоминали скошенные травы. И ложе уж готово для каждой пары, где деве главная роль отведена. Её рукой влекомый, муж следует на ложе, и до утра нового они наедине.

— Па-адъём! — как горное эхо, почудился незнакомый голос. Я поднял голову. Все ещё спали. Кому это там не спится?

Я привстал на колени, осмотрелся. Некому орать. Наверное, я сам и крикнул. Прошу прощения, сорвалось. Привычка — тоже голос имеет.

Но поднялись все, как один. Капитан суженую не выпускал, — я подумал, всё: мы ему не интересны. Из-за красавицы, он и про корабль готов забыть.

Ну-у, да, встречаются, из-за кого голову можно потерять.

— Пойдём город посмотреть?

— ООо! — оба экипажа высказались единодушно. Щиты наваждений пали, мы снова

видим начало улицы, бегущей на Юг.

— Щит, — я проходил мимо конструкции, которая таяла на глазах. А в правой руке я удерживал самое ценное сокровище. Колечко на пальце оказалось кстати. Его вибрации очень подходили обоим. Если та девчушка, сделавшая подарок, и есть моя дочь, только из будущего. Мы тебя родим, обязательно!

Часть восьмая

1

Чудеса — да и только: время остановилось будто. Для двух экипажей старец устроил каникулы, это словцо как бы и чужое, но смысл передаёт верно. Всякий день мы водили хороводы, копили Силу по своим обычаям и по здешним, они кое в чём отличаются. Как слова в одной местности могут поставить в тупик пришлого.

Два капитана — в одном хороводе, и они по очереди ведут наши песни. Как только голоса сливаются в одном ритме, на окраине появляются мастера с жёнами, слушают и радуются за нас.

Два капитана — как-то не привычно, и внутри эта сумма находит отклик. Где-то такое уже случалось, и имело успех. Но эту атмосферу, в которой мы купались, просто не передать словами. Настолько породниться, прямо до слёз — от того, что не случилось это чудо раньше, точно от спячки какой очнулись. А насытившись хороводом, ощутив великий прилив сил, парами отправлялись в городок. Два капитана уходили в самый конец улицы, откуда видны наши корабли. Меня туда пока не тянуло, я со своей ладой изучал ремёсла, многое вообще видел впервые. Подробности придётся опустить, их слишком много, но лёгкий налёт грусти, который неизбежен при расставании, уже давал о себе знать. Каникулам вот-вот придёт конец, и снова впрягаемся в учёбу.

Два капитана вернулись слишком рано, объявлен общий сбор. Рикша остановился рядом со мной, послушать новости, затем предложить свои услуги. По три пуда подарков и вещей каждый мог взять на борт дополнительно, и, как я знаю, не все ещё воспользовались правом, откладывали на завершающий день.

Между тем, молва по городу ползла — про какой-то большой корабль. Кому-то тоже посчастливилось попасть в Колодец (впредь так и обозначу для себя такой поворот в жизни). Странно, что мы с гостями не пересеклись до сих пор. Возможно, правилами ограничены контакты, из каких-то соображений.

Два капитана рядом... Вот честно, мы любовались, до чего ж они подходят друг другу! С такими синими глазами, — я даже не представлял, что бывают более густого цвета! Женский день — она в ударе, он подчиняется во всё. На следующий день ролями поменялись. Ну, глядя на капитанов, и мы переняли способ отношений.

Рикша тронул за локоть.

— Пока не поздно, скажи, чего бы ты ещё хотел прихватить в дорогу.

А лада моя, как знала, — протянула список. Она свой вес не выбрала, и почему-то именно сейчас решила взять кое-что. Боролась с искушением — и то, и это, да всё упиралось в вес. Рикша исчез, оба капитана ещё обсудили между собой что-то, и БороГора взяла роль на себя:

— Корабль готов. По плану, нам отдыхать посулили полторы недели, да позвали на службу. Патрульный корабль получил сильные повреждения, временно, до нашего прихода, остаётся на посту. Нас попросили подменить, пока постоят на ремонте. Часть экипажа мы можем оставить здесь, позже вернёмся и заберём. А пока с нами идут те, у кого есть

желание.

Моя лада первой сделала шаг, рукой подала знак — мы идём.

И ведь попросили — не все, только по желанью. Здесь ещё столько всего можно увидеть... Вот никому в голову не пришло, что два корабля никто не погонит, кому-то всё равно придётся остаться.

И... вот этого никто не ожидал. Оказывается, во время наших каникул, «Б-2403» прошёл очередную модернизацию. Её результаты видны невооружённым взглядом. Против соседних кораблей, наш выглядел крупнее на порядок, до линкора не дотягивал немного, но он стал раза в полтора крупнее и на стоянке занимал два места.

То же имя, те же линии, но объёмы уже диктовали условия: нам пришлось тут кое-что поменять, так и вы ведите себя соответственно. Учёба временно откладывается, приносим извинения за неудобства... скажем, так. Ветер принёс или сам придумал.

Балуха с Поваром на месте, как парад принимают, у трапа. Сам трап пошире, на два локтя. Тогда и шлюз, возможно, нам обслуживать (снова переучиваться?). Или солнце придаёт синевы, или покрытие с таким эффектом, — успел подзабыть неужто? Красавец! Сам себе завидую, на таком корабле оказаться — это уже Судьба. Те же узнаваемые линии, лишь пропорции перешли на новый уровень.

Я задрал голову. Мой иллюминатор отсюда не виден. Его устроили где-то в другом месте, я тебя обязательно отыщу.

А вот и признаки модернизации. Общий т-образный коридор и каюты, по обе стороны. Белая линия мчала по полу, до самой рубки. Слева женская половина. И десять кресел, новой модели, перед знакомым монитором. А в рубке тоже предусмотрели мужские и женские дни, полосу провели или что?

Иллюминатор нашёлся, почти на одной линии с входом в рубку, и подвижный, высокий стул, его можно легко убрать, если мешает.

Обычно на подготовку к старту проходят какие-то мероприятия. Сегодня — даже без объявления: просто городок нырнул, и я успел разглядеть на горизонте подобие гор. Туда мы, наверное, всё равно бы не добрались. Новости важнее. Мы должны подменить братьев, подежурить на боевом посту, пока основной экипаж займётся ремонтом. Думаю, позже покажут, как досталось нашим. Вот тоже интересный момент: их патрули заглядывают в приграничные края, наши к ним забегают глянуть глазком. Попахивает провокацией: наших ждали, пьяный наводчик пальнул, не целясь, и будет привлечён к дисциплинарному наказанию, — примерно так отреагировала та сторона. Держать за дураков — конечно же, это ваш выбор, нам лишний повод быть осмотрительнее во сто крат.

Капитан предложил другой распорядок дня, закрепил список рядом с умывальной комнатой. Для смешанного экипажа приходится идти на некоторые тонкости. Т-образный коридор в левой части упирался в женскую комнату, куда нам, само собой, вход закрыт.

Что-то ещё мы не разглядели, но это уже в процессе. Вот-вот должен выйти капитан и дать примерный расклад, какого правила держаться. Сам я пока ломал голову над простым уравнением: как из двух кораблей сложить один, классом повыше. Погреб в рубке увеличен вдвое, количество орудий... мы ещё не добрались до них в прошлом варианте, а тут модернизация.

Я пытался найти ответы в планшете, да там всё по-прежнему, устаревшие данные. Как только Балуха предложит сдать планшеты, я свой занесу первым.

Выход из рубки состоялся. ЛадПер начал аплодировать, остальные поддержали. Сам

капитан, похоже, не был готов к такому приёму.

— Соскучились? Понимаю. Теперь доведу до сведения. Обстановка вроде и не накаляется, но когда начинаются мелкие провокации, и «пьяный» наводчик открывает стрельбу, это сигнал. Специалисты считают, противник проверил на прочность модель, которая несла дежурство. Между нами, стратеги учли такую проверку, добровольцы рисковали сознательно, подставив борт. И реакция той стороны была просчитана. Что же мы получили в итоге? У кого-то сложилось мнение, что наш флот далёк от совершенства, с отдельными кораблями разговор короткий. А для боевых групп у них заготовлены другие мероприятия. И наша сила пока что в рассредоточении боевых единиц.

Капитан умышленно не давал раскладки, потянул резину.

— Так что с патрульным? Подробности известны? — ТрноНав блестяще помог вопросом главному лектору.

— Хорошо, что напомнил. В окрестностях инцидента, службы изъяли маячки, и вот что удалось установить. Залпом наводчика та сторона прикрыла перегрузку товара с одного борта на другой. Если нам повезёт, уж мы постараемся выяснить, что за груз.

— Можно, я озвучу версию? — ТрноНав отложил бесполезный планшет, у него на плечах есть свой, и получше. — Рабовладельцы. Поставщики доставили заказчику, и груз — обитатели старой Земли. По старым данным, с планеты за год исчезают около пяти миллионов человек, и власти их не ищут.

Капитан кивнул.

— Эту версию тоже рассматривают старцы. Перехватить в момент передачи — можно попробовать, но ничего не выиграем от того.

— Почему?

— Как только мы предъявим доказательства, та сторона снова сошлётся на «пьяного» наводчика. Повторы — это уже другая игра. Мы им развяжем руки, когда они поймут, что нам многое известно. И церемониться, соблюдать видимость приличия, бросят сразу.

Я проследил за реакцией ТрноНава. Лёгкий поворот головы означал: об этом я как-то не подумал.

— Получается так: если мы делаем вид, что не замечаем таких мелочей, они будут осторожничать и не лезть на рожон? — оружейник, и мы вместе с ним, усмотрели выигрышность такой позиции.

— Именно так. Поэтому, раз позиция понятна, выступаем на боевое дежурство. — Капитан обвёл своих студентов взглядом, в котором прозвучали новые нотки. Ладопер не удержался:

— Но мы же вычислим работорговцев и примерно накажем? Без предъявления Главному Оку.

— Постараемся. Почему мешок полковника и был переправлен изготовителю маячков. Чуток терпения, и данные соберутся для конкретного шага.

Вот теперь, кажется, картинка сложилась полностью, вопросы сняты. Несём боевое дежурство, никого не трогаем. Но поберегись, приятель, посчитаться момент не упустим.

2

Выход в точку координат сопровождался преследованием: чей-то корабль вёл себя нагло, не откликался на запросы и, между делом, демонстрировал огневую мощь. Наблюдатели зафиксировали аннигиляцию шести глыб, от которых шутник мог легко уклониться, но такой цели не имел.

Капитан выглянул из рубки, кивнул. Стоило подойти, поставил личную задачу: если на табло появится команда «1-2-3», я должен сорвать пломбы с приводов управления орудиями. Оказал доверие почему-то мне, я поразмыслил, оглядел соседей. Кто доучивает или повторяет пройденный материал, кто разбирается в модели посуды по соседству, под управлением дерзкого капитана, но любимые дела отложили на время все. Будут свободные вечера — наверстаем.

С монитора я не спускал глаз, разве изредка поглядывал, кто показался из кают напротив. Пусть это и не очень хорошо, просто непривычно, что на борту разом завелось столько прекрасных дев.

В точке нас ждал «спасатель» — двухместный катер, с прицепом на десять человек. Капитаны переговорили, катер покинул пост. Чуть погода, вокруг стали появляться корабли, общались между собой и с «наглецом», наши запросы игнорировали.

Балуха покинул рубку, устроился по соседству. В руках удерживал дюжину пультов, половину вручил мне:

— Будешь подавать по номерам.

Я перебрал их, установил последовательность. Если не ошибаюсь, именно с таких пультов активируются маячки.

— Разве из рубки их нельзя запускать?

Балуха подмигнул:

— У военных свои привычки. Направят радиолуч, на опережение, чтобы мы не придумали чего, а я и отсюда могу запустить. Луч-то узконаправленный.

Ладно, ждём, что эти придумают.

— Не могут выяснить, кто мы и откуда. Имя «Б-2403» сбивает с толку, они проверяют базу данных, откуда прошёл сбой. — Былуха удерживал пульт по горизонту, теперь и я разглядел око датчика. Прочтёт приказ с пульта, и мы оживим маячок. Одного я не понимал, что это нам даст.

— Я так понимаю, у тебя по маячкам возникают вопросы. — Связист вручил карточку производителя, она уместилась на ладони. Вчитываясь в строки, я улавливал, как внутри зреет ликование. А маячки-то с секретом! Пусть мы не первые обладатели этой модели, но что-то подсказывало: у этой группировки таких нет, и не скоро появятся.

— Их могли предупредить о том, что у нас на борту имеются новинки?

— Не успели бы. Думаю, так. Понимаешь, система порождает лежебок, кто к поручениям относится с ленцой. Упрекнут которого, он сошлётся на трудности, а придумывать их они горазды. Это же не пограничье, где, случается, стреляют.

Группировка собралась плотнее, в эфире ни звука. Балуха пояснил:

— Всё слишком предсказуемо: решают, кто сбегает в разведку. Поскольку мы заняли пост у них на виду, с этой стороны вопросов не возникнет. А побывать на борту у нас — нужны убедительные причины. Специалисты по правам судовождения полезли в энциклопедии.

— То есть, они по любому кого-то подошлют?

— Видится мне такая картина. Ребятки затеяли какую-то операцию и очень рассчитывали, что сегодня катер будет на посту. Его приборы не настолько хороши, чтобы зафиксировать действия всей группы. Одни отвлекают внимание, другие занимаются делом. Тут пришли мы и спутали им карты.

Что-то похожее однажды рассказывал РодоПрав, похожий сюжет фильма со старой

Земли.

— Участник группы, кому должен достаться большой кусок пирога, вынужден прибегнуть к крайним мерам, пока другие колеблются.

Балуха повёл пультом, сбросил команду датчику. На мониторе появился пульсирующий огонёк.

— Мы можем отправить хотя бы один — туда?

— Всё упирается в чувствительность их приборов. — Связист выложил в меню сразу две программы. Вторая обязывала маячок заглушить установку до получения первой. — Если обнаружат запуск маячка, то могут нанести удар из всех стволов: они, мол, напали первыми.

— И опробовать никак? Может, в обратную сторону запустить?

— И пусть идёт по дуге, — покосился на меня Балуха, набрал задачу для третьей строки. — И зайдём с тыла. До полного прилипания.

Небольшой риск всё же сохранялся, а раз он согласился, то уверен: вариант может получиться.

И плюнул вспышкой маячок, стал удаляться от точки на мониторе, где мы держали пост. Мы же ничего не нарушаем. Испытываем новое оборудование, раньше не было условий, скажем так. А развернуться рядом с пролетающей глыбой — для специалиста пустяк. Верхом на глыбе — к ним в тыл.

Оружейник примкнул к нам, догадавшись, что мы собрались не семечки лузгать. Он сверялся с данными планшета, бросал короткий взгляд на монитор, выводил свои расчёты в базу, а когда получил итог, сразу вывел его на экран.

Балуха развернулся к нему:

— Около часа. Если раньше ничего не случится, он приклеится. — Что-то прикинул в уме, добавил: — Но я могу подкинуть дровишек. Очень надеюсь, не сразу обнаружат.

— Не обнаружат, — с неожиданной уверенностью заявил ТроноНав. — Функция ослепления.

Балуха качнул головой, отрицая:

— Как только запитаем ослепление, они легко поймут, что мы задействовали.

— Это на известных моделях! У нас новая.

Связист наш втянул носом воздух, задержал дыхание...

— Рискнём!

Вместо одного, мы запустили два маячка. Вторым сразу задействовал ослепление, и первый попал под его защиту. Какая простая идея, да вот как-то сразу не далась. На фоне световых опознавателей участников группы, наши разведчики тронулись практически незаметно. Пульты вывели их на линию подходящей глыбы, вместе с ней стали удаляться. Если кто и взял на заметку, то через минуту должен бы снять наблюдение.

На своеобразном перекрёстке, где частенько встречаются два потока, маячки десантировались на малый объект, с него перепрыгнули на более крупный, но шагающий в нужном направлении.

— А теперь подгоним ленивца, самую малость. — С пульта последовала ожидаемая команда.

Я фиксировал время: похоже, в полчаса уложимся. И поглядим на реакцию группировки. Сумеют обнаружить — собьют. А мы-то не при чём. Не с нашей стороны прилетело. Хотя — мы ещё новички в этом деле. Опытного капитана такие обороты не поставят в тупик.

Капитан вышел к нам, мимоходом оглянулся на монитор. По-моему, в рубке и наш просто дублируют друг друга.

Сам решил кое-что уточнить. А мы — мотай на ус да слушай старших.

— Думаю, они раздумали соваться. Видимо, заводилу удалось отговорить — мол, будет в другой раз.

— А денег-то хочется сорвать сегодня.

— Это все понимают. Теперь всё зависит, какие нашли слова. Допустим, скажут: тебе надо — и лезь в петлю, мы найдём другой способ заработать. Или... Да что гадать? Схемы и маршруты наработаны, просто мы им — как соринка в глазу.

ЛадоПер присел рядом со мной, на корточки, с зажатым карандашом в губах.

— Слушаю вас и думаю: если кто и направится в нашу сторону, это и будет главный игрок. Кому деньги нужны сегодня.

— Вот он! Он тебя услышал, — пошутил ТроноНав.

Балуха подготовил третий пульт.

3

Я придержал язык за зубами, хотя мнение имел — отличное от озвученных. Заводила в драку не полезет, вышлет вперёд того, кто попал в зависимость к нему. У животных такое наблюдал, и на базаре, уже в людской среде.

На экране появился тот самый код «1-2-3», в два прыжка я оказался рядом. Балуха крикнул — через две секунды. Для чего — я не понял, но вычел. В районе пломб полыхнула искра, и размер её с мою голову. Бедною была бы рука, кабы ни Балуха. Что ж это за техника, которая обжигает?

Пломбы сорваны, теперь всё внимание на монитор, под пояснения связиста.

— Перед нами поставили условия: хотите в космос — устанавливайте «ограничитель». Пришлось идти на уступки. Надеюсь, запомнишь, как действовать в будущем.

— Это же просто издевательство.

— Скажем, простой расчёт. Дёрнет капитан — он выйдет из строя. Любой член экипажа пострадает, а это может отразиться на живучести корабля.

И вот подруливает мальчик-корабль, боком пытается поравняться с нашим шлюзом. Основная броня ушла под пол, остался прозрачный экран. Группа готова к переходу на наш борт, я насчитал одиннадцать человек, оружия при них не видно.

Надо же, они соизволили выйти на связь, пытаются поговорить с капитаном.

Действия капитана — полное молчание. Имеем право, вы нам его выдали своим поведением.

И так, и эдак — стал вражий корабль фигуры отливать вокруг поста. Чтобы заметили наверняка.

А мы и не наблюдаем как бы, своих забот по горло. Нам постельное бельё надо сдать в прачечную. Вот тоже изменение в правилах и распорядке появилось. Второй капитан настоял и на каютах, и на установке откидных коек. А раз койки, то понадобилось и дополнение; всё-таки на матрасах и подушках удобней, что ни говори. Теперь я понимаю, для чего нужны женщины. Чтобы стирать постельное, наводить чистоту. Мы же, прямо с коридора, по каютам, а там комнатные тапочки. Я разок пошустрил, выскочил из каюты, как по тревоге. Ничего, добежал до пломб, не споткнулся. Первый капитан очень внимательно изучал нововведения, могу поклясться, удовольствия не испытал, однако виду не подал. Дескать, поживём — увидим.

Из иллюминатора все фокусы хулигана видны как на ладони. Я на стульчике, были бы семечки — плевал бы скорлупу в ладошку. Меня заметили, подрулили вплотную. Два иллюминатора рядом, оттуда машут руками, внимание привлекают.

Я ем семечки, и ничто больше не волнует. Они там на головах ходят, и пусть: рассматриваю в кульке семечки, размышляю: интересный сорт попался, долгоиграющий.

Кому-то из наших прискучило — запитал генераторы защиты. Образовавшееся поле отшвырнуло назойливого приятеля саженой на сто. Вторую попытку приблизиться они не предприняли, ума хватило. А мы на посту, грызём семечки и ждём, когда из ремонта вернётся основной борт с экипажем.

Группировка, пока настырный добивался взаимности, приняла решение и помалу отчаливала с отметки, где организовали встречу. Не просто развернулась и набрала скорость — нет, положение обязывало уйти с достоинством. А нам и горя мало.

Наглец вернулся на свою отметку, лёг в дрейф. Рассчитывает на случай, какое везение? У тех, кто ищет, бывает, и оказия. Только приборы поблизости ничего интересного не наблюдают. Глыбы держатся своих орбит, мы им не мешаем. Наш маячок прислал весточку: надёжно закрепился на борту объекта, перехожу ко второй фазе — к проникновению в линии связи. Снова тишь да благодать, пока секундная стрелка стремится к следующему делению.

Но вот на мониторе появились два мелких объекта. Капитан выдворил из рубки подругу — проводил до каюты и поцеловал в щёку. Ты, мол, приляг, а мы тут сами.

И подходят как-то не слишком уверенно две шлюпки, — обитатели просят предоставить убежище, у них на борту то ли скандал, то ли восстание. Капитан задал три вопроса, понял, что не шутят.

— Хорошо, подходите к шлюзу. При первых признаках провокации — пеняйте на себя.

Шестеро, — вот как они поместились в двухместных шлюпках? Едва держатся на ногах, кроме рыжего дядьки, он их почти волоком, доставил одного — за следующим.

— Мы вас слушаем. — Капитан решил не торопиться с угощениями, — коснётся, так и накормим.

— Мы земляне. Подписали контракт, деньги частью получили, оставили семьям и отправились на заработки. — Коренастый дядька, рыжеволосый, с приличным урожаем усов и бородки, в двух словах обрисовал положение. Им обещали работу на Луне, когда же она осталась далеко позади, то и планы нанимателя прояснились, не в пользу обещанных золотых гор.

ЖелоТрон буквально глазами пожирал говорившего. Вот он, представитель старой Земли, скажем так, усреднённый срез тамошнего общества, которое условно можно разделить на согласных с положением и не согласных, кому факт пленения известен. Фёдор один отдувался за всех, остальные выглядели точно сонные мухи.

— Как же вам удалось поднять восстание? — Капитан хотел кое-что ещё выяснить, чтобы развеять сомнения.

— Я пошёл на хитрость. И когда понял, что в нас видят только рабочую силу, прикинулся лояльным. Пошёл к капитану и сказал: я хочу служить в вашей команде, согласен на любую работу, так как с детства мечтал летать в космосе. А если надо, то могу организовать поток контрактников, — у меня полно знакомых, кто следит за здоровьем, занимается спортом. Из таких могу три батальона набрать, и мне поверят. Капитан обещал подумать, и только спросил: чего бы я хотел в эту минуту. Я ответил прямо: чтобы меня не

кормили этим кормом, от которого, — Фёдор кивнул на своих, — сутками не просыпаются.

— Как же удалось сонных поднять на восстание?

— А я поговорил с несколькими ребятами, до кого удалось достучаться. Я же разносил корм, поэтому отрегулировал момент. К концу третьей недели, я довольно чётко разобрался, кому дозу можно увеличить.

— И свою группу ты поддерживал в бодрствовании.

— Так и было. И только собирал информацию. Вот по этим шлюпкам: как и что, покажите, вдруг пригодится, хотя вы мне не скоро доверите управление.

— И доверили однажды.

— Сам удивляюсь. Капитана удалось расположить к себе. Он меня проверял, конечно, его больше интересовали обещанные батальоны. — Фёдор наклонился к ближайшему беглецу, похлопал по щеке. — Вовка, не спи! Владимир! Мы спасены!

Вовка-Владимир изредка поднимал голову, силился открыть глаза. Секунд двадцать сопротивлялся и уходил в свои грёзы.

— Капитан сам предложил, где-то дней семь назад: пойдём, покатаемся, заодно поучу управлять шлюпкой. И не обманул, дал порулить. Мы же рядом с кораблём круги нарезали, а мне большего и не надо. Мне основные позиции запомнить, в какой последовательности запускать двигатель, как швартоваться. Как выйти из гнезда, как поставить и закрепить от внештатных ситуаций.

— В чём причины его расположения к тебе, как считаешь?

— Думаю, причины две. Он на ножах с боцманом, скорей всего, прикинул, что из меня сделает замену. По крайней мере, на ближайшее время, он мог верить мне больше, чем кому.

— То есть, костяк команды настроен против капитана.

— Как я понял, он платит не те деньги, какие были обещаны.

— Ну... скажем проще, это общая беда у тех, кто ввязался в преступные группировки. С Земли столько людей вывезли, и где они сегодня гнут спины, на кого — установить сложно. Конечно, мы постараемся. Ещё наши люди подключатся, но это не так скоро, не те условия. — Капитан ничем не выразил своих мыслей, на лице сохранялось обычное выражение. — Ответь ещё на вопрос, и я оставлю в покое. Как тебе удалось одному вести обе шлюпки?

— А там система включается, на кнопке знак «колонна». И можно за собой хоть сотню вести. — Фёдор уже от себя добавил: — Капитан сказал, вы радоваться должны, что к нам попали, а не к серым. Они человека разбирают на запчасти.

— Выходит, серые имеют своих агентов, кто тоже золотые горы обещает?

— Вроде так. Кто ж в здравом уме пойдёт с серым, на его тарелку? Я слышал, их на Земле уже много сбили, так одиночки прорываются, в оговоренное с продавцом место.

— Отдыхай, Фёдор, мы ещё поговорим. Каюты предоставить не могу, пользуйтесь этими креслами. — Заметил капитан интерес Желотрона, усмехнулся. — У нас есть парни, кто очень хотел бы задать тысячу или три вопросов о Земле, так что — при первом случае, готовься.

Имена у землян, конечно, дикие. И вот что обозначает «Фёдор», «Владимир»? Кто их там наделяет именами такими?

4

Тут поневоле задашься вопросом: восстание на корабле, шестеро сбежали. Что будет с остальными? Накачают сонным зельем, капитан попытается уговорить команду, сам пойдёт

на уступки. Товар на борту, осталось перекинуть на борт покупателя.

Что же им мешает отойти подальше, да хоть в скопление глыб и там совершить обмен?

Как нарочно, оружейник подсел на соседнее кресло, с пульта вывел на монитор окно. Оказывается, чуть дальше пределов видимости наших приборов, спокойно себе поживает военный фрегат, и думать, что его капитан не в курсе, чем промышляют некоторые в здешних краях, не стоит. Одно из двух: либо сам предоставляет площади для операций, либо караулит завершение сделки, а уж потом, с предъявлением фактов, накроет участников незаконной торговли людьми.

— Ты говорил капитану о возможностях твоего планшета?

— Связист велел никому не говорить. Капитан знает эти фокусы, поэтому на мониторе мы не видим. В случае, если потребуют пустить на борт, с такими приборами мы — как школьники.

— Так Балуха тебе наладил планшет?

— Я очень настаивал, ходил за ним по пятам, ты разве не заметил?

— Я семечки лузгал, некогда мне за тобой шпионить, по сторонам глядеть.

Мой стульчик у иллюминатора кто-то прозвал капитанским. Я же никому не запрещал, так наши взялись за меня: разреши посидеть на капитанском, помечтать, как ты.

И, вместе с тем, польза от поста наблюдения есть. Маячков раз добыли, а их надо тысячи, чтобы хоть частично помечать норовистое «стадо». Как я понимаю, выделяют и нам какой-то участок — вот и следите, чтобы чужая корова на грядки не влезла.

Раз шесть кресел заняты, то наши тоже согласились заниматься в каютах. Никто не отвлекает, монитора нет. Наши красавицы тоже по каютам сидят, и всё их устраивает. Они как пассажиры, мы их должны доставить по расписанию. Есть такое место, где рожают и выхаживают деток, нам в помощь.

И состояние землян удручало. Чем их так напичкали, что спят — даже не пошевеливаются!

ЖелоТрон при них неотлучно, уж он-то заготовил тысячу вопросов, как придут в себя. Думаю, всем будет интересно, в каком состоянии живут там сегодня, и почему всех всё устраивает. Одна фраза как-то насторожила, слышанная ранее, на том же базаре: «Лишь бы не было войны!» Станный эффект тянется за этой установкой. Фразу запустили в пользование с умыслом. Вроде как — лучше потерпеть, чем лишиться крова.

Да, и что с тем кораблём? Раз сделка не состоялась, ему лучше убраться, подброду поздорову; кажется, военные иногда сообщают, что арестовали одного или двух работорговцев. Им же надо мелькать в сводках: мы же недаром хлеб едим, за порядками следим. Эта система заметно хромает, получив пробоину — тут же бросается латать, за ордена и медали. Флот в образцовом состоянии поддерживаем, стоим на страже каких-то прежних завоеваний... Откровенно говоря — на страже интересов кучки дельцов, предпочитающих держаться тени.

Очень редко — старался не чаще раза в сутки — проходил мимо каюты, в которой поживала моя лада с подругой. Две красавицы ладили (впрочем, на борту других отношений пока не отмечалось). Замру на миг, гляну по сторонам. Никого не видно, если не считать дежурных по монитору. Кто свободен — тот и дежурит. Мы уже как-то приловчились, не сговариваясь: если половина кресел занята — позанимайся в каюте.

Беглых начали кормить малыми порциями. После той еды, неизвестно, как наша пойдёт. Шесть ртов — не беда, просто раньше на базарчик придётся слетать.

Балуха взял под контроль беглых, отслеживал состояние. Ребятки помалу приходили в

норму, и Желотрон носился, как курица с цыплятами, только с руки не кормит. Может, и сгущаю краски, но подумалось мне, глядя на старания его: он из вас вытряхнет все подробности, от момента рождения и такие, о чём давно позабыли. Так что, на допросах у нашего историка постарайтесь быть сдержанными, терпите, сколько есть сил. По окончании допроса, не исключая, получите дипломы. Или не получите — как ситуация позволит.

Капитан застал меня у иллюминатора, я поспешил с вопросом.

— Тот корабль не потребует свои шлюпки назад?

Капитан пристально вглядывался в моё лицо, точно искал прыщ.

— А кто тебе сказал, что у нас на борту чужие шлюпки?

— Так вот же, эти шестеро землян...

— Земляне, вообще-то, живут на старой Земле. А в космосе, среди глыб и свободных пространств, всякое лицо считается свободным иметь своё мнение. Хочешь называться землянином — я не могу тебе запретить.

Мы дружно уставились в иллюминатор. По-моему, видели одну и ту же картину, да мысли наши жили самостоятельной жизнью, развивались по личным планам.

Я машинально ткнул пальцем в стекло, обозначая направление.

— Там военный корабль. Они нас видят.

— И что?

— А прибытие шлюпок на борт они могли зафиксировать?

— Всё зависит от дежурной смены. Могли и проморгать. Э-э... — капитан пустился в рассуждения. — День рождения вчера отметили, чуть держишься в кресле, командир злой очень — застучал вчера, что взяли лишку. Теперь страдальцев опекает — попробуй, засни. А поймаю — ты у меня будешь танцевать до Дня Империи.

— Военные служат какой-то империи?

— Нет никакой империи: одно название. Дешёвые приёмчики торгашей, драка за ресурсы. И, конечно, работорговля, — самый почётный ныне бизнес.

— «Бизнес»? Это что?

— Не сегодня, как-нибудь потом. — Капитан порывался чем-то поделиться, да сдерживался всеми силами, — уж я-то его немного изучил. Раз не отвечает на прямые вопросы, значит, есть хорошие новости. Кроме той, что у нас появились две шлюпки.

— Знаешь, смотрю на твою ладу и люблюсь. Весь экипаж любит.

— Ваши жёны ничуть не хуже.

— Погоди, капитан. Вот смотрим на рощу. Все деревца хороши, но одно особенное. И радуемся, что боги тебя наградили таким ценным подарком.

— Ну, я... что я могу сказать? Тоже радуюсь. Вот придёт с ремонта страж, так и отдохнём. Нам предложили несколько планет, на выбор. Одного в толк не возьму: ведь только отдыхали. РазВед сидит на хвосте исполнителя, нам бы это дело довести, выйти на заказчика.

— А потом работорговцы, потом полковники разные, — я подогревал его, рассчитывая вызнать что-нибудь ещё.

— С торговцами будет отдельный разговор. И полагаю, ими займутся очень серьёзно, и уже без нас. Я не должен говорить, да скажу: для нас подготовлена другая задача. Боевая группировка впервые будет подключена для операции, которую готовили очень давно.

— Старая Земля?

Он нарисовал на стекле пальцем слово «Да». Добавил:

— Ты из воздуха, что ли, черпаешь неозвученные новости, как какой предсказатель?

— Я тут семечки грыз, прикидывал в уме — что имеем, на что способны. Кирпичик к кирпичику, и сложилось. Стоит немного оглянуться и оценить, сколько времени ушло на подготовку к главной операции, то по срокам — пора. А тут у нас две обновки.

— Забудь, теперь о главном. Старцы такого приказа никогда не отдадут. Это всё делается по другим каналам. Никто не может знать того раньше, и не должен.

— Хорошо, тогда просвети такой момент. Полковник знакомый заявится погостить. Как ты объяснишь ему наличие шлюпок другой модели?

— Ещё не придумал. Но очень надеюсь, что он долго будет занят поиском продавца, который сдаст партию маячков оптом, за одно рукопожатие.

Беглецы приходили в себя быстрее, чем ожидалось. Историк взялся за дело со всей ответственностью, подкармливал — и получал правдивые ответы от очевидцев. От рождения младенца, до похорон тела, и когда ответы совпадали, Желотрон делал пометки в своём планшете.

5

Присматривал я за историком, и в какой-то момент стало жалко парней. Подробности дай — хоть тресни, а им и невдомёк, почему столько вопросов.

Отозвал я его, заступился: замучаешь их. Вот почему ты так строго выпытываешь мелочи?

— А я скажу. Представь: у тебя есть книга, где полностью показывается, как землян взяли в плен, как издеваются до сих пор. Но сами земляне этого не видят! Они рады тому, что имеют, и на большее не претендуют. Воры — эти нормально живут, остальные экономят на всём и думают, это правило...

Я уже и сам не рад, что ввязался: Желотрон своего не упустит. Его мотивировала идея, что землян просто отнимут — переправят куда, и жди, когда в другой раз так повезёт.

Балуха так ко времени окликнул меня. Капитан приказал ознакомить меня с вождением шлюпки. Пока подготовился к выходу, загрузил запасы, потом сел к Балухе. Знакомство с приборами, запуск и прочие премудрости, в час примерно уложились.

— Теперь шагай во вторую шлюпку, пойдёшь за мной. И следи за зелёным индикатором.

Вообще-то я с первого раза запомнил: пока горит «зелёный», столкновения не будет. Автоматика сама отрегулирует приближение. Мало — если пилот совершает неразумные действия, автоматика отключит ручное управление, а на корабль поступит сообщение — набор цифр. К пилоту потом появятся вопросы, но это после.

Я ликовал! Сейчас мы это дело провер...

В кабине, за рулями, сидела моя БороГора, солнце моё. Второй капитан выдал разрешение на прогулку.

Она настолько уверенно держалась, что вопрос родился сам собой:

— Ты уже летала?

— Четыреста часов налетала, разница в управлении есть небольшая, но тебе проще.

— Ты начнёшь, я возьму управление на себя чуть позже?

— Всё сам. Я просто наблюдаю.

Очень быстренько я промчал по пунктам, как запомнил. Точно! Фиксаторы не снял. Спрыгнул на пол, прошёл к хвосту. Здесь полный порядок. Вернулся за рули, глянул мельком в её сторону.

— Ты убрала фиксаторы?

— На этой модели они снимаются автоматически, как только пилот занял своё место.

Балуха подал голос — заодно и связь проверили, я убрал чуток громкости.

Ещё разок пробежал по приборам, тронул регулятор мощности. Двигатель подал голос — вроде как, я тебя слышу. Из камеры выкатан кислород, загорелся датчик. На пятой секунде щит шлюза ушёл вниз, обнажённый космос сунул нос к нам.

Плавно, помалу подавая питание, мы вырвались за борт. Балуха подмигнул фонарём. За ним! Как говорил СвентоПрав, пилот из наших, «башку сносит, главное — не увлечься».

Мама моя! Только с борта шлюпки можно увидеть разницу, что нам подают на монитор, и как оно выглядит вживую. Никаких глыб! На мониторе они висят, как предупреждение, на самом деле, их воочию не увидишь.

Балуха подал голос:

— Голова на месте?

— БороГора подтверждает.

— Теперь пойдём на большой круг. Военные вроде собираются к нам, так не будем им мешать. Есть у меня знакомая глыба, переждём на ней. Конец связи. Эй!..

Мы поняли, что у Балухи что-то приключилось. Моя лада взялась за установки, стала шарить в ближайшем пространстве. На удачу, поймала код «444», выдохнула.

— Что обозначает набор?

Она нахмурила лобик.

— Кажется, это предупреждение: рядом охотник за шлюпками. Точно! Ну-ка, давай прижмёмся к кораблю, осмотримся.

Подвиснув под брюхом, я очень надеялся, что шлюпку примут за надстройку. Есть такие узлы, которые появляются на корпусе после выхода в космос. На каких-то моделях это батареи, броневые плиты и спасательные капсулы. Шлюпками обычно не рискуют, они хранятся внутри, и экипажи уверены, что с ними полный порядок.

БороГора мастерски шевелила клавиши на двух блоках управления, и я немного позавидовал: у них обучение шло по другой программе, видишь, как разбирается в кодах, делает запросы и посылает импульсы, — левой рукой перемещает бегунок по шкале, правой бьёт по кнопке «Поиск».

— Ты сейчас ищешь охотника?

— погоди, мой яр. Шлюпку нашла, теперь этого ищу, который...

Её монитор мелковат, чтобы я разглядел детали, да с боку не очень-то увидишь. И вдруг она спросила:

— Вам не говорили про охотников?

— Видимо, мы проходим разные программы обучения. Постепенное накапливание зримого материала, подключение к обслуживанию узлов и механизмов. К орудиям только допуска не получили.

— А мы и по полигонам покатались, славно били по мишеням.

— Какая-то ускоренная программа. — Я заметил, что на монитор выскочило сообщение. Первое слово «возьми». БороГора нацепила наушники и ответила кому-то: «Мы идём!»

Я примерил вторую пару, как-то непривычно, что предмет давит на голову.

— Ты поведёшь?

— Сейчас так надо.

И шлюпка сорвалась с места, мы шли туда, где скрылся связист. Глыб поблизости не наблюдалось, а вот тёмное пятно и не сразу разглядишь, только, если сзади у него что-то пролетает.

— Что это?

— Охотник.

— Мы, что, идём сдаваться?

Она промолчала, сбросила скорость. Чёрная туша росла на глазах, игра теней позволяла угадывать углубления и выступы. Объект очень походил на глыбу, из которой высосали свет. Или это просто отличная маскировка. Говоришь, охотник? Почему-то вспомнился сюжет фильма: охотник не трогал взрослых хищников, из-за мощной брони, мелких хлопал и пересылал картинку начальству, там ему начисляли деньги. Кто-то решил, что планета хороша для разработок, и надо сперва позаботиться о безопасности персонала. Раз нельзя уничтожить вид, взялись за потомство. А эти сами однажды вымрут.

Шлюпка нащупала тоннель, пилот вела по приборам, притормаживала на внутренних развилках. Как она ориентировалась в вариантах, ума не приложу. Пальцем поведёт в левую сторону, потом в правую, и точно определит: «Нам сюда».

Посадочная площадка ходила ходуном. Шлюпку Балухи со всех сторон обступили роботы и заливали пеной, я подумал: им удалось заглушить двигатели, против воли пилота?

— Нас не ждали. — БороГора откинула крышку на блоке управления огнём. Тут уж, хочешь, не хочешь, запомнишь, какие клавиши и для чего. Шестью выстрелами она обездвижила роботов, перенесла огонь на установку, подающую пену. Грянула нерабочая тишина.

— Я выйду? Вдруг Балухе надо помощь оказать.

— Ступай, я прикрою.

И я ступил на чужую территорию. Наличие инструмента и незнакомых устройств говорило о том, что базой пользовались давно и постоянно. Все процессы доведены до автоматизма, и тут нужна голова покрепче моей.

Кривое орудие с острым лезвием сгодилось для снятия пены. Она уже превратилась в корку; после первого скрежета, я не запускал лезвие глубоко, смахивал пластами, какие скапливались под ногами. Оглянулся разок на шлюпку, чтобы определить, на каком расстоянии от знакомого выступа вход. Резал да поглядывал по сторонам. Если никто не окажется, значит, всё под контролем программы.

Неожиданно БороГора подала голос:

— Руки вверх! Дёрнешься — простишься с жизнью!

Я отложил резак, приготовил карманный баллончик к бою. Он никого не убьёт, но даст мне временное укрытие. Стойкое облако тумана позволит осмотреться, самому не высовываясь, достаточно приблизиться к краю и на пределе прозрачности осмотреться.

Тот, кого упредила лада, мне не был виден. Стало быть, он по ту сторону шлюпки. И вот тут пригодится баллончик.

У кормы набрызгал целый стог, вошёл в него и, придерживаясь за выступы обшивки, дал шесть шагов, седьмой добавил. Перед глазами почти прояснилась картина. На площадку выходила крепкая дверь, вся на заклёпках. Перед ней и был застукан хозяин или простой трудяга, кому не понравилось отключение шести роботов одновременно.

С поднятыми руками, специалист осмотрелся, куда бы присесть.

— Можно, я присяду? Ноги болят.

— И что-нибудь нам устроишь? — БороГора открылась мне новым качеством. — Три шага вперёд, до крепёжной тумбы... Достаточно, вот на неё можешь сесть.

Её познания меня порадовали. Ловко же она взяла ситуацию под контроль. И про тумбы она знает, и куда палить, чтобы работа вывести из строя... Вот вам и явное преимущество, когда обучение идёт по нескольким программам. Настораживает только, почему дев допустили до стрельб на полигонах, а нас берегут. Неужели ради того, чтобы прежде времени не вошли во вкус долбить нечисть, без устали? Мы же, если разойдёмся, то трудно остановить; это понятно даже из простых поединков, на учебном оружии.

Я смело вышел из тумана, направился к гражданину, немного ущемлённому в правах, но то ли ещё будет! Из охапки проводов выбрал подходящий, попросил не сопротивляться, если хочет жить. Ноги накрепко увязал узлом с петлёй на кистях, обездвигил надёжно. Первым делом, выяснил, как разоблачить шлюпку от скорлупы.

— Найди баллон синего цвета.

— Он на мушке, иди! — БороГора обозначила, что её речи — не пустые слова. Рядом с сидящим просвистел холостой «бах». Дзинь — рикошетом впился в стойку стеллажа, доверху набитого запасными частями.

— Ты боевыми, что ли, палишь? — своим вопросом я постарался придать значимости моим шагам: я тут командую, и точка. Иногда находит такое желание покомандовать, когда никто не видит.

Ножка стеллажа не выдержала и пошла гнуться. Оборудование частью рухнуло на площадку, на двух приборах лопнули стёкла. Выступающая трубка пробила шкалу одного из них. Но я же не буду отвлекаться на мелочи: где здесь баллон синего цвета?

Эх, посмотрели бы на меня мать с отцом! Товарища я из плена как ловко выручаю. Струя жидкости съедала пену, как лёд пожирает кипяток.

Выход из шлюпки, он же и вход, образовался довольно скоро, я прикрыл вентиль, постучал кулаком в плиту.

— Есть кто?

Приглушённый голос связиста показался недовольным: «Сейчас открою!»

Он спрыгнул на площадку, оценил положение. Сразу к пленённому:

— Я разве подал повод, чтобы ты так с нами обошёлся? Сколько вас здесь, живых, я имею в виду?

— Один я. Программа избавляет от лишних движений.

— Уже неплохо. Тогда давай сделаем по-умному.

Пленный взбодрился. Кажется, до него дошло, что мы никакие не пираты, и понятие о чести некоторое имеем: разрешили сесть, — у пиратов посидел бы.

— Что нужно? — с некоторой надеждой, он поднял глаза на бывшего пленника.

— Докучает нам один кораблик, размеры его, конечно, великоваты.

— Это не имеет никакого значения. «Охотник» — считай, база с неограниченными возможностями.

— Ещё лучше. Ты его берёшь в оборот, и мы расстаёмся друзьями. После небольшого ознакомления с целями и возможностями твоей базы. По рукам? — Балуха протянул свою.

— Развяжи сначала.

А кто у нас главный специалист по обездвигиванию? Те же действия, только в обратной последовательности. Обычно я укладываюсь в десять секунд. Командир «охотника» только и сказал: «Умеешь!» Помассировал кисти, кивнул Балухе — иди за мной.

Они скрылись за дверью, а у нас с ладой появилось время для личного общения. Ты меня любишь, или что-то в таком духе — вот ни разу. Наши разговоры на магнитофон не запишешь. Сердца говорят на своей частоте, и нет ещё таких приборов, да и вряд ли появятся когда. Пусть в шлюпке нас и разделяют кресла, но я дотянулся и коснулся плеча, пальцами проник в густую косу. Тяжёлая, такой только корабли со дна моря вытаскивать.

Разговор можно затевать на любую тему, обоим интересно будет.

— Я немного завидую вашей программе обучения.

— Нас сложнее подготовить к убийству врагов, поэтому мы начинаем привыкать раньше.

— А ты понимала, что штука попадёт в стеллаж?

— Все данные на мониторе: угол, скорость, рикошет. И последствия.

— Придётся извиняться за повреждения, если Балуха договорится.

— Если договорится.

Находясь рядом, я понимал, что сердце бьётся неспроста, ликование переходит в желание утопить в объятиях и целовать, целовать... Глаза, волосы, руки — всё, что она подарила мне в ту ночь. Но мы на задании, которого никто не давал, свободная минутка выпала, и я теребил косу, представляя, что ладонь — это я сам, коса её — она сама.

А между тем, было бы не лишне осмотреться. Что поймём сами, что Балуха подскажет. Итак, имеем в своём распоряжении базу «охотник». Функции — э-э, берёт в плен корабли, независимо от размеров.

— Может, я погляжу роботов, сильно ли ты их повредила?

— Вообще-то, я стреляла на поражение.

— Они же должны покрыть пеной одного незнакомца. Двенадцать рук — это не шесть.

— Сходи.

— А ты прикроешь?

Она улыбнулась так чудесно, что места для сомнений не осталось: мы созданы друг для друга! И я просто обязан делать любимой подарки... может, тут чего присмотрю. И снова, как неполученный приказ, звучит в ушах: раз проникли — постарайтесь извлечь максимум выгоды от такого подарка. Про «охотников» много разговоров, и разных, а раз вам выпало выяснить правду, почему же не использовать оказию?

Есть, капитан! Беру инициативу на себя. Сейчас мы по винтику всё разберём и разузнаем, какие технологии для «невидимки» задействованы на объекте.

Само собой, пройтись по техническим коридорам — надо бы в первую очередь. Разрешение у командира получить, — я тронулся к дверям.

За ними вижу коридор, десять дверей в подсобные помещения. Гудение, наверное, приличное, когда оборудование включено. С пульта — а пульт у командира.

— Балуха! — без особой надежды, просьбу вместил в коридор. Не уместилась, раз не дождался ответа. Прошёл чуть вперёд, касаясь рукоятей. Ни одна дверь не подалась. В торце ещё одна, топаю и считаю шаги. На всякий случай. Потолок высокий, поэтому нравится, не нужно втягивать шею и спину гнуть.

Руку протянул, чтобы повернуть рукоять, а дверь сама распахнулась. Снова коридор, но уже пахнет жильём. Там, где питаются и спят, всегда приживается запах жизни.

— Иди сюда! — послышался голос связиста.

В каюте шесть кресел. Мне это показалось не оправданным. Бывают гости.

Они пьют что-то горячее, — из кружек поднимается пар.

— Садись. — Балуха пригубил напиток, старательно дуя в кружку. — Мы с командиром сошлись на том, что помехи нужно удалять. Мы удерживаем пост, нам пытаются помешать, — что я тебе рассказываю? И вот, представь: мы нашли общий язык. Имя командира может удивить, но уж что есть, то есть. Уймистер.

— Я слушаю, — механически отозвался командир. — Ах, это вы между собой.

— Так на чём мы остаёмся? — напомнил Балуха. — Коль наш новый знакомый, командир «охотника» Уймистер, убедился, что пост держим на законных основаниях, то он готов применить имеющиеся навыки, чтобы отвадить разбойников и прочий сброд от поста. Мы же, со своей стороны, обязуемся исполнять роль подчинённых — если в том возникнет необходимость. Кстати, эта пена имеет определённые параметры. Из-под неё ни один экипаж не докричится, чтобы пришли дружки на помощь. Я всё правильно говорю, командир Уймистер?

Мне ответ и не нужен был, видел по лицу, что уже обо всём договорились, нечего больше обсуждать.

— Помогите восстановить роботов, и мы покажем наглецам, что не везде можно действовать безнаказанно. — Уймистер допил свой напиток и рукой подогнал нас к выходу из каюты.

Запасные блоки, по два, мы вытащили на площадку. Уймистер терпеливо отсоединял узлы, любовался повреждениями.

— У вас хороший стрелок. Вывел из строя одну и ту же деталь. С таким можно идти в любую драку. — Уймистер ловко менял детали, перезапускал роботов. И вот они, все шестеро, снова готовы к трудовому подвигу. Осталось пристроить наши шлюпки и подготовить пространство для разбойника. Для нас был создан отсек, БороГора ловко перегнала в него наше хозяйство, командир оценил её таланты, добродушно крякнул:

— Мне бы такую госпожу на базу.

— Тебя, командир, опередил этот муж, — Балуха похлопал меня по плечу.

— Так она за ним на фронт подалась?

Балуха на миг задержался с ответом:

— Так и есть. Любовь — ей нет указов. Только что сыграли свадьбу.

Командир внимательно присмотрелся к нашей паре, минуты две любовался, затем сказал:

— Они — как брат и сестра. Нет ли какого кровосмешения?

— Исключено. Из двух родов, так что здесь по зову предков.

Любование затягивалось. Мы с ладой даже засмутились. Вот не привычные мы, чтобы так внимательно изучали.

Командир Уймистер переборол себя, отвёл глаза.

— Ну, раз такое дело, к свадьбе и подарок будет. Никому ещё такого подарка не обещал. Так приступим, други, дело не ждёт.

6

Вот теперь до меня стало доходить, как исчезать из поля зрения. Генераторы на особых магнитах, выдают частоты редкого диапазона. Установленные по периметру базы, они превращают инструменты и поверхности в поглотители сигналов и лучей. Простые лучи проходят без задержек, специальные — с малой задержкой. Уймистер устроил нам экскурсию, а поскольку мы не можем купить билетов, так и гид не слишком упирался.

Доводчики, переводчики, разводчики, наводчики, извод... сколько специальных

терминов, а мне всё чуждо. Это его мир, в котором собрался своими силами навести порядок. С его слов, десяток экипажей изнывают от безделья и ругаются со всеми, кто под руку попадёт. Балуху тоже один вопрос мучает давно.

— И куда ты их переправляешь, мистер Уймистер?

Командир насторожился:

— Откуда это у тебя? «Мистер»? этим словом пользуются только на одной планете.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Так это... нет ничего сложного. Есть вид крошечных планет, не всем им суждено стать полноценными — с населением, растительностью. Жемчужины такие, краем уха слышал, в прошлом они побывали жемчужинами, в простых реках. Цикл развития завершили — ступайте в пустыющие края и ждите часа. Там же тысячи лет пролетают за час или день, есть такие места. Мне туда нельзя соваться.

— Ты их в кисель сбрасываешь? — Балуха почувствовал, что близок к догадке.

Командир хлопнул глазами.

— И тебе такая попалась? Обитаемая?

— Так и мы сбросили в кисель восемь экипажей, если не больше. Могу уточнить.

— А я знал! Как увидел незнакомых людей в киселе, так и подумал: кто-то тоже занялся очищением космоса от этих грязнуль... — Уймистер впервые улыбнулся.

Балуха предугадал, какие слова Уймистеру будет приятно услышать:

— По моим данным, кто-то давно подключился к этой теме, поймать его никак не удаётся. Так что, как минимум, трое занялись делом серьёзно.

— Рад слышать! — Командир нырнул в генераторную, тыльной стороной ладони прощупал корпуса генераторов.

— Всё в порядке? — Балуха повторил измерения, как примерный ученик.

— Как никогда прежде. Я очень рассчитывал, что магниты притрутся, возьмут некую совместимую величину, и тогда базу вообще никто не заметит.

— И на фоне ярких объектов? — поспешил уточнить я. — Мы разглядели вас, когда в тылу пролетали глыбы.

— Значит, надо прикупить оборудования. Говоришь, мы ещё видны?

Я дал краткое описание момента, он слушал и кивал подбородком.

— Надо же, и было предчувствие, что в расчёты закралась ошибка. А я гуляю — в полной уверенности, что о моём присутствии никто не догадывается. Благодарю, тебя, БороГор... и с женой такой поздравляю... — Командир осторожно полюбовался БороГорой, перевёл взгляд на меня. — Давайте-ка, вернитесь в шлюпки, а я постараюсь подойти максимально аккуратно. Понадобитесь — позову. А теперь подарок.

В закрытом пространстве, лишённые внешнего обзора, мы коротали время перепиской со связистом. Кодами. БороГора знала их столько, что я решил идти к капитану, как только вернёмся на борт. Почему моя лада знает больше, почему так?

Генераторы и не так уж сильно мешали, со звуком одной частоты можно смириться. И как-то незаметно мы научились его не замечать. Лицо Балухи на мониторе иногда искажалось до клоунского: то улыбка до затылка, то подмигнёт.

— Это он сам так умеет?

— Программа. Я и твоё могу передать в виде хищника. — Лада чуть развернула монитор, предложила на выбор.

— Это кто такие?

— Пингвины. Живут на старой Земле.

— Давай этих. Сидим мы, такие, в шлюпке, и всех удивляем.

— Хорошая идея. Если кто ищет противника по изображению, то на пингвинов даже не посмотрит. — Две клавиши — и мы себя наблюдаем в образе этих милых созданий.

Балуха отреагировал мигом:

«Вы куда пропали? Что за клювастые твари в кабине?»

«Не мешай развлекаться. У нас тут...» — БороГора не позволила мне напечатать весь текст. То ли она предугадала, то ли так совпало: мистер Уймистер напомнил о себе: «Подходим. У меня есть план, кто-то пусть выйдет — обсудим».

Генераторы сменили тон, держать совет можно и на холостых оборотах.

— Выходим все, у нас так принято, — сообщил связист.

Уймистер сделал временный выход на главную площадку. На столике развернул карту с таблицами, красной точкой заранее им помечена строка.

— Вот, смотрите сами...

Я немного опешил: мои хорошие как воткнули носы в карту, так уже ничего не замечали. А я подметил: охотник ничего не поменял на площадке, как и не ждал кого-то у себя, чтобы запечатать в пену.

— Ты хочешь сказать, эта огненная глыба пройдёт позади военного наблюдателя? — Балуха ещё разок пальцем провёл по заинтересовавшей строке, сопоставил время и дату.

— Именно так. Один случай на миллион.

— Так линкор не на одной линии.

— Пока не испугали. — Уймистер почему-то возбудился, потирая ладони, он верил в свой план. — Мы появимся перед самым носом, неожиданно. Автоматика линкора врубит срочный отход.

— Они же погибнуть могут, — заметила лада.

— Нашла, кого пожалеть!

Балуха поддержал охотника:

— Действительно! Идёт поезд, несётся на полной скорости, мы перед лицом врага бабахнем шутиху. Он же метнётся назад? И под колёса! — Балуха последовал примеру, тоже стал потирать ладони. — А мы не причём.

— Мы снова запускаем генераторы, и нас не видят приборы. — Уймистер плавно перевёл глаза на мою красавицу.

Она и хотела что-то возразить, да оказалась в меньшинстве. С лица читалось: у мужчин свои понятия и взгляды, ладно, промолчу пока.

Мы отправились назад, и я уверен, каждый думал об одном: чтобы наш охотник не ошибся в расчётах.

Тронулись в путь — вернулся тот самый звук, я в мыслях рисовал картину сближения. Наш «Б-2403» безмятежно стоял на посту, фиксировал мелькающие и назойливые объекты, и только один прибор видел вражеский линкор, да капитан очень старался, чтобы не случилась утечка. Мы студенты, нам бы к экзаменам подготовиться; если можно, не отвлекайте...

В какой-то момент генераторы взяли повышенные обороты. Командир сводил две точки по времени и месту. Удачи тебе, Уймистер!

Когда звук оборвался разом, другого объяснения искать не надо: мы стали видимы, и автоматика должна совершить рывок от чёрной глыбы, которую до сих пор приборы не

наблюдали.

Прыжок линкора зафиксировали два свидетеля. И тут случилось непоправимое! Пусть в сводках военных объект назовут шальным метеоритом, мы могли бы им возразить: какой же он шальной, если раз в пятнадцать лет пролетает эту точку? Но не будем, мы просто случайные свидетели крупной аварии. Флот противника лишился одного из легендарных линкоров. Похоронная команда будет суток двадцать собирать обломки, латать и штопать «мешки», чтобы передать родным то, что удалось собрать.

Наша сторона может даже выразить соболезнование семьям погибших, и командованию, с подтекстом: что ж вы проморгали? Не ведая леса — по ягоды не ходить.

Понятное дело, на борту Б-2403» сыграют чисто роли случайных свидетелей, никого подготавливать не нужно. А вот последствия «трагедии» какое-то время повисят в средствах информации. Обломки с маркировкой передадут в музей славы, потом, при смене руководства, историю затрут — как и не было, из музея тихо вывезут детали и пустят на переплавку. Исполнителей чужой воли всех караулит та же участь.

Мы отошли подальше, я уже думал, сейчас поспим часок-другой, да не сошлось. Командир вновь собрал совещание. С его слов, к месту гибели подгребут многие экипажи, среди них может оказаться «Каратель» — тоже крупный линкор, особо отличившийся на порабощённых планетах.

Мы снова уставились в таблицы. Как на зло, поблизости ни одного «шального».

— Может, оно и к лучшему? — Балуха всё ещё водил пальцем по строчкам, надеясь на чудо. — Два случая подряд вызовут сомнения в случайности. Нам бы тихонько вернуться восвояси и переждать панику.

Мистер Уймистер оставался на своей волне, вёл поиск, как почтальон — почтовый ящик. Планшет старой модификации в его руках жил, вопреки гарантиям и моде. У хорошего хозяина вещи служат веками. Стоило ему подать голос, как всё стало понятным.

— «Каратель»? — уточнил Балуха.

— Он самый! Родненький, как же давно о встрече с тобой я мечтал!

Мы переглянулись. Придётся ещё разок уступить. У человека может исполниться давняя мечта, как ни поспособствовать?

По приглашению командира, мы вошли в его рубку. Помимо знакомых приборов, мною замечены странные. Изобретатель, одним словом. С потолка, например, свисала трубка, имевшая на конце подобие человеческой руки. Ужас!

— А рука-то женская, — заметила БороГора.

Изобретатель чуть покраснел:

— Я сейчас уберу. Это я спину иногда почёсываю. Бывает, заработаешься, так и душ нет, как принять.

Мы расселись вдоль стены, по привычке уставились на монитор.

— Который из них «Каратель»?

Конечно, поди разберись, около сорока военных скопилось, чтобы отдать дань памяти...

— А кто вообще придумал этот обычай? Постоять рядом с местом трагедии, не глупость ли? Вирус смерти запросто можно подхватить, это же всё на уровне созерцания передаётся, особенно новичкам. — БороГора взяла на заметку два корабля, пометила красными точками.

— Они тебе знакомы?

— Встречались. Покидали как-то полигон, они нам дорогу перегородили. Пришлось

пломбы вскрывать и сделать предупредительный.

Я наблюдал за мистером изобретателем. Он буквально ожил, изредка постукивал себя по мягкому месту, вынуждая нас сдерживать смех.

— Опаздываешь куда? — Балуха расцвёл, точно маковое поле. — Лучше скажи, чем помочь.

— Благодарю, но я сам. Это личное.

7

Само собой, мы обратили внимание, что на «охотнике» часть оборудования устарела. Хозяин приобретал только самое нужное, со старыми вещами мирился, и, по-моему, где-то выигрывал. Простая кровать, на пружинах, простые кресла, старенький монитор. Ну, хоть его-то можно было бы обновить?

По сравнению с нашими, на этом краски заметно бледнее. Сам по привык и разницы не замечает. И фотографии, конечно, привлекали внимание. Шесть человек, коллективное фото.

— Это кто такие? — Балуха рисковал, задавая вопрос. Вот угадай: обидится и спрячет либо может поделиться радостью.

— Это земляне. Группа поддержки. Побывал я однажды на старушке, охрана там — вам не рассказать. Подстрелили, я тогда ещё ходил в цвете спектров. Парни меня и надоумили стать «невидимкой». В гаражах у них, рядом со свалкой... Там столько дарового добра — мог бы остаться да выгрести половину. — Уймистер вёл «охотника» и охотно предавался воспоминаниям. — Поладили, одним словом.

— Как же тебя не вычислили наблюдатели? — Балуха оставался верен себе, умел делать несколько дел одновременно. Сейчас он нащупал данные по «Карателю», изучал характеристики.

— Это можно назвать чудом совпадений. Земляне собрали водородную установку, малость с алюминием переборщили, и она рванула в тот самый момент, когда мой корабль грохнулся в то же место. Обгорел, шрамы зарубцевались. Подорожник и водород... Словом, я сделал им минусатор: через диод — электрод из нержавеющей стали, второй из алюминия. Как в сети у них двести двадцать вольт, то минусатор тянет — будь здоров.

— Они помогли тебе, ты им — и что в итоге?

— Они перешли на водородное питание. И не стареют клетки. В условиях старой Земли, это очень своевременный шаг. Власть всячески укорачивают им жизни, а водород аннулирует все попытки. Думаю, уже скоро люди будут жить до двухсот и дальше, кто применит опыт.

Глаза постепенно привыкли к бледности изображения. Я голову ломал: мы идём напрямик в пасть к хищнику, и командир настолько уверен, что... Мне лучше не мельчить. Хотел вояка придти на борт с обыском — не сложилось. А почему не торопился? Видимо, там понимали, что их действия нарушат соглашение. Ваши пограничники тут, наши тут, и никаких поползновений.

А мы тихонечко ползём. Им можно — можно и нам.

Наконец, капитан пробился к нам, вышел на связь с Балухой. Тот набрал код и отправил. Я прикинул в уме смысл сообщения: у нас порядок, не мешай, дело есть серьёзное.

Капитану, должно быть, довольно знать, что с нами порядок, и на том благодарность.

Говорят, в крупных городах сложно передвигаться на технике. Много её. Мы угодили примерно в такую же ситуацию. Около пятидесяти кораблей как бы образовали круг.

Похоронные команды уже носились с сетями и подбирали всё, до чего могли дотянуться. Часть обломков получила приличное ускорение и исчезла из поля зрения на несколько лет. Спустя пять лет можно повторить попытку выловить хотя бы ящики с записями самописцев. В этом случае, результаты новых находок либо подтвердят официальную версию гибели, либо опровергнут.

Балуха шёпотом потревожил командира:

— Где этот?

Уймистер подсветил один из кораблей мигающей точкой. Пока глаза наблюдателей прикованы к точке столкновения, легче проскочить по тылам и подкараулить момент.

Крупные скопления глыб, с интервалом в три часа, проходили рядышком с маяком траура. Около года повисит, службы будут поглядывать да корректировать привязку к координатам, потом увезут — в другом месте может пригодиться.

У «Карателя» система обнаружения задействована на сто процентов, вот кого вам бояться, спрашивается. Кругом все свои. Или это уже из разряда психологии: нагадил раз — теперь оглядывайся постоянно.

Уймистер многозначительно оглянулся. Если я верно понял, то он хотел сказать, что в лоб не пойдём. Пусть их приборы попривыкнут к помехам, пусть специалисты думают, что они из-за скопления трёх флотов. Надо, как домашнее животное, погладить по головке: спи, всё у нас спокойно, ещё молочка налить?

Балуха начинал ёрзать. Его мысли на лбу написаны: пора бы расходиться, формальности соблюдены.

Стоило одному кораблю отсалютовать, как и прочие посыпались: у всех срочные дела, брошенные объекты. На ином, чуть ослабишь внимание — тут же восстание поднимают рабы.

«Каратель» отметил жёлтым салютом, развернулся на месте...

— Куда же ты? Повремени! — Командир начинал злиться, система вдруг сама начала перезагрузку, с какого хрена. Мы теряли драгоценные секунды, наконец, кулак пилота пришёлся по всплывшей и такой нужной команде.

Нас в креслах чуть качнуло, БороГора сжала мою руку, Балуха чуть наклонился, чтобы видеть меня:

— Разреши ладе твоей предложить руку, для поддержки?

— Предлагай — да меру знай.

На старом мониторе картинка прыгающими кадрами идёт, как в кино. О скорости сложно говорить, но нам не она важна. Поисковик, как стрелка компаса, указывает направление. Когда приборы поймают выхлоп, тут придётся смотреть в оба. В восемь глаз, то есть.

Тут же припомнился пересказ фильма, как всадник, на всём скаку, срубает шашкой голову врага. Мы догоняем, только шашки под рукой я не имею. Заразная штука кино: начинаешь жить чужими жизнями, если кто вовремя не остановит.

— Есть выхлоп! — В голосе командира почудились зловещие нотки. Что ж, и старые приборы годятся, а с ними кто-то чувствует себя уверенней.

— Что-то подсказывает мне, здесь не обошлось без женщины, — подал голос Балуха.

— Уже интересно, — оживилась моя лада. Кивнула — мол, продолжи мысль.

— «Охотнику» нужна хозяйка, вот вам и доказательство. Уймистер наведывался к одной красавице, та была счастлива — именно к ней прилетает принц, подарками одаривает,

продуктов подбросит. И в какой-то из дней, в приподнятом настроении, он летит на свидание. А там — горящие города, и с орбиты поливают огнём вражеские корабли. В его сторону пошёл залп, «охотник» увернулся и умчал, разразившись страшной клятвой отомстить.

У БороГоры навернулись слёзы. Связист перестарался с передачей эмоций.

— Это правда? — через силу выдохнула она.

Он лишь развёл руками. Уймистер сам об этом не расскажет: когда в этих глазах читается затаённая боль, особых слов и не нужно.

Глядя на главный монитор, постоянно одёргиваю себя. Привыкай! Не все могут себе позволить. Учимся радоваться тому, что есть.

«Охотник» напоминал мне теперь хищника, который загнал в угол добычу и уже не торопится покончить одним махом, наслаждается моментом.

Линкор применил другой вариант ощупывания пространства, какие-то запрещённые лучи, от воздействия которых начали слезиться глаза, появились первые признаки головной боли.

— С-сука! — Уймистер убрал руки с управления, ладонями закрыл лицо. Из-под них, крикнул: — Вода! В правой нише есть резиновые шлемы...

БороГора бросилась ощупывать панели стены, одна подалась. С четырьмя шлемами, она выскочила из рубки. Я подумал: она знает, где набрать воды? Что за чудо мне досталось!

Минуты через три мы водрузили на головы водяную защиту. Рези в глазах не повторились, приятный холодок обволакивал вулкан, грозивший извержением.

Выдохнули с превеликим облегчением.

— Этим оружием давно запретили пользоваться, — напомнил Балуха, — да не всех это касается.

«Охотник» коснулся левого борта, командир умышленно дал понять: мы уже не в игрушки играем. Наружные камеры сообщили, что двенадцать роботов приступили к покрытию пеной очередного бандита. Уймистер вывел в отдельном окне трубы, из которых шёл выхлоп. Десяти минут достало, чтобы двигатели заглохли.

На плите шлюза роботы оставили фигурное отверстие, куда пристроили громкоговоритель, с блоком питания и антенной. Тотчас прозвучала запись — вы окружены, личному составу предлагаем сложить оружие и сдаться. Офицеров наше предложение не касается.

— Офицеры попробуют переодеться в форму рядового состава. — БороГора вновь удивила, сказав: — Двое уже примеряют.

— Ты это видишь сама?

— Трудно объяснить. Кожей чувствую.

Командир тотчас взялся за микрофон:

— Эй, вы двое! Не ломайте комедию. Вы бы ещё в женское платье влезли. Просто предупреждаю: для вас я наточил топор и буду сечь головы, по очереди. Организуйте, пожалуйста, очередь, чтобы облегчить мне задачу. А рядовому составу открываю выход. Посидите в клетках, пока не выясним степень вины каждого. У кого руки в крови невинных жертв, можете примкнуть к офицерам.

— Как мы определим, что у выхода собрались те, кто готов сдаться? — подсказал связист.

Командир прибег к помощи микрофона вновь:

— Когда будете готовы, стучите в броню шлюза.

Балуха шёпотом добавил: «Головой!»

Меня прямо распирало от незнакомого чувства. Готов руками стереть в порошок главарей, да и этим, послушным овцам, наставить синяков.

Лада нежно коснулась руки — остынь, это не твоё.

— Я предлагаю, — сказала она, — дать отведать на себе действие этого оружия. Я так понимаю, линкор будет разобран на запчасти?

— Ты права, мне работы привалило, — откликнулся Уймистер.

— А двигатели куда?

— Кому они, коптящие, нужны? Только для того, чтобы где-нибудь глумились над планетами, высасывали кровь, которую называют нефтью. Это медленное уничтожение планет, ровно для того, чтобы высушенную, как фрукт, долбить и безнаказанно добывать руды, металлы и редкие вещества.

— Нам говорили, — лада решила продолжить тему, — кровь защитников планеты превращается в нефть. Демонические миры тотчас стараются пробиться в эти области, чтобы позже, с добычей нефти, выходить на поверхность, к населению.

Уймистер задумался, Балуха промолчал, а моя головонька напряглась. Где-то я уже слышал такое, от старцев, по-моему. Там, где ездят на механизмах, в городах, через выхлопные трубы, сущности проникают в мир Яви и начинают качать жизненные силы у населения. Потому в этих мирах и продолжительность жизни короткая, до ста лет.

Роботы отлично справлялись с задачей. Если постараться, то линкор можно успешно превратить в рядовую глыбу. Задать орбиту — и пусть носится, до первого столкновения. Новый объект никогда не впишется в устоявшуюся систему. Все орбиты заняты, и с новичком никто считаться не станет. Измельчись! — крикнет хозяин орбиты, и врежет так, что останется пыль, орущая: я когда-то была кораблём, не верите?

Из шлюза донёсся стук. Уймистер уточнил через микрофон: «Сколько вас там?»

Жест его руки попросил абсолютной тишины. Да мы и не шумели.

— Двадцать?.. Двести двадцать? А остальные? — Уймистер нацепил наушники, прислушивался и головой кивал. — Офицеры взяли в заложники? Плохи дела. А вы могли бы выручить товарищей?.. Рисковать не охота, понимаю. Нам было бы интересно взять на перевоспитание остальных, кто с болью в сердце исполнял преступные приказы... Ещё раз?.. Оружие, — где я вам возьму? Пены могу подкинуть. Да! И заблокировать офицеров. Потом, ножом, по одному, вырезать из массы, идея! Одну минуту!

Командир обернулся, пояснил, что делать. Мы отправились готовить клетки для личного состава. Предосторожность лишней не будет, и посидеть в клетке — вынужденная мера. И чтобы без обид.

Семеро роботов бросились устраивать зверинец, восьмой выбрался из запасников ползком, — его ноги нуждались в доводке, да на всё рук не хватает. А персонально задание никто не отменял.

Уймистер обесточил помощника.

Наше участие заключалось в удержании задней стенки, к которой роботы пристраивали ячейки. Крыша общая, мы вчетвером ни за что бы не подняли. Двести двадцать клеток, — они заняли почти половину площадки, где мог поместиться средних размеров корабль, для тщательной разборки.

Когда мимо нас проследовали шесть вооружённых баллонами роботов, картина

прояснилась. Уймистер уговорил восставших принять помощь и попытаться освободить своих. Что нужно простому солдату? Вернуться к родным, немного заработав. Не будь дураком, когда тебя посылают на смерть.

Из шлюза к шлюзу роботы устроили тоннель, повозившись с запорами, они исчезли на борту неприятеля, имея по два баллона при себе. Показался Уймистер, призвал нас к сейфу. Вооружил — объяснив, что снаряды, выпущенные из стволов, не убивают, но крепко отбивают охоту на необдуманные поступки.

Мы заняли места у выхода из тоннеля.

— А я пройду, гляну своим глазом, что и как. — Уймистер облачился в серебристый халат и галоши (как пояснила лада), и смело шагнул в неизвестность.

— Побывать бы на борту линкора, — сорвалось у меня. — И пошёл наш мистер лично потому, что хочет выяснить: брать корабль на разборку, или пусть гниёт на чужой орбите.

— Зачем тебе? — Балуха перевёл взгляд на ладу. — Иметь такую жену — что ещё надо?

Мне показалось, что эти слова из какого-то фильма, со старой Земли. РодоПрав как-то уж больно красочно представил последовательность эпизодов, трагизм насильственной смерти, пусть там и второстепенные герои. Как же он называется?

— Ты меня снова радуешь, — сказала лада, потёрлась лбом о моё плечо. Она сейчас напоминала самку... у животных есть такие ласковые виды.

8

Первая группа воинов, кто с радостью избавился от ненавистных офицеров, прошла в клетки. Они и заняли ближайшие, охотно устроились на полу, не вызывая ни малейших подозрений. Они же напутствовали следующую группу:

— Парни! Без глупостей, если хотите вернуться домой. Это друзья, готовые помочь.

Я собрался вести учёт, да передо мной возник полосатый робот. Счетовод, не иначе:

— Позвольте, я займусь подсчётом.

Говорящий — против других молчунов, этот вызывал уважение.

— Ну, смотри, если ошибёшься! — Я отступился, а то привык по два дела делать сразу. На всякий случай, ткнулся лбом в головку лады.

— Я люблю тебя! — Она привстала на цыпочки и запечатлела короткий поцелуй. Кажется, если вечером доберёмся до постели, я буду рад оказаться рядом.

Кто-то из наших, на борту «Б-2403», как-то заметил: на старой Земле все песни, что тянут при застольях, покрыты мраком безысходности. Раз поют о горе, то оно и приходит. Власть всячески приветствует тематику, тщательно отсекает солнечные, радостные тексты и мелодии.

Счетовод нашёл меня, голосом, лишённым эмоций, сообщил:

— Первая сотня вошла. Хотелось бы пройти на соседний борт и разузнать, когда пойдёт вторая.

— Сходи, я покараулю.

Он равнодушно исчез, гремя подошвами. Мне этот грохот не мешал, я даже радовался, что встречаются и такие, кто даром ног не бьёт. Невольно оглянулся, всё ли в порядке. Клетки воинам вроде приглянулись, кто спиной опёрся, кто проверил, что выход не закрыт, можно выйти. Но без разрешения — не рискуют. И клетка кажется спасеньем от офицерского засилья.

Я шагнул к ближайшей:

— Браток, вот честно: скажи, от офицеров доставалось?

Он ограничился одним словом — «суки». Второй раз за день, и рядом ушки лады. Ладно, больше не будем тревожить это понятие.

Из тоннеля послышались шаги. Впереди счетовод, за ним Уймистер. Два опустошённых баллона нёс на плечах, как крест судьбы. Судя по лицу, он своего добился. А следом гремела сотня башмаков, под радостные вопли. Кажется, клетка приравнивалась к светлой свободе. Кто-то и песенку затянул, десяток голосов подхватили. А попробуй без приказа!

Спустя несколько минут, на площадке для пойманных кораблей воцарилась тишина. Стали мы разбираться, кто откуда. Из трюма, из машинного отделения, связь, врачи и повара, спецы по системам, только стрелков ни единого не попало. Исполняли приказы — и сами оказались в заложниках.

Уймистер устроил открытое собрание, с участием освобождённых, облюбовавших клетки.

— Не ведая расположения, мы в тупике: кто подскажет, как можно зайти с тыла гадам? Десятки рук высунулись через прутья. Уймистер внимательно выслушал каждого, мельком глянул в нашу сторону. Взгляд его говорил: ох, и нашёл я себе занятие!

Балуха рванул к нему — давай, подменю.

— Исключено. Это очень личное.

— Ну, сам смотри, мы на подхвате, если что.

Поискал я глазами полосатого — нигде не видать. Что он ещё задумал? То есть, да, какую программу взял на вооружение?

Глядя на стройные ряды клеток, подумал: а ведь столько ртов кормить придётся. Не проще ли вернуть по домам, и там пусть головы ломают?

— Командир! У меня тоже появилась идея.

Уймистер глянул на меня, как директор школы на хулигана.

— Это уже мои проблемы. Надо закончить на борту, а эти никуда не сбегут.

— Так я готов подключиться и ускорить дело.

— Извини, БороГор, но здесь моя вотчина. Позволь мне довести до ума всё, как я вижу ситуацию.

Поняв, что мой совет и слышать не хотят, я развернулся и бросил через плечо:

— По домам их надо отправить, вот что надо.

Командир предупредительно поднял палец вверх, поводит им между нами раза четыре.

— Посажу в клетку.

— Я готов. Только после обеда. Вместе с ладой. — Меня что-то подстегнуло, добавил:

— Нам ещё понадобится матрас, две простыни и шесть покрывал, защититься от яркого света.

— Дорого ты мне обойдёшься, если посадить. Я снимаю все обвинения, оставайся-ка ты лучше на воле.

— Так куда мне деваться?

— Найди себе занятие сам.

На мой взгляд, это один из самых лучших приказов. Как же он редко звучит.

Смотрю — БороГора уже пристроила работа у тоннеля. Вероятней всего, она пояснила, что ей нужно отлучиться.

— Где у вас туалет? — очень вежливо начал я.

Командир глянул исподлобья:

— Открываешь шлюз и справляешь малую нужду.

— Меня же вытянет голодный космос!

— Возьми клей и намажь подошвы.

— Ну, хватит шуток. Моей ладе нужно по своим делам.

Уймистер уронил руки, какими до сих пор заправлял баллоны. Шесть колб объединял в себе тот самый насос, подводку к которому метко перебила БороГора. Изобретатель устранил обрыв, перемотал липкой лентой, — это на моих глазах! Теперь, вполне исправный, он отключился, как повелел владыка «охотника». Он готовился к новой фазе операции — надавить на противника силой расширяющейся пены. В углу, куда загнан зверь, ещё довольно свободного места, этот недостаток можно поправить.

— Так бы и сказал, что даме нужно припудрить носик.

— Что за фраза, откуда? — я насторожился, потому что от шутника можно ждать очередного фокуса. Приподнятое настроение его меня настораживало.

— Побываешь на старой Земле — там научат новому языку и современным оборотам. — Он грозно глянул на меня, потом повертел головой, нашёл БороГору. Выдохнул: — Во второй коридор, сто шагов, и дверь справа. Запас технической воды, в герметичном ангаре, в котором можно утопить шесть батальонов.

— Что за страхи такие, для чего, не понимаю?

Скривил лицо Уймистер по-директорски, будто собирался всыпать нерадивому:

— Оба можете разбавить, не повредит запасам.

— Ты, Уймистер, вообще-то человек? — Краем глаза я заметил Балуху, тот, держась за живот, быстро отвернулся, склонил голову — будто с воином собирается говорить. — Настроение хорошее у тебя?

— И не спрашивай.

— А хочешь, я его подправлю?

— Ты не сумеешь, студент, куда тебе!

— Командир, ты меня совсем не знаешь! — Одним словом, мы что-то разошлись. И воины вдруг испугались за свои жизни: вдруг один из нас схватится за оружие и пойдёт крошить... Клетка — не окоп.

Я потерял добрых полчаса, пока нашёл нужный коридор. Лада терпеливо молчала, позволив мне проявить таланты. Этот нехороший командир принудил меня познакомиться с половиной технических коридоров, в каждый из которых я врвался и думал, что хождение по мукам завершилось. И всякий раз, выбираясь обратно, сверлил спину командира. Ощувив жжение на спине, он разворачивался и делал удивлённое лицо: не нашёл? А попробуй в следующий... Если быть кратким, то половину корабля я изучил, думаю, возникнет надобность — запросто поведу корабль, только бы мне не мешали.

Лада подгоняла — быстрее, я уже на пределе.

Кажется, до директора жалобы дошли. Он сам открыл проход в коридор и вызвался проводить.

Я отступил на середину площадки, сориентировался:

— Мы сюда уже ходили, эй!

В клетках тоже помалу поднималось настроение, воины разобрались, что к чему.

— И вам смешно? — огрызнулся я. — Поздравляю!

Тронуся я следом за директором и ладой, сам рассматриваю стены. Ну, был же здесь! Это какое-то наваждение!

Пока дотопал до искомых дверей, застал одного командира. Ну, хоть ей полегчает,

подумал на досуге, стараясь запомнить выражение знакомого лица. В следующий раз буду знать, на что это лицо способно.

— Тебе делать нечего? — спросил в лоб.

Он так славно расхохотался, что до меня дошло: на этом шутки закончились.

— Ты не поверишь, как долго я ждал этого дня и часа. Ты не поверишь! Так что, извини, коль обидел. Это всё от нервного напряжения, и получилось спонтанно, само собой.

— «Спонтанно» — ты специально накачиваешь чужими словами? Что оно обозначает?

— Лучше забудь. Попадёшь ли когда на старую Землю — вопрос. Там стоит зубастая охрана, воины с обеих сторон. — Уймистер предложил мне леденец, из собственных запасов.

— Сладости перед обедом? — Фыркая для виду, я протянул руку. — Сладости дети любят.

— О, не разглядел: ты ведь у нас ба-альшой мальчик. Не обидчивый хоть?

— Я нормальный. Я женатый человек, и имею всё, что нужно...

— Домик есть?

— Найдётся.

— Тогда леденец оставь для жены. Последний.

Я начинал злиться. Кажется, мы заходим на новый круг. Ну, вот как может быть последний? В кармане — может, но не на корабле. День сумасшедших, не иначе.

Обедали при свечах. Фонарики имели вид свечей. Коротнуло где-то на линиях освещения.

Уймистер роздал фонарики, мимо проходил — оговорился: «В техническую воду попали неизвестные примеси. Влажность изменилась, общий состав, и система отреагировала на вмешательство».

Я промолчал. Меня так просто не возьмёшь. С обедом опоздали, и голод уже давал о себе знать. Я терпеливо не замечал намёков на аварию — по вине некоторых, и наедался покрепче, на случай, если ужином придётся поделиться с врагом. Краем глаза наблюдал за воинами. Пицца пришлась по вкусу, большинство разлеглось на полу и дремало. Под каким же прессом вы находились во время службы, бедные ребята!

9

Балуха говорил с капитаном, я это понял по интонациям:

— ... Да их больше двухсот, надо разгрузить командира... Кто из наших побли... хоть сколько, каждый понемно... Жаль, маячок нельзя. Мы выйдем и встре... Договорились!

Нынешнее положение меня устраивало вполне: любовь моя рядом, чужие люди нам не помеха. И капитан прислал, кого сумел уговорить. Воины покидали клетки и уходили через шлюз навсегда. Полосатый докладывал: осталось восемьдесят, сорок... Улучив момент, подкатил ко мне с вопросом:

— Тут, извиняюсь, двенадцать человек не хотят покидать наш борт. Я спрашиваю — в чём причина? И, представьте, не удивился: они хотят набить лицо несколькими офицерам. Я думаю, это лишнее, ведь офицеры от того умнее не станут.

— Почему? Здесь нужен персональный подход. Если врезать хорошенько, да знать углы его богов, то порка под этими углами обязательно принесёт результат. — Мне стало любопытно, что за модель такая, способная разговаривать как мы. Разве мозг человека удачно пересадили в железо.

Кроме всего, полосатый вроде проникся ко мне неким букетом интереса, почти

преследовал по пятам и ловил каждый миг, когда можно обратить на себя внимание вопросом.

Лада тихонько посмеивалась, наблюдая со стороны. «Не иначе, он влюбился!»

— Оно мне надо? Пойду и узнаю, что за модель.

— Хочешь домой такого приобрести?

— Как раз, наоборот: коли понадобится, чтобы брать другие модели, эта мне уже надоела.

Пришлось ждать, пока Уймистер уговаривал воинов покинуть корабль. Те самые парни, кто первыми перешли на борт «охотника».

Я прислушался. Рыжеволосый, с хорошими кулаками, настаивал:

— Вы пришли к нам на помощь, мы решили ответить тем же.

— Желание похвально, да я не представляю, как ваша помощь выглядит, в чём проявится.

— Вам же предстоит извлекать офицеров, по одному, — они же начнут выкручиваться: мол, я всего лишь лейтенант, что прикажут, то и требую от подчинённых. А мы не позволим им солгать. Поверьте, в нашей среде про всех офицеров многое известно.

Командир попросил дать время на обдумывание, занялся текущими делами, а сам — нет-нет, да и посматривал на дюжину воинов. Добровольно вызвались помогать, но что стоит за неожиданным решением? Другие обрадовались, что развезут по домам, только не эта дюжина.

Не найдя решения, командир обратился к Балухе: тут такое дело, мол, эти парни очень хотят вырезать из пены всех офицеров.

— ...Что-то не нравится мне их настроение помочь.

— Позволь, я переговорю с ними, выясню мотивы.

Оружие мы так и не сдали, пока рано. А связист пригласил помощников в уголок, держал с ними разговор.

БероГора подтолкнула словом:

— Ступай, тебе же невтерпёж узнать, что и как. Придумай вопрос для Балухи, и шагай.

— Ты моя умница! — Губами поцеловал воздух, как расстояние между нами, и его мы сократим до минимума, отходя ко сну.

За мной увязался полосатый.

— Я извиняюсь, у вас свои вопросы, но у меня тоже появляются, в процессе.

Нельзя же роботу предъявлять раздражение и своё отношение к простому исполнителю приказов... Приказов? — я оглянулся на командира. Мог ли он поставить задачу опекать меня всеми силами, создавать комфорт?.. Версия заслуживает рассмотрения. Вызвал к себе и потребовал примерно следующее: чтобы от гостей ни одного замечания не поступило, смотри мне, я доверяю самое ценное, что есть на борту. И полосатый изыскал внутренние резервы доброты, повышенного внимания. Возможно, и тембр голоса сменил — рабочий на заботливый. А мы уже в курсе, что роботу можно доверить почти любую задачу. Кроме зачатия детей и участия в службах нашим богам.

Можно ли работа обидеть? Возможно, уже существуют модели с тонкой организацией, максимально приближенные к нуждам быта. Пусть ко мне лучше не подходят. Расплатится, а мне потом вину носить... перед заводом-изготовителем.

Размышляя, я совсем близко подобрался к месту сбора воинов, отказывающихся покидать борт. В шести шагах, — примерно так высчитал позицию, которая должна

сообщить о наличии вопроса, — я замер и стал прислушиваться к разговору. Речь шла об офицерах, к кому прочно приклеилось слово «изверг». Рыжий отдувался за всю дюжину:

— Представь, нас искусственно оставили без дела. Какие-то пришлые, картавые ребята, в чёрных шляпах, с косичками, брались наладить новое производство, а вышло — убили прежнее. Семьи-то кормить надо, и тут же появляются глашатаи — поступайте на военную службу, полное обеспечение и денежное довольствие, будете семьям отсылать. И куда деваться, пошли.

— По факту — не по своей воле. Вам создали условия. — Уж если брался за что Балуха то докапывался до корней.

— Именно так. Но что нас поджидало в учебных лагерях? Обрили с первой минуты, лишили личной силы. Первое время я сильно переживал, что меня даже не спросили. А дальше — вы хоть имеете представление, в каких условиях выживают наёмники?

— Кое-что приходилось слышать. Но охотно выслушаю, как говорят, из первых уст.

— Тут было бы к месту сообщить подробность. Имел я несчастье заключить сделку с одним из картавых. Это не поддаётся осмыслению: своими глазами и умом понимаю, дело выгодное. Как только вынес на базар изделия, и там их тысячи, если не больше. Другой картавый подходит, готов скупить по цене, в два раза дешевле, чем я поставил: или ты ничего не продашь. А материалы поставил третий картавый. — Рыжий слушателей оглядел. — Кто с таким бандитизмом сталкивался, тот поймёт. И уже на борту корабля, общаясь с людьми с других планет, я пришёл к выводу, что это мировое зло, которое проникло во все сферы, куда ни загляни.

— Но в армии их, вроде, не жалуют? — Балуха опирался на свои источники.

— Вот это и удивило. Позже стало понятным, почему. Рисковать своей головой они не собираются, а нас подставить — купят за сотню монет и продадут за триста. Так что, у командования свои мерки для зачисления в наёмники.

Имя рыжего — Раффин, тоже происхождение непонятное, но рассказчик из него достойный. А пошли описания будней — впору за голову хвататься. В офицерах — сплошь какие-то мутанты, инородцы, как минимум, и где таких только находят? И именно разность в происхождении поставлена во главу угла для издевательств. Унижать при всех, наказывать, донимать — хлебом не корми. Повесился на ремнях один солдат — офицеры следующую жертву присматривают...

— И как нам выживать в таких условиях, скажи? Только объединяться. Собрали группу, подловили удобный момент и повесили самого злостного. Подбросили записку, как его рукой написанную: «Надоело жить так, уйду, другого способа не вижу». Что тут началось, они озверели до крайности, сразу добились разрешения иметь при себе оружие постоянно. Мы второго повесили, и ситуация мигом изменилась. Допросы, посулы — ты же знаешь или догадываешься, подскажи, кто, и мы наградим, в отпуск отправим... А когда всех пропустили через такое сито, кто-то высказал догадку, и одного из группы повесили, при полном построении. Доказательств всё равно не нашли, но решили запугать. Ужесточили контроль за каждым, объявили военное положение и отправили на фронт. Как такого, нет фронта, обе армии давно разошлись и соблюдают паритет. А вот заказы на разорение планет изредка поступают; современная армия для исполнения заказов пока только и годится.

— Считаешь, снова черношляпники? — Балуха чертил что-то в блокноте, следом вносил поправки в планшет.

— Полная уверенность. Мы долгое время занимались сбором информации. Заказчики

— именно они, но за их спинами стоит некто, кого обычным способом не вычислить. Мощная защита от проникновения стоит, дублированная многократно. Если кому-то удавалось, он пытался дать пищу и работу журналистам. А там — на кого нарвёшься. Честный человек начинает бить тревогу, да хозяева издательств тут же уничтожают экземпляры и весь тираж, терпя убытки. Только они не сравнимы с последствиями, какие могли бы призвать народы ко всеобщему восстанию. — Раффин промочил горло, отхлебнул их фляги.

— Говоришь, явное «мировое зло» — черношляпники, их же и подставят, прижмут к стенке обстоятельства. А главный зачинщик снова уйдёт от ответа. Но ваших офицеров никак к злу не пришьёшь. Они дежурные винтики этой системы.

— Корпус держится на винтах, вот их и нужно удалять. А наши офицеры, в большинстве своём, заслужили смерть.

— В большинстве, ты сказал. Как же мы отделим одних от других?

— Для того и опросим стрелков. Им лгать не к чему. Ржавые винтики уничтожим, надёжные сохраним...

— Всё-таки, смерть гадам, другого способа не поищем? — подал голос командир. Я и не заметил, как он подошёл. Внимательно изучил лица заговорщиков. — Пока не убивал — не ведаешь, чем этот хлебушек намазан.

— Разве враг не заслуживает смерти?

— То — явный враг. Скажем, он направил оружие на тебя, с предохранителя снял. Действуй! Ты в ответе за собственную жизнь, и цена вопроса иная совершенно. А эти, — командир указал кивком за спину, — скорей даны для укрепления смыслов и понятий. Ты сам бывал таким, ответка наверстала. В шкуре отдающего приказы, палку перегибал не раз. Вселенная запомнила — и ныне наградила тем же. И, скорей всего, среди офицеров этих, есть те, кому ты крепко задолжал.

— Так что, наградить теперь их, что ли?

— Уймись. Это я говорю тебе, Уймистер. Совпадения смыслов не находишь? С первого раза может не дойти, согласен. Вот с врагами нынешними как быть? Просто отпустить. Судьба сама распорядится, сделает ли он ещё десяток шагов и уцелеет, или одного не успеет сделать. А хорошенько разобраться — так и не враги. Серые твари, подобные на рептилий и летучих гадов — стопроцентные враги, им один наш вид неприятен, как и их нам. Зато они умеют претворят планы нашими руками. Даже реки полноводные перекрывать.

— Да где им такое удалось? — Раффин скорчил рожицу недоверия, — не шутишь?

— На старой Земле. Но пока не о том. Главный враг никогда не виден, он просто создаёт условия, чтобы мы убивали себе подобных.

И воин надолго замолчал. Кажется, проняли простые слова. Надеюсь, теперь пересматривал позиции. Гнев против офицеров — очень мощный стимул, чтобы оставаться в той же лодке и набирать баллы. Чем дальше плывёшь, тем труднее вернуться и выбрать другую реку.

В конце концов, Уймистер нас пригласил для беседы.

— К завтрашнему дню, пена возьмёт высокую прочность, и тогда понадобятся руки. Роботам не доверишь, самим придётся вырубать. Я уточнил: формой офицеры отличаются, это несколько облегчит задачу, да такое количество рядовых освободить — мало не покажется.

— А если сейчас приступим? — Балуха искал поддержки, кивнул мне. — Часть сегодня,

и помощников прибудет. Своих же освободить.

— Договорились!

Вооружились мы баллонами синего цвета, перешли на борт линкора. Как только я увидел, что пена по высоте заполнила главный коридор наполовину, то подивился расчётливости командира. Такую крупную цель он взял в оборот впервые, и сам доволен результатом.

— Правила просты: резаком проходим по четырём граням, освобождаем пространство для дверей. Затем внимательно открываем — не пугайтесь, если сразу встретите чьи-то глаза. И, первым делом, обратите внимание, что в вашу сторону не смотрит оружие.

По-ехали! Лада нарисовала квадрат, я прошёлся вертикально резаком. Подковырнули — есть свободное пространство. Потянул ручку на себя — не поддаётся, резаком помог.

В помещении, по пояс, «застряли» человек сорок, офицеров не видно. Минут за двадцать освободили этих, объяснили, как действовать. Воины разошлись не на шутку, поработать охота появилась не на пустом месте. Мы же с ладой, держа оружие наготове, просто отслеживали, как идёт освобождение пленных. Роботы обеспечили основным инструментом.

Нашей группе досталось восемь резаков, один из них угловой: им надо пройти до пола, обозначая границы фигуры, и уже обычными соединять разметку. Я показал, как резать, и работа закипела, парни трудились, сменяя друг друга. Набили руку — дело пошло быстрее. В следующем отсеке попался первый офицер, прежде, чем его отделить от прохода в следующую секцию, солдаты разоружили: резаком описали окружность вокруг тела, кусками выломали пены и сняли широкий ремень с карманами из кожи, пока руки были схвачены надёжно.

— Теперь полностью освободить?

Я подошёл ближе.

— Думаю, пусть побудет на постаменте. Чтобы никуда не захотелось, без разрешения.

Воинам предложение пришлось по душе. Когда я отворачивался, никто не мешал погладить зверя, своим способом.

Полтора часа позади, группа проделала очередной проход, и мы соединились с группой Уймистера. Итог — шестнадцать офицеров, по словам наёмников, их больше сотни должно быть.

— Что-то не густо, — поддержал я командира, который присел на кубик из пены.

— У них было около часа, могли продвигаться к рубке или ещё куда. Командир корабля приказал всем собраться, кто был ближе, те и дошли.

— Столько пены уничтожаем, могла бы пригодиться ещё, — заметил я.

— Я почти решил задачу, до сих пор не удавалось испытать одно решение. — Уймистер по рации вызвал робота. Тот притащил устройство на колёсах, с длинным шлангом. — Приступай, авось получится, если не напутал с цифрами.

То, что оставалось на полу после применения синих баллонов, робот собрал за считанные минуты. Если я верно понял, собранный материал пройдёт переработку и станет пригодным для повторного употребления.

— Желаю, чтобы у тебя всё получилось! — БороГора уделила слишком много внимания устройству. В её чудесной головке родилась своя идея, куда можно применить устройство.

К ужину мы так и не пересеклись с группой Балухи, увлёкся, что ли?

В шлюзе повстречали часть воинов, спросили — не встречали ли где нашего связиста.

— А вы пройдите шагов двести. Там один из ваших резакom скульптуру режет.

Уймистер запретил шляться по коридорам, ужин ждёт. Добавил:

— Не мешайте человеку, может, он нашёл призвание своё.

Полосатый доложил при входе: триста воинов благополучно перешли на борт.

— И самое главное, с продуктами намечаются проблемы. Этих ещё накормим, но завтра надо мчать на базар.

Уймистер с гордостью кивнул нам:

— Есть у меня такой вот помощник. Могу дать адрес, где таких продают.

Группа Балухи подтвердила: трудится наш командир резакom, много кубиков испортил, но когда уходили, у него что-то стало получаться.

После ужина, Уймистер сам предложил:

— Сами видите, у нас не повернуться. Так что — в шлюпку и домой.

— Балуху дождёмся, и отчалим. Утром, во сколько нам быть?

— Я обещал подарок. На борту линкора пока ничего ценного не обнаружил. Доберёмся до командования, может, что-то отниму. Им всё равно уже не пользоваться вещами, какими окружили свой быт.

— Ты же их отпустить собирался, — напомнил я.

— Утро вечера мудренее. Жену береги, всё остальное пустяки.

Роботы помогали стеречь нам выход из шлюза. И голод Балухе не брат.

Полосатый подкатил с извинениями:

— Извините, но мне кажется, вам следует поторопить вашего связиста. Нам потребуется подзарядка, да и вам пора отдыхать.

Мы будто и ждали приглашения, пошли известным маршрутом. За нами потянулись воины, человек двадцать. Они шли выручать своих, два робота тащили резаки.

Балуха сидел уставший, любовался женским лицом, которое вырезал сам. Вырезал и удивлялся, что смог такое. БороГора включилась:

— Жена или невеста?

— Пока ни то, ни другое. Люблю я её, и всё тут, если не выскочила замуж.

— Как это, «выскочила»? Выскочить может слово... вы все на непонятном языке говорите. Придумать же такое! — Я поискал поддержки, и не нашёл:

— Смирись, яр, многого ты ещё не слышал. — Лада обратила взор к скульптору. — А что ж ты красавице не сообщил, что намерения серьёзные имеешь?

— В прошлый раз заглядывал к родителям. Так её дома не оказалось.

— Так оно и к лучшему! Родителей поставил в известность.

— Как! — Балуха коснулся головы — огромный, добродушный... трусишка. — Да я ей раз дорогу перекрыл, так она развернулась в обход. И всё на этом. Я так боялся спугнуть.

БороГора шагнула к нему, прильнула, поцеловала в лоб.

— Красавицы любят решительных. Вернёмся домой, заходи в каюту, я научу кое-чему.

— Да, Балуха! Нам велели вернуться на борт. — Сказал я, а сам любовался девичьим лицом из пены.

Часть девятая

1

Балуха наотрез отказался покидать борт «охотника»: я должен присмотреть за поведением некоторых. Мы в шлюпку, на радостях, что отоспимся хорошенько, шли напрямиком и резво. Рули чутко слушались моих движений, при стыковке, в заднем отсеке

что-то громыхнуло. Закрепив шлюпку, заглянул в отсек. А там полосатый, при нём самописец и толстая тетрадь.

— Ты часом не заблудился? — Вот теперь я растерялся: случайность это или задача командира?

— Командир Уймистер обещал вам сделать подарок. Пока он не исполнил обещания, я побуду им, в качестве залога. — Робот рассуждал... ну, мне трудно с чем-то сравнивать: тот, учебный, на родине, такими возможностями не мог похвастать. С тем можно было соревноваться в умножении, извлечения корня, прочих расчётах, на скорость. Этот крепко отличался от собрата.

— Сам так решил или кто подучил? — Мне бы плюнуть, схватить ладу в охапку и мчаться в каюту. Так и тут препятствие.

— Командир Уймистер частенько забывает, и нехитро, имея столько забот. Я, как могу, восполняю пробелы, делаю закупки, про которые он не помнит, уже дважды закрывал за ним кран — не то затопим «охотника». — Полосатый сделал попытку выбраться из отсека, я перегородил путь. — Что же вы, не примете на борт? Я же вас не прогонял со своего. Дайте же и у вас побывать, мало ли, в будущем когда-то и пригодится.

— У меня красивая жена...

— Это я запомнил сразу.

— И нам нужно успеть до отбоя...

— Только не надо подробностей. Кое-что я читал, и мне эти шуры-муры совсем не интересны.

Лада терпеливо жалась ко мне, шарила в области поясницы.

— Без разрешения капитана, я не могу пригласить в гости.

— Ты бы давно мог сделать запрос. Переговорным устройством забыл, как пользоваться?

Тут он прав. Я путался в количестве нажатий единственной кнопки, чтобы войти в меню и подтвердить верность выбора. Нажимаю огрызок неизвестного слова «ок», а попадаю в соседнюю строку.

Лада выручила, развернула мой переговорник, набрала. Голос капитана узнаешь с первого «слушаю».

— Мы вернулись на борт.

— Отлично.

— С сопровождающим.

— Вместо подушки? — Капитан тоже заразился желанием вести разговор в таком ключе.

— Это робот. Изъявил желание ознакомиться с внутренним расположением корабля, и я прошу разрешения пустить его, погостить.

— Первый раз слышу, чтобы робот запрашивался в гости. Его подослали с умыслом.

— Чего ради?

— Чтобы утром вы ещё разок побывали на «охотнике». Понравились вы Уймистеру, я так вижу.

— А он сможет у нас подзарядить батареи?

Полосатый почти фыркнул. Я развернулся к нему, потребовал повторить звук.

Он заартачился:

— Это лишний расход батарей.

Капитан всё слышал, поэтому принял решение:

— Веди его напрямик ко мне. Кажется, у нас найдётся, чем порадовать друг друга.

Самое верное решение! Пока лада отправилась на разведку в каюту, я доставил гостя в рубку и, слегка волнуясь, развернулся в обратную сторону.

Из каюты выглянула подруга лады, обрадовалась мне:

— Будь здоров, БороГор, ты-то мне и нужен. Хочу помечтать на твоём капитанском стуле, так парни предупредили: сяду без спроса — током ударит.

— Что?

— Так позволишь? Часика на два, я изучаю движение светил, сейчас прохожу раздел по глыбам с постоянными орбитами, и мне просто недостаёт визуального материала. Стульчик пустует, и это так обидно!

У меня не нашлось нужных слов, рукой как-то неуверенно разрешил — ступай, мол. Ума не достало пообещать времени побольше, всё равно пустует.

Глазами проводил до поворота, не веря собственному счастью. Крепкая рука любимой увлекла в каюту, заперла дверь. И вот мы одни. Мозги выключаются сразу. Что мы делаем, как — одним богам ведомо. Но если быть кратким, то мы танцевали. Сам-то я не великий танцор, да когда рядом такой учитель, — словом, всё у нас в порядке, когда два сердца рядом и бьются в унисон.

— Яр, тебе пора.

Пришёл в себя, стал ощущения проверять. Приятная, возбуждающая усталость в членах, и добрый сон уж караулит. Переставляю ноги, точно пьяный, тут бы попасть в створ своей каюты.

Перед моим носом выпорхнула девица, Ладопер расцеловал её и отпустил. Кажется, её настоящее имя... Потом, сейчас спать!

Койки скрипнули одновременно, утром этот звук повторился. До чего же ночь коротка, я бы ещё немного прихватил.

В дверь постучались. У капитана появились вопросы? — Я подскочил, взялся за ручку.

Полосатый выглядел очень довольным. По крайней мере, индикатор заряда сиял изумрудом.

— Может, я не вовремя?

— Сейчас оденусь и выйду. — Накинул на себя часть одежд, плечи накрыл полотенцем. — Я тебя внимательно слушаю.

— Я не очень помешал? — Полосатый вежливостью мог вывести из себя кого-то, но не меня.

— Ближе к делу.

Он с механической радостью согласился:

— Я провёл незабываемую ночь с капитаном. К утру, само собой, мы уже сильно надоели друг другу и не знали, как закончить разговор.

— Очень интересно. Продолжай.

— Мне срочно нужно вернуться на родной борт.

— Как срочно?

— В районе часа или двух.

— А-а, так я мог поспать часа полтора ещё?

— Прошу прощения, но я всего лишь хотел определиться. — На неподвижном лице вдруг обозначилось подобие виноватой улыбки. Я машинально протёр глаза — вроде,

показалось. Вот и что прикажете с ним делать? У нас в гостях, капитану задурил голову, хотя он считает наоборот. Возможно, и так. Вежливый — до содрогания внутри.

— Погуляй в коридоре. Я разрешаю посидеть на моём стульчике.

— О, благодарю! Про ваш стульчик на борту ходят легенды. С вашего позволения, я буду ждать на стульчике. — Полосатый оставил про запас козырь. — А это правда, что через иллюминатор, одновременно, можно увидеть и нос, и хвост корабля?

— Такова легенда, и тебе дано право либо подтвердить её, либо опровергнуть.

— Это мы мигом! — Полосатый удалился, оставив меня в раздвоенных чувствах. Вроде, и парень стоящий, но, как собеседник — просто невыносимый.

Мельком бросил глаз на дверь знакомой каюты. Милая, ты уже проснулась?

Дверь приоткрылась, в проём выглянуло заспанное лицо её. Она кивнула, улыбнулась.

Это хорошо. Это просто здорово, что мы слышим друг друга, находясь по разные стороны коридора. Шаги Повара послышались именно в нужный момент. В двух контейнерах он нёс завтрак, и постучал в её каюту. Оттуда выглянула рука, приняла контейнер.

— А это твой. — Повар потеснил меня, прошёл к нам, уселся на край постели. — Капитан отдыхает, велел накормить и отправить на задание.

— На «охотнике» всё в порядке?

— Надеюсь, ты сумеешь навести порядок. Офицеры вроде зашевелились, кто-то сообразил, и пустили в ход ацетон. Пену разъедает медленно, она становится сверхлипучей, и отодрать от себя можно ценой подарка другому. На него накладываешь руки, если удалось разорвать массу, и вытираешь, вытираешь о подчинённого. Могу показать видео, Уймистер переслал.

— Выходит, наш знакомый не в курсе про ацетон?

— Теперь знает. Он иногда не в ту сторону соображает, так капитан заточил. — Пока я завтракал, Повар выдал новости, каких я не знал, отсутствуя на борту. Специальная комиссия прибыла к месту трагедии, какого-то крупного следователя подключили к делу. Скорей всего, наведаются и к нам. И вот как лучше сделать? Вы с двумя шлюпками должны переждать на «охотнике» или надо остаться на «Б-2403»?

ЛадоПер подал голос с кровати:

— Когда возникают такие развилки, надо действовать не стандартно.

— Так выдай идею.

— Вы должны быть одновременно и там, и здесь.

— Отлично! — Повар поднял глаза на меня. — Как тебе идея?

— Лучше не придумать, другое дело — как осуществить?

Когда с самого утра в дверь стучат и стучат, ты забываешь, что находишься на корабле. Идут все, кому не лень, по делу и без.

Я открыл. Лада выглядела лучше прежней, лицо сияло так, что обитатели каюты прикрыли очи ладонями. Из-под своих, Повар пустил гулять вопрос вслух: «Что это было? Ущипните меня, я ещё жив?»

Начинается день, подумалось мне. БороГора принесла тонкие тетрадки, принесла неспроста.

— На Тоболе нас учили копировать предметы. Смотрите, как удобно: была одна тетрадь, как оригинал для копирования, я создала вторую. Смотрите, ведь ничем не отличаются!

Я подумал: пусть жена умеет, нам на двоих хватит. Но что за этим умением стоит? Вдруг дошло:

— Не надо меня копировать! Я не предмет!

Повар тотчас подхватил:

— На старой Земле говорят — «предмет любви», в адрес любимого человека. Так что, если нужно для дела, то можно.

— Я против!

Лада перешла на сторону пищеблока.

— Хочешь поставить под угрозу экипаж и корабль? Это же не навсегда: проверка уберётся, и снова мы останемся вдвоём.

— А двойника?

— Сотру в порошок.

Лёгкая испарина выступила на лбу.

— А как ты отличишь, где я и где двойник?

— Вы же одинаковы, оставлю того, кто будет ближе. — Лада чуть прикусила губу, стрельнула глазами на кормильца и моего друга. Те поддержали:

— А какая разница? — Повар сослался на горячий пример: — Сам смотри, две тетрадки ничем не отличаются!

— БороГор, ну, что ты, в самом деле? — ЛадоПер даже спустил ноги на пол. — Мне же всё равно с тобой дружить, кто останется, с тем и продолжу.

Они меня не хотели понимать! Я бросился на коридор, устремился на свой стульчик. Там обычно легче думается и дышится. Полосатого на месте не оказалось. Видимо, отправился будить капитана возникшим вопросом.

Они сговорились, и главное — когда успели?!

Поостыв, я понял: надо отправляться к Уймистеру. Он человек занятой, некогда ерундой заниматься. Надо забрать ладу, полосатого — и туда. И чем скорее, тем лучше.

С самым грозным видом, я вернулся, коснулся руки лады.

— Собирайся! Я за роботом. — Сразу пресёк все разговоры и уговоры — мол, оставайся, побудь ещё. У нас там вражеская армия ацетон употребила, надеется вернуть былую боеспособность! Хрен вам свежий, ядрёный! Вы у меня попляшете сего дня!

Робот висел на подзарядке, присосался к новой розетке. В рубке её прежде я не замечал.

— За мной!

— Мне бы часик, до полной подзарядки, — почти взмолился он.

— Ты слишком много тратишься на разговоры. Язык придержи за зубами.

Он даже не размышлял:

— Ни я зыка, ни зубов не имею, это к сведению.

— Хорошо! Там зарядишься.

— Там работать надо.

— Отставить разговоры! Ещё одно слово, и я потребую у Уймистера наказать тебя.

Примерно.

Примерно через восемь минут мы стыковались с «охотником». Красоты открытого космоса что-то не радовали сего дня, я просто огляделся — на предмет близости бортов комиссии.

Лада послушно помалкивала, бросая косые взгляды.

— Что молчим?

— Ты не с той ноги встал.

— Перводница, с левой.

— На старой Земле сказали бы — понедельник.

Из заднего отсека послышался стук. Выпускайте, гады, мол, нечем дышать.

На площадке для ареста всё без изменений, почти. Уймистер восседал за складным столиком, колдовал с составами. Баночки, колбочки, индикаторы и опытные образцы. У нас на глазах, пена то сдувалась, то расплзалась по площадке. Трудно пропорции подобрать, такова доля многих изобретателей.

Я заметил, вокруг его левой ноги, аккуратная такая, образовалась тонкая труба из пены. Видимо, пролил состав, и он мигом схватился. Некогда собой заниматься.

— О, я вас ждал! — командир отложил пинцет, сдул с чаши весов остатки эксперимента. Зато в контейнере ждала часа продукция нечеловеческих усилий. Шарики имели вид лояльный, никаких подозрений.

— Что с офицерами, командир?

— Восстание подняли. Про ацетон ты уже знаешь. — Уймистер извлёк из кармана пульт, сказал «держитесь» и отправил команду. Корабль трянуло основательно. — Они хорошо прилипают к перегородкам, когда неожиданно встряхнуть.

— Оружие у них есть?

— Не у всех. Бывшие подчинённые предпринимают усилия, караулят удобный случай. — Он кивнул в сторону шлюза. — Все там, при деле.

— Мы чем можем помочь?

— Просто побудьте рядом, мне веселее.

— Ты робота нам подкинул, чтобы самому отдохнуть?

— Какой тут отдых? Ты о чём, БороГор?.. — И снова свои жадные глаза запустил на очертания моей лады. — Рад видеть тебя, БороГора, снова. Вот честно признаюсь: хочу именно такую женщину. У тебя есть сестра?

— Там прибыла комиссия для расследования гибели «Карателя». Какого-то крупного специалиста привезли, и лишний раз светиться...

— Я в курсе. Сейчас с этой бандой разберёмся, займёмся специалистом.

— Ты хотел генераторов добавить, — напомнил я.

— Так уже всё на месте. Приятель один уступил, по хорошей цене.

— Что же не предупредил? Мы шли от корабля, могли бы оценить итог установки.

— Они не задействованы пока. Всё рук не хватает, а ещё восстание.

БороГора уточнила:

— Восставшие могут поддерживать связь со своими?

— Пусть попробуют. Посадят батареи — я заряжать не стану. Все сети под контролем, я им оставил только освещение.

— Чего ради?

Уймистер глянул на неё влюблёнными глазами:

— Действительно! Какая же ты умница! Они же в темноте скорей прилипнут к переборкам! Эй, помощник!

На его зов явился полосатый, получил приказ и исчез в горловине перехода.

Вспомнив что-то, командир спросил:

— Хочется думать, он вам не сильно докучал?

— Как-то не заметили, — я поддержал разговор, и поймал настроение. — Всю ночь

просидел у иллюминатора и считал пролетающие глыбы.

— Странно, — Уймистер снова склонился над пробирками, — что-то пошло не так. Вот, тоже придётся посмотреть. Там регулировка не сложная, и школьник справится.

— Скажешь, что надо, и я займусь, как вернётся. — Сам сказал — дал косяка на любимую. Мужчина в доме должен уметь всё. Когда будем строить дом, я сделаю раздвижную крышу. Идёт дождь — раз! И влажная уборка. Излишки убрали, и воздух влажный. И краны не нужны. Боюсь я их чуток. Открыл однажды — а он реветь пошёл, как бешеный!

Новый эксперимент с пеной снова не получился. Шарик взрывался самопроизвольно, и причины мы не понимали.

— Кажется, при комнатной температуре, имеем такие отклонения. — Втроём, мы залегли за вертикальной панелью, приглашаемой на эксперименты. Выждали, пока вся партия не самоликвидируется, выглянули. Уймистер взял в руки баллон с надписью «холодильник», издали направил струю в центр скопления неразорвавшихся шариков.

Полосатый уже был на месте, караулил очередную задачу.

— Эти припасы надо доставить к офицерам. Сумеешь пробраться в тыл?

— Прошу прощения, но я давно собирался предложить этот вариант. То есть, пропорцию дизметпрокситалуолметара с добавкой (названия такие, что я уши закрыл, потому и не сообщаю подробностей)... — И полосатый, несколько не смутившись, признал: — Просто не хотел отнимать пальму первенства. Хоть мы и коллеги, но я ни на что не претендую. Обслуживание и запитка батареей — что ещё нужно простому помощнику?

Собирали мы полосатого в дорогу — как родственника, полный рюкзак шариков, с местным охладителем. План маршрута он предложил сам, показал командиру на виртуальной карте, на личном планшете. И хотел я тоже глазком лизнуть, да Уймистер, вроде шутя, боднул бедром: «Это секретно, тебе нельзя видеть до окончания операции».

— По-твоему, я отправлюсь следом и предупрежу офицеров?

— Давай я тебе дам раскладку. Позавтракал, настроение приподнятое — вот и хочется где-нибудь приложить силёнку. Я же не против, но план «охотника» у тебя в голове ещё не зафиксирован, а тут, под боком, вражеский линкор. Выкрадут — и выставят условия, в обмен на твою голову.

— Да я не полезу туда!

— Ночь прошла — и всё забылось? На твоих ладонях потёртости от резака. Или они от обнимашек с красавицей-женой?

— «Обни... обнимаш...» А можно нашими словами пользоваться? Как все сговорились.

— Тут ты угадал. Мы все против тебя замыслили полноценный заговор. Извести со свету и сделать предложение вдове...

Я проглотил язык. Хотя понимал, изобретателей частенько заносит.

Поднял на него глаза.

— Извини, сболтнул лишнего. Ну, не каждый раз импровизации удаются.

2

Про себя я давно не обижался на шутников, делал вид обиженного, чтобы больше позлить. Нравились дружеские шуточки, и включал простака. Глумитесь! Они и БороГору уже задействовали трижды. Выдумает какую-нибудь головоломку — тут же подхватят.

Но про себя-то давно понимаю: скоро у них порох закончится, и что потом? Забудут, как доносить, делом займутся, я исчезну из поля видимости: есть предчувствие, что

дорожки наши могут в скором времени разбежаться. Закину за плечи какое орудие и скажу на прощанье: с вами было хорошо, извините, если что не так... и уйдём с БороГорой, на свои хлеба. Если к тому времени не доверят корабль с экипажем и не отправят куда, поближе к старой Земле.

— Ну-с, что тут у нас? — я подсел к столику, на один из приготовленных стульчиков.

Уймистер колдовал над новым рецептом шариков, с такой головой надо в правительствах сидеть.

Он почувствовал моё нетерпение, отложил инструменты.

— Говори.

— У себя в голове не нахожу ответа...

— Бывает...

Мне бы остановиться, отложить разговор, да вопрос не терпел.

— Как так вышло, что мы погнались за «Карателем», а потом, вдруг, снова оказались рядом с «Б-2403»? Вполне допускаю, когда мы с гор мчали на колёсах. Долго поднимались на гору, чтобы оказаться внизу, за считанные минуты.

Командир взял в руки пульт. На мониторе побежали картинки — я не успевал разглядеть, но ему это не мешало.

— Вот ответ. — И снова на мониторе то самое окно, в углу общего полотна. Момент стыковки с кораблём противника, когда роботы занялись распределением пены по поверхности. В окне появилось малое окно — отслеживание выхлопа. — Мы не сразу заглушили его двигатели, десяти минут хватило, чтобы вернуться на пост. На двойной тяге.

— Тогда не понимаю смысла. Оттащи корабль куда подальше — и разбирай.

Уймистер покачал головой.

— У поста, наоборот, безопасней. Кто в здравом уме полезет в глухие края, где лишних глаз может быть стократ больше? Там ещё опасней, по причине шастающего сброда. Банды, кому нет указа. Года три назад, какой-то сорванец безголовый, взял и подстрелил военное судно. Возможностей у экипажа ответить было не густо, сухогруз с устаревшим оборудованием. Но на ту беду, в скоплении глыб, сидела крупная группировка. Сказали себе: что пропадать добру, и дружно накинулись. Когда поняли, что военный, а обратно не вернёшь, раздели экипаж, троих офицеров уложили, остальные сдались. И скинули живую силу подальше от точки захвата, а судно разобрали на запчасти. Каждый свою долю выставил на нелегальном базаре.

— И им дали уйти безнаказанно?

Уймистер, не отрываясь от эксперимента, продолжал разговор:

— На сей раз военные не оплошали, наняли специалиста, тот вычислил всю банду. Им пришлось заново выкупать те же детали и узлы, собрать и вернуть ведомству. А после — сесть за решётку. В укрытие! — Уймистер имел нюх на приключения, меня дёрнул за руку, чтобы не ошибся с направлением. БороГора уже там, за панелью, попросила в нашем присутствии эксперименты не проводить.

Лежим на полу, ждём чего-то. Уймистер перевернулся на спину и стал проверять формулу, взглядом рисуя на потолке вереницы букв и цифр.

— Что-то не так? — я привстал на локоть, выглянул с опаской. Над столиком играло сияние, как кто лампы разноцветные включал и выключал.

— Я проверяю, погоди. — Он шевелил губами, рисовал на потолке, сбивался, и тогда рывком головы удалял запись, начинал заново. БороГора, находясь между нами, уловила моё

любопытство.

— Что там?

— Радуга. Живая радуга, без дождя.

До командира дошёл смысл моих слов, сам выглянул, тотчас вскочил на ноги и покинул укрытие.

— Надо же! Двадцать лет, даже больше, пытался повторить тот эксперимент! — в его голосе угадывались праздничные нотки. Мы тотчас последовали за ним.

Вместо шариков, на столе клубилась пузырящаяся масса, она-то и испускала цвета, булькала, росла и опадала, и удивительным образом удерживалась, не брызнула со стола, хотя должна была десять раз залить всё вокруг.

Нам нужны объяснения, без приглашения дать их.

— Мама моя! Уж не ты ли помогаешь?

Нам стало ещё интересней. Этот брак в эксперименте, если и хорош для созерцания в спокойной обстановке, то пришёлся не ко времени.

— Всё-таки, что это, как называется эта красота? — БороГора с трудом сдерживалась, чтобы не запустить руку в полученное вещество. Уймистер опередил её и сам погрузил обе руки в клокочущую пену, от удовольствия зажмурил глаза.

Мы последовали примеру. И вот что я должен сказать: ощущения — уникальные. Когда гладят по руке с нежностью, мы легко запоминаем эффект. Здесь же меня гладили изнутри, можно сказать, всю поверхность тела, но с обратной стороны. Ну-у, с чем ещё сравнить? Будто резиновые шарики прыгали по сосудам и мышцам, простукивали позвоночник, в голове создали вибрации... Что-то чужое выскочило наружу, через глаза и уши.

Я прозрел. Одним махом я разглядел многослойную защиту стен «охотника», сам каркас.

А потом я вскрикнул, увидев совсем невероятное. Лада схватила меня за руку:

— Говори, что увидел?

— Наш Уймистер завтра будет лежать в постели, с высокой температурой. Сильная простуда. Поэтому, если я правильно понимаю, с офицерами надо закончить сегодня.

Командир вытаращил глаза, точно охватил предстоящие события целиком и точно узнал, как следует поступить.

— Я всё понял! Мы берём... — И он взял то, что хотел. Эту булькающую массу наложил себе на грудь, придерживал одной рукой, второй добавлял и добавлял, до самого подбородка. И эта шевелящаяся, лучистая масса не думала убегать под ноги, домашним животным пригрелась на его груди.

— За мной! — Перед входом в тоннель, командир как споткнулся: — Очки! Двенадцать пар, для воинов!

Полосатый метнулся к стеллажам, вскрыл упаковку и бросился следом.

— А нам можно за ним? — БороГора крепко сжала мою ладонь, словно хотела услышать — можно. Мы одновременно сделали первый шаг.

Именно теперь, после прозрения, я видел то, чего не должен видеть. Всё, что нас окружало, предназначено для других глаз. Тем не менее, старое зрение напоминало о себе, и мы прекрасно ориентировались на борту противника.

В главном коридоре скрипели зубами офицеры, не имея возможности покинуть постаменты.

— Эй! Уж лучше бы прикончили сразу, — крикнул один, заметив нас.

Проходя мимо, я сказал: «Такого приказа не поступало. Терпи!»

Из освобождённых отсеков доносились голоса. Рядовой состав быстро осваивался с новым положением, когда ни одна мразь уже не смеет отдавать приказы. Зато для нас они хотели сделать всё, что в их силах:

— Туда, и направо, по боковой лестнице вверх. Мы там дежурных поставили, они подскажут.

— А домой не терпится попасть?

— Сначала посчитаемся! За все издевательства, хоть разок!

Дежурные направили дальше, наконец, мы вошли в помещение попросторнее. Здесь больше двухсот кресел, перед сценой, разделённой огромным занавесом. На нём изображение самого «Карателя», давшего залп из всех орудий. Если это фотография, сделанная мастером, то другой мастер сумел воспроизвести её на полотне, в подробностях мельчайших. Будь времени побольше, я бы задержался подольше.

— Ну, где вы ходите? — голос полосатого уже не вызывал отторжения, он выглянул из-за занавеса, раздвинув его посередине.

Поднялись на сцену, поспешили за ним. Узкий проход привёл в зал поменьше. Воины в очках с тёмными стёклами, Уймистер со своим неугомонным зверем на груди. И дверь в могучих заклёпках, за которой прячется «самое дорогое», что найдётся у каждого.

— Открывай!

Воины распахнули последнюю преграду, Уймистер, не раздумывая, вошёл.

Я напряг слух, даже не успел подумать о том, что загнанные в угол звери вооружены.

Лада дёрнула слегка, с подтекстом «очнись», потащила следом.

Лишённые освещения, загнанные в угол получили свет другой. На первых порах, я частенько оглядывался по сторонам, ожидая подвоха. Но нет, эта публика походила на детей, замороженных игрой радуг и волнений, они тянули руки и, казалось, позабыли обо всём на свете, только не отнимайте забаву. А за нашими спинами трудились люди в очках, одевали наручники и выводили в заранее оговорённое место. Видимо, в тот, большой зал.

Световое представление мне показалось не настоящим, поведение офицеров никак не укладывалось в голове. Вы же должны защищаться, жизнью не щадя! И что мы видим?

Как слепых, их брали под руки и уводили, никто слова поперёк не произнёс.

Я легонько сжал руку лады.

— Так это зверь или космический эффект?

— Как сидит на груди, видел? Думаю, так только звери ведут себя.

— Откуда света столько? Это сколько же сил тратится на излучение.

— Хорошо питается, хорошее содержание. Хорошее настроение.

— Вот теперь я спокоен, всё объяснила.

— А домой такого хочешь?

— Дома надо отсыпаться, этот зверь не даст.

Вот никому не жалею, просто расстроился чуток. Я же был уверен, что предстоит рукопашная, пятерым наверняка скулы посворачиваю, пока отец не узнает. А вышло — мир и дружба. Я к такому не готов. Враг же, доказывать другого не нужно, так дайте душу отвести, всё какая-никакая тренировка... Да-да, иногда одолевают и такие мечты.

— Возьми себя в руки! — БороГора очень настойчиво сжала мою ладонь, ещё и коленкой ударить пригрозила. Нынче, стало быть, не повезло.

Полосатый равнодушно вёл счёт получившим световую процедуру. Я его не узнавал: где

вежливость твоя, или понятия друг и враг ты не разделяешь? Те и те теплокровные, о двух ногах, только формой отличаются. Думаешь, зачем воевать, места хватит всем? Странные вы, роботы, устройство непонятное, да и самих не понять: какие планы в отношении нас строите? Нам в них какое место отводите?

— Да что с тобой? — Лада рывком развернула к себе лицом, вгляделась.

— Шарик красные и синие, мы с вами заодно. Где только повстречаю...

Со всего размаху её ладошка вlepила оплеуху. В голове вроде как прояснилось.

— Полегчало? — Внимательные глаза искали правды.

Взбодрился я, встряхнул кудрями.

— Теперь точно. Побочные эффекты от светозверька, и голову кружит малость.

Другими глазами проводил полосатого. Он замыкал колонну присмиривших офицеров, кому ничего другого не надо, кроме как любоваться световыми фантазиями без помех. И нет перед глазами оригинала, а они идут за видением, готовые двигаться, пока достанет сил.

Лада уловила связь между тем, что со мной происходило, и этими счастливыми.

— Теперь до меня дошло! До чего же ты незащитный!

— Спаси меня! — Я чуточку присел и подставил губы. Получив своё, про себя ухмыльнулся. — Ещё, ещё!!!

Она поверила. Надо взять на вооружение метод. Почаще прикидываться и даром получать поцелуи. Они же исцеляют, можете поверить на слово.

Весь состав занял половину зала, Уймистера я нашёл в расстроенных чувствах.

— Тебе чего? — Он глянул на меня чужими глазами. Видать, тоже приложило. Но дюжина выглядела убедительно, никто не пострадал. Мы отошли в сторону, наблюдателями.

— Уймистер тоже пострадал. На себе держал, огромную дозу получил. Эх, изобретатели! Потому вы и одиноки, и излечить вас некому. — Лада меня не понимала, продолжала опекать, как выздоравливающего.

— А работа этого попросить? Пусть попробует поцеловать!

— Я так счастлив! И знаешь, почему? Ты глубоко чувствуешь, сопереживаешь. Но поцелуй робота нельзя сравнить с твоим.

— Хочешь, чтобы я поцеловала?

— Конечно.

БероГора подозрительно прищурила глаз, закусил губу.

— Смотри же, я пошла к командиру!

— Да не его! Меня долечи. Что ж ты дело бросаешь на полдороге?

— Ах, проказник! — Вернулась в два шага и её крепкие пальцы впились в мякиш, на котором обычно сидят. — Ты всё это время прикидывался пострадавшим?

— Как я могу?... Вот, опять шарик: синие и красные... К нам через шлюз идут враги, много их, надо срочно шлюз откинуть, вместе с ними...

Наш поцелуй продлился до начала речи. Уймистер коснулся микрофона, акустика послала нам усиленный динамиками шорох.

— Всего каких-то два часа назад я знал, чего хочу. Сейчас уже не уверен. Ваши руки по локоть в крови, и я не собирался никого жалеть. Достойны смерти. Вот так бы и вывел по одному, через шлюз — шагайте, куда хотите. — Он в паузе ещё разок всмотрелся в лица сидящих. Кивают, улыбаются и слушают только его. Они и про обед, поди, не вспомнят.

Меня точно током шарахнуло:

— Они — как дети малые!

— О чём ты говоришь?

— Присмотрись внимательней.

— Я никого не собираюсь разглядывать, мне довольно тебя.

— Ты потом себе не простишь. Присмотрись, говорю!

Стоило ей исполнить просьбу, как она переменялась в лице. О, боги! — сорвалось с её уст, и она, влекомая неясным желанием, вдруг пошла по рядам. Шла и оглядывалась, чтобы запомнить или сравнить с первым впечатлением... Кого-то она пропускала, касалась лица другого, третьего просто гладила по голове и торопилась дальше. Ей нужно успеть сделать что-то, быть может, именно в эти минуты её наградили правом провести обряд над новыми обитателями вселенной... Ой, что я говорю? Какие они новые?

Всё-таки, новые, — что-то подсказывало мне, именно теперь я правильно расшифровал потоки Силы, которая ходила ходуном под потолком. Неужто где-то решили простить им пролитую кровь и пустили вплавь, по свежему ручью, корабликами малыши?

Вроде, верно. И БороГора благословляла их в новый Путь, лишая памяти о прошлом. Хотя внутри и рос протест, его удалось укротить. А как развеялись сомненья, и я пустился следом. Ступаю по рядам, наблюдаю лица — но врагов не вижу. И это волшебство! Второй раз за истекшие лета я участвую в обряде перевоплощений. Мужская Сила должна пройти по стопам Той, которая залечила раны, нанесённые гневом и обманом. Новая скатерть постелена на новый стол. Я же двигался непроизвольно, руками поводил — как стулья вокруг стола огромного расставлял.

Уже и не скажу, чем завершилось. Ах, да, все кресла обошёл, на выходе дожидалась БороГора. Она уже пришла в себя, и лёгким поцелуем меня вернула в строй.

Оглянулись на пройденные расстояния. Бывшие войны теперь казались деревьями вдоль пути, который мы преодолели оба.

3

Вернулись на борт «охотника» — войны как-то по-особому нас встречали. Как мы не мира сего. Стало быть, они заметили что-то такое, что укрылось от наших глаз. Уймистер был попроще, приблизился и пожал обоим руки. Без единого слова. Он тоже видел, поэтому робко и изредка поднимал глаза, и тотчас отводил. Мне кажется, сейчас он открытее открытой книги. И я попробую объяснить. В своей сфере, ему почти нет равных, спокойно может в ней совершенствоваться без конца, но именно встреча с нами, именно в такой денёк, ему как бы подсказали, что мастеров везде полно, в своих направлениях им равных тоже поискать, но сферы есть такие, где его формулы мертвы. Ты свято верил в них, в то, что применимы повсеместно. Теперь обнаружил сам, что иногда включаются неизвестные законы...

Полное молчание на борту располагало к отдыху. Войны забились в угол и размышляли, видимо, над увиденным; полосатый не мелькал. Я даже вздремнул немного, и вроде подкопил силёнок. Открыл глаза — и новая задача поднялась, да в полный рост.

Куда теперь детей этих?

— Балуха где, командир?

— Вернулся домой. Вашему капитану скучно без него.

— И обстановка какова?

— Всем можно отдохнуть. — Уймистер озадачил выражением на лице. — Через час придёт транспорт, заберёт «детей».

БороГора выдохнула с облегчением:

— Оперативно!

— Балуха постарался.

И я, не привлекая внимания, осторожно выдохнул.

— С вашей компанией приятно сотрудничать.

Уймистер вскинул брови:

— Так говорят на старой Земле. Ты у кого набрался?

«Б-2403» принял нас, как обычно. Повар накормил, капитан попросил вечером уделить часок — а сейчас отдыхать. И только дома я осознал, какая ответственность на всех нас лежала. А ведь могли поступить иначе, и на какие муки могли бы приговорить себя.

Меня не совсем устраивало такое положение. Друг друга убивать — за чьи-то интересы. Кто-то же стоит за сраиванием, стоит всегда, пока мы вроде и не против убивать. Вроде есть такая необходимость и возможность. Выставь свободную ладонь — в неё кто-то обязательно вложит оружие... То-то обитателям той великой планеты, куда попали через Колодец, известно всё, что происходит у нас: «Всё воюете?»

Но, сквозь расстояния и помехи, проглядываются другие глаза, совсем не человеческие, и слышен шёпот: «Что, решимости не хватило? Враги твои, и ты сдал назад, слабак!»

В каюте пахло женщиной. Ладопер сыто посапывал, у лица танцевали двое — Он и Она, да так ладно, что глаз не отвести. С трудом оторвался. Зачем мне знать чужие сны, как и чужие тайны? Мы с Борогорой имеем достаточно своих. В копилке Рода пусть хранятся, оттуда будут черпать славные потомки, достойно перенимать наш лучший опыт.

От подушки тот же запах. Кажется, для серьёзного разговора появилась тема. Что ж он её не остановил?

В сон провалился, как в Колодец. Толчок — пора к капитану. Сам себя настроил, и проснулся, как силой новою налил. В коридоре ночевал один землянин, остальных на родину отправили, с попутным ветром.

Я присмотрелся. Он сам настоял, чтобы оставили на борту. Его понять не сложно, да и к великой радости Желотрона. Он получил книгу — точные данные, как на старой Земле к власти пришли чужаки, и землянин ему должен пригодиться, чтобы понять, насколько искажены данные у современников.

Желотрон и вышел мне навстречу.

— Поздравляю! Здорово вы разобрались с линкором!

— И я тебя поздравляю. Мечтал ли ты, чтобы так совпало: два разных источника в твоих руках.

— Вот ты лучше других понимаешь, брат. А то наши задают вопрос — для чего. Боги распорядились так, и лучшего варианта не придумать. Пока я разбираюсь, что к чему, но уже выяснил: землянам урезали видение на три четверти. Потому они и не понимают, кто создаёт условия, годные разве для животных.

— Борогор! — Капитан выглянул из рубки, пригласил кивком к себе.

— Ты сообщил землянину его настоящее имя? — Я понимал, нашему историку не терпится обсудить следующий поворот в жизни угодивших в рабство русов, поэтому решил не развивать беседу.

— Пока не до того, шокировать не охота. Он отзывается на имя Григорий, пусть пока так и будет.

— Я пойду? — Раз капитан позвал, куда деваться. Да и Желотрон улучил минуту, хочет использовать по максимуму. Григорий свои озвучивает версии, его опекун доискивается до

источников, откуда искажения начались.

В рубке всё по-прежнему, не считая новых пилотов. Получается, все прошли обучение и сдали экзамены. Теперь нарисуют графики, и пилоты будут набираться опыта, дважды в месяц. «Б-2403» отныне рабочая лошадка, любой из наших запряжёт и покатит.

БероГор обнял с порога, пригласил присесть. Растрогался я, что и говорить. Своих вопросов накопилось, у капитана, думаю, не меньше.

— Начну по порядку. С того момента, как вы с «Карателем» разобрались, одна проблема докучала: как запись контакта удалить? Первая же проверка выявит, что мы удаляли материал. Начнут копать — у меня не останется свободного времени. И вот, случилось! — Капитан сиял. — Уймистер сам вышел на связь. Так и сказал: мне кажется, у тебя как бы неразрешимая задача образовалась. Дал понять нашим кодом, про правильное удаление. И, пока ты отдыхал, он побывал в гостях.

— Оставил «охотника»?

— Риск понятен, зато результат! — БероГор широким жестом предложил игру: — Ты как проверяющий, потребуй предъявить записи того самого дня, когда «Б-2403» стал свидетелем гибели линкора.

Я нахмурил брови, поднялся на ноги:

— А ну-ка, капитан, позвольте доступ к базе данных по катастрофе линкора!

Он изобразил испуг и на цыпочках проследовал к блоку информации. Подал на монитор тот самый день, с полудня. Мы очень строго и внимательно стали отсматривать материал, взятый за минуту до столкновения и до прибытия похоронной команды.

Мне-то известно, с какой стороны подошёл «охотник», поэтому взгляд сосредоточил на конкретном участке. Вот прыжок линкора, вот взрыв, и ничего лишнего.

— Как так? Здесь не хватает ещё одного объекта! — я старался сыграть чужую роль.

Капитан опустил руки.

— Это не честно. Ты пользуешься известными тебе данными. Проверяющий их не имеет.

— Хорошо, я постараюсь. — Сдвинув брови из последних сил, ещё раз отсмотрел короткий, трёхминутный эпизод. Пришлось озвучить нужный вариант: — Что ж, капитан, мы убедились: ваши данные целиком совпадают с выводами комиссии. Непонятный рывок систем линкора экипажу стоил жизни. На ваш взгляд, что могло послужить причиной для резкого маневра?

Мысленно, я натянул на себя форму генерала.

— Человеческий фактор. Командир корабля разошёлся во мнениях с дежурным пилотом. На ровном месте конфликт, кто-то из них ударил по кнопке экстренного ухода с фиксированной точки координат. И другого объяснения сложно подобрать.

Капитан протянул руку, я ответил крепким рукопожатием, но не преминул посетовать:

— А ты не смог удержаться в своей роли.

— Почему?

— Разве ты когда-нибудь обменивался рукопожатием с проверяющими? И теперь я, генерал, вновь начинаю сомневаться в выводах комиссии: с чего это капитан «Б-2403» полез с руками, куда это он так торопится?

Кончиками пальцев, БероГор похлопал себя по лбу.

— Ну, и дурак! За тобой слежу, а сам... Но репетировать не будем, а зарублю на носу. Теперь дальше, — и снова жестом пригласил посидеть, продолжая разговор. — Уймистеру

авансом боги сделали подарок — помогли создать светящееся существо. Ещё бы название ему подобрать.

— Пузырёша!

Капитан споткнулся, оценил мою озвучку.

— Ты уже предлагал вариант?

— Только что возник образ. — И я увидел! Весь эпизод про то, как Уймистер погостил на борту. За несколько мгновений, я уловил смысл происшедшего. Командир «охотника» поднёс существо к информационному блоку, и проблема лопнула, вместе с одним из миллиона пузырьков. — Надо понимать, стирать уже ничего не нужно?

— Именно так! И никаких следов удаления. А за такое нарушение наблюдатели могут наложить арест на всё, вплоть до привязки к ограничительному бую, на месяц или на полгода.

— Хоть с этим разобрались. Что-то ещё?

Он кивнул.

— Землянин Григорий пока не вписывается в число студентов. Один лишний на борту, как ни крути.

— Варианты?

— Уймистер не предлагал перейти к нему на службу?

— Шутки у него иногда...

— Я в курсе. У шутников случаются накладки. И почему-то именно ваша пара ему приглянулась.

У-у, куда капитан завернул.

— Считаешь, это предложение нужно принять?

БероГор попытался изложить преимущества такого шага.

— Землянин временно подменит тебя, проверяющие ведут учёт мужского сословия. В крайнем, подберём ему деву.

— Неужели кто согласится жить со слепым на три четверти?

— Можно просто сыграть роль. Но в таком варианте, ты получаешь возможность изучить партизанский опыт Уймистера. — Капитан уже взвесил все за и против, теперь хотел донести. — Наши корабли на виду, за каждым идёт слежка. А «охотник» наносит ощутимые удары и не отвечает за последствия. То ли с дальним прицелом, то ли есть действительно причины, — его слова: «Однажды я проснусь и пойму, что больше не смогу управлять «охотником», мне бы подумать о тихом месте и удалиться на покой».

— Думаю, ему просто хочется заполучить помощников.

— Согласись, на базаре таких не купишь. Там и до предательства или воровства дойдёт — жаловаться никому не пойдёшь.

Я быстро просчитывал в уме наши планы и способности.

— А как получилось, что его корабль никто не разыскивает?

— Разыграл аварию, около десятка свидетелей подтвердили, что около их городка разбился неизвестный аппарат. Местная власть расследовала, составила доклад в нужном количестве экземпляров. Номера сошлись, из реестра был вычеркнут и корабль, и владелец.

— Тогда как он запасается горючим, продуктами?

— Под именем брата. Малый катер на борту позволяет спускаться и пополнять запасы. Чтобы никто не сопоставил даты и время, брат присутствует на том же базаре, привлекает свидетелей, мелькает столько, сколько нужно.

— Что ж, Уймистеру не откажешь в предусмотрительности. Так что, — я решил на прямую, — считаешь, нам следует перейти, перенять его опыт?

— Сам подумай. Пока вы не оказались на «охотнике», Уймистер и не помышлял о крупных объектах. Хорошо, допустим, хотел перед БороГорой героем показаться. Но дело сделано, и первый опыт открывает такие перспективы. — Капитан что-то разошёлся, хотя позже будет возражать: «Никто не оказывал на них давления, сами так решили!»

Я не мог без БороГоры что-то обещать. Покинув рубку, вызвал её к иллюминатору. Наше обсуждение было на удивление коротким.

— Если считаешь, что у нас получится, почему ни попробовать? В противном случае, просто вернёмся на «Б-2403», — как говорят, не попробуешь — не узнаешь.

— И условия известные тебя не останавливают?

— Я поставлю условие, и Уймистер их исполнит, не задумываясь.

Стоило объявить решение, капитан при нас вышел на связь с «охотником»:

— Они согласны. До утра потерпишь? У нас тут очередь выстроилась, все попрощаться восхотели... Что ты говоришь, вот не поверю... Я тебя прошу, только не разревись, как дамочка на базаре. Ну, полно. До связи!

4

Головонька моя не была готова к таким приключениям. В двадцатый раз я проворачивал в уме преимущества относительно спокойной жизни на «Б-2403», потом уже мысленно переносился на борт «охотника» и пробегал по пунктам. То, что мы выбьем двухспальную каюту, я не сомневался. БороГора добьётся маленьких уступок под свои нужды. Я смогу почаще осматривать нашу крепость снаружи, освою управление шлюпкой, заодно — буду отслеживать видимость чужими приборами. Ещё можно заключить договор, чтобы мы держали постоянную связь с «Б-2403», — они к нам на помощь, мы к ним. И больше самостоятельности — пожалуй, тоже значит немало.

С трудом засыпал, расставание с экипажем казалось неправдоподобным. Ты там, мол, смотри в оба. И сколько я ни старался втолковать, что мы будем рядом постоянно, ничего не случилось...

— Это ты сейчас так говоришь. А почувствуешь свободу — и не заметишь.

Эти дурацкие розыгрыши изрядно поднадоели. Около восьми, БороГора вошла в каюту и коснулась руки. Пора. Ладопер приподнял голову.

— Ну, ты там не очень. Помни: тебя ждут не только родители. — Он задержал мою руку на минуту, помолчал. Как бы всё сказано.

Капитан осматривал концевики шлюза, именно сейчас ему понадобилось уточнить кое-что. И крепкие, дружеские объятия напоследок.

— На связи!

— Это да, обязательно.

Перевод взгляда на БороГору.

— Береги его.

Она сделала шаг навстречу и утонула в его объятиях.

Шлюпка плавно отчалила, шлюзовая броня вернулась в рабочее положение. Привычным движением дал питание на радары. «Охотника» поблизости не наблюдалось.

— Он где-то здесь. — БороГора увеличила длину волны, вручную стала прощупывать пространство. Результатов не получила. — Дополнительные генераторы запитал, не иначе. Ты же просил — вот и постарался.

— Мистер Уймистер, ку-ку! К тебе пополнение, не рад, что ли? — Нос шлюпки изучал углы, лада пробовала радары на других волнах.

Пришлось обратиться к капитану:

— Кажется, мы рано пожаловали.

— Семь минут назад я с ним разговаривал.

— Так чего он прячется?

— Экзамен сдаёт, по предмету «маскировка».

— Ладно, пусть сдаёт. До связи. — Выключил двигатели, лада подумала и отключила радары. Верчу головой по сторонам, отслеживаю маршруты глыб, как в прошлый раз, когда они исчезали за массой «охотника». Чисто. И потолок, и подвал — вот это применил возможности, и, поди, наслаждается своим положением.

Тревожная панель ожила. Что-то приближалось, лада первой определила:

— Мы встали на орбите глыбы. У нас есть три минуты.

Двигатели не запускались. Да что случилось? Я задрал голову и далековато разглядел опасность, а если бы не заметил глыбу, приборы напомнили бы. Надо же было так неудачно остановиться!

В эфир пустил фразу: двигатели не работают, мы на орбите глыбы, до столкновения чуть больше минуты.

Вспышка света — и мы оказались на площадке для ареста. Шесть знакомых роботов ждали команды — приступайте. Шланги в руках, насос подключён к новому баку, раза в четыре меньше прежнего.

Из двери показался Уймистер, в сопровождении полосатого. Они прошли мимо, будто нас и нет. Робот что-то доказывал или сообщал хозяину, они дошли до стены, к новым дверям. Командир распахнул их, и они оба полетели кубарем в холодную бездну космоса... Лада вскрикнула, я удержался. В уме вновь воспроизвёл последний шаг — человека и робота. Они рухнули настолько достоверно, что я успокоился. За пустоту не схватишься, оба слишком уверенно шагнули и сорвались, головой вниз.

Ты же хороший изобретатель, времени всегда в обрез, а тут целое представление затеял.

Лада уже домчала до двери, на ходу разматывая фал. Хотел крикнуть — назад, не обращай внимания, это розыгрыш! И сразу понял: не успею. Она шагнула в проём и тоже полетела вверх тормашками! Не за стены держалась, а за верёвку! И дверь рывком закрылась. Это вообще выходит за рамки моего понимания.

От меня не дождётесь! Я дошёл спокойным шагом, ухватился покрепче за выступ на стене, потянул за ручку. Ещё раз приложил усилие, рывком дёрнул на себя.

Поток воздуха оказался неожиданно мощным, левую ногу легко втянуло в проём, но руками-то я уверенно упирался, в стену и в приоткрытую дверь. Её же сквозняком должно бы захлопнуть, да какая-то хитрость имелась. Чтобы меня втянуть, вот на что рассчитывают они!

Пошатав двери, туда-сюда, поймал момент, когда они готовы захлопнуться, упёрся покрепче, вытянул ногу и отпустил.

— Трёх ты проглотила, а со мной не выйдет, — сказал я в закрытую дверь, отряхнул руки и развернулся к шлюпке. И вот тут дверь сама распахнулась, — я не смог зацепиться за край её, прочная конструкция под пальцами превращалась в бумагу...

Кувырок через голову, брезентовая преграда спружинила, меня подбросило трижды и спустило по жёлобу. После полного ощущения, будто я вывалился за борт, жёлоб доставил по

адресу. Все трое сидели за столом, с чашками в руках.

— Присоединяйся, попей чайку. — Уймистер указал на четвёртую чашку.

Лада прятала лицо в своей чашке, робот невозмутимо держал чашку в руке, принимал участие.

Ладно, — я отряхнулся, привёл себя в порядок и подсел к столу. Они вяло продолжали свой разговор, начало которого я не застал.

— В северном крыле немного греются, подождём денёк. — Уймистер затевал разговор — полосатый соглашался. Чашку держал ровно, уровень напитка не шелохнулся ни разу.

Они ждут моей реакции.

Ждите! — Поднял чашку, как сидел за столом раньше, чем они явились. Пригубил. А это и не напиток! Камень, идеально сидящий в чашке. Желтоватый, на дне — заварка, точная копия. Но я ничему не удивляюсь. Вы не знаете меня, на что я способен. Я всё проглочу, надо — и с камнем, до дна!

Лада тоже новичок, но для неё сделали исключение. Ей сказали — помоги разыграть, и дала согласие. А могла бы поддержать, хоть взглядом. Даже не смотрит в мою сторону.

— Красавица, можно вас на несколько слов?

— Мы знакомы? — и настолько мастерски хлопнула ресницами, точно сестра БороГоры, с которой ни разу не встречался.

И хохот уже было не сдержать! Конечно, смех в моём исполнении оставлял желать, но зато они оторвались вволю, с чем вас всех и поздравляю.

Полосатый поднялся из-за стола, ушёл мне за спину. Коснулся спины.

— Вы хотели мне что-то сказать.

Новый взрыв хохота, а я всё ещё не мог войти в состав экипажа, пока реагировал по привычке. Мне легче уложить которого на лопатки, тугодуму ничего другого не остаётся.

Сигнал прозвучал — как предупреждение. Задачу командир поставил, автоматика сочла, что условия созрели. Тотчас обстановка изменилась на рабочую.

— Мы вышли на объект, которым давно интересовались. Не думал, что так скоро. — Уймистер встал из-за стола, мы вышли следом. В рубке, на мониторе красовался очень знакомый корабль. Потом картинка соскочила на приглажённую планету, размерами ниже средней. Командир кашлянул и тут же сунул мне руку, с поздравлениями. — Вы приняты в экипаж, теперь у каждого будет свой пост, что бы ни происходило, вы там.

Мой пост справа, у красной кнопки. На таких, обычно, висят пломбы. И обзор монитора отличный.

— Новый монитор, поздравляю, — отметил с поста, в спину командира.

Ладе достался пост напротив, у левой переборки. У неё в ногах установлен аквариум, с детищем Уймистера. Он доверил свою драгоценность БороГоре, вот что самое главное, не полосатому. Я бы это назвал вручением ордена, только выданным как бы авансом. На Тоболе такое называют — обязать доверием.

Однако, «Охотник» вышел на цель, поглядим, что и как, что за крепость Разма-Зея. Местная достопримечательность, вроде испытательного комплекса на выносливость. Без травм не обходится, смертельные случаи не редки. Уймистер обрисовал положение в нескольких словах и дал изображение на монитор.

— Кабы человек не вмешался, планета могла вырасти в самостоятельную единицу, да нашёлся Игрок, кто сам сильно зависим от игрищ. Разма-Зея получила второе имя — Игрушка. — Уймистер собирался продолжить, да полосатый вставил слово: «Игроман, так

их охарактеризовали». — Мне без разницы, как называют пропащих. Жизнь потратить на выброс жизненных сил, ради призрачных побед, — скажи мне, дружок, разумно ли?

— Ему же правды не говорят? Выкачивают жизнь на веренице эмоций, из каждой ста секунд крадут сорок. И не каждый игроман замечает, что дни стали короткими. — Полосатый покинул рубку, как хозяйка, которая вспомнила, что на кухне что-то может подгореть или сбежать.

Интересный помощник, подумал я. Не соскучишься.

— Так вот, я немного пролистал историю «Б-2403», Уиль Штирль, если я не перепутал, доставил вам немного неприятностей, я просто запомнил имя. Свежие данные обновляются всякий день, так и всплыло имя. Решил уточнить — что ему понадобилось на Игрушке, и вот, представьте, он команду из двенадцати воинов отправляет на серьёзные испытания. Думается мне, подбор воинов не случаен.

— Они провинились на одной операции, — подсказал я. — Прозевали большие деньги, и у него появился повод посчитаться с ними. Хотя задолжал капитану и не спешит показать глаза.

Уймистер выслушал внимательно, на ходу решал, какие средства применить.

— Думаю, можем покопаться в базе данных. Есть такая здесь: кто заказчик, велика ли группа, какой уровень испытаний... Кстати, ты не отчитался, уже не говорю о похвалах усилиям моим.

— «Охотник» совершенно невидим.

— И сразу растерялись, небось: улетел, нас бросил?

— Как раз наоборот, мы так и поняли, идёт демонстрация возможностей.

Уймистер развернулся в кресле, адресовал вопрос ладе:

— А ты, красавица, не начала паниковать?

— Только первое мгновенье. Раз яр спокоен, то ничего не случилось.

Командир кивнул, развернулся к монитору.

— И сей час посмотрим, какой уровень испытаний для провинившихся приготовил ваш знакомый... — В отдельном окне потекли бланки заказов, Уймистер ввёл в строку поиска имя. Я невольно открыл рот: если такая система распространится во вселенной, так и про нас с женой может любой узнать всё, что пожелает?

— Эта система данных меня настораживает. Смысла не понимаю.

— Всё просто. Те, кто производят товар и продают, должны знать рынок и действовать на опережение. — Уймистер нашёл, что искал, мою тему отложил на время. — Смотри, ваш знакомый выбрал самое суровое испытание — побивание камнями.

— На смерть их приговорил, что ли?

— Из всех зрелищ, игры со смертельным исходом имеют высокие расценки. Как только объявлена такая Игра, сюда слетаются игроки особого свойства. На их языке, здесь делают ставки, кто из двенадцати и на какой минуте погибнет. Из призового фонда, собранного перед Игрой, ваш знакомый получает деньги. Их иногда называют бешеными, и я так понимаю, огромные.

— Так полковник их просто продал на убой?

— Знать, здорово ему насолили.

Я не сдержался:

— Надо запретить игру!

— Это почти невозможно. Деньги собраны, никто отступить не захочет.

— Парней надо спасти.

— Стоит ли? Наёмнику всё равно, где голову сложить.

— Мы, в какой-то степени, виноваты. Их выставили ротозеями, пока свои вопросы решали.

Уймистер развернулся ко мне.

— Ещё раз повторяю: наёмнику всё равно...

— Если они погибнут, мне до конца дней нести свою часть вины за их смерти.

Уймистер тотчас связался с капитаном: поговори с бывшим студентом, он немного путается в положении вещей.

— Возьми наушники. — Он протянул мне это неудобное, давящее на уши устройство.

Как мог, на скорую руку обрисовал положение. И капитан встал на мою сторону, я с радостью ответил тем же: «Возьми наушники!»

Выслушав доводы капитана, Уймистер заключил:

— И ты туда же? Я сей час перейду на крепкие слова, лучше не зли... Так, давай по порядку. — И командир, минуты три, слушал, не перебивая.

Завершился сеанс связи, командир снова повернулся к нам. Что творилось в голове хорошего изобретателя, я не мог с уверенностью сказать. Лада уже побаивалась, во что выльется наш разговор. У её ног зашевелилось светосущество, которому я придумал прозвище ещё там.

Обнаружив шевеление и игру радуг, Уймистер покинул кресло, уселся на пол, рядом с аквариумом.

— А ты что скажешь?

Мне не понравился его тон. Конечно, это не человек, и всё же... А вдруг оно прежде — очень давно, побывало в теле человека, пока не доросло вот до такой формы. Допустим, это божественные способности, кому ещё по силам стирать память у преступников и обращать в чистые листы: пиши всё заново. А детям многое прощают.

Я про себя отметил, Уймистер не слишком горит желанием брать на руки детёныша.

Детёныша? — уж совсем неожиданно, я сам себя напугал. Оно вырастет и займёт рубку целиком, мы будем по очереди протискиваться к управлению, чтобы стартовать или делать посадки.

— Э-э... — подал я голос.

— Не сей час! — Уймистер до сих пор не сжился с мыслью, что на борту есть сбывшаяся мечта. — Меня никто не понимает, вот беда! И должен признаться, с детства мечтал иметь умную зверушку, с формой долго не мог определиться. Однажды во сне пришёл именно этот образ. Матери рассказал, она отговаривала: не бывает такого. И мы поспорили.

— Бывает, поверь на слово, — вырвалось у меня. Ещё немного, и я начну выдавать шутки — не хуже вашего.

— Ты меня просто утешил, как никто другой! — Сидя, Уймистер, утвердил локти на приподнятых коленях, чуть наклонился к аквариуму, размышляя над зверушкой. — Кто бы имя придумал, у самого что-то не выходит.

— Пузырёша! — предложил я свой вариант.

Капитан опробовал слово на вкус, на переносице стали собираться морщинки. БороГора вовремя подключилась:

— А что? Очень даже звучит!

Он поднял на неё глаза снизу, очарованный, видимо, согласился:

— Ну, если и тебе нравится, пусть будет Пузырёша. — Уймистер уставился на сокровище своё и мысленно привыкал к произношению имени, шевелил губами. Лада мне подмигнула — я правильно сделала?

Поцелуй воздуха в ответ — это стало привычным. Кто ж ещё поддержит своего яра?

— Воинов не видно, ты их по домам развёз?

Капитан пребывал в размышлениях, не сразу ответил. Когда дошёл смысл вопроса, задумчиво смотрел на меня и что-то вычислял. Одумался вдруг, как очнулся:

— Да! Именно так!

Решал три или шесть задач одновременно, мне до него далеко. Но вот он вернулся:

— Спрашиваешь про воинов? А я им сделал подарок, в обмен на пару рабочих рук.

— Как это?

— Видишь ли, лишняя пара рук никогда не помешает. И предложил им: парни, я могу переправить одиннадцать из вас по домам. А двенадцатый пусть послужит у меня лето или чуть дольше. Я даю вам старенький катер, с возвратом. Ваш товарищ развезёт и вернётся к нам, обижать не будем.

— Так они улетели?

— Пока решают, кто останется со мной.

— То есть, трудный выбор, когда все хотят домой?

— Наоборот. Четверо готовы остаться на службе. Насторожило число. Мне с четвёркой обычно не везёт.

— Троих возьми. Три пары рук, — подала голос лада.

Командир всплеснул руками:

— Вот и скажи! Что бы мы делали без женщин?.. Сороковой! Ступай к воинам и сообщи мою волю: я готов взять на службу троих, пусть тащат жребий.

Полосатый исчез, я для себя обозначил: у работа тоже есть имя. Лада выложила на пальцах «40», умница моя, отныне она тоже будет обращаться по имени. И только на миг я представил себе картинку, как в тихом уголке собрались воины и спорят, кому оставаться на борту, у командира Уймистера. Про имя и суть «охотника» каждый узнает позже, в своё время.

— Так что мы решили с парнями, которых полковник приговорил к смерти? — Моя женщина умело вернула нас к главному вопросу.

— Придётся спасать. Для этого — надо осмотреться, что за крепость такая, где входы и выходы.

5

Ну, с этим оказалось проще. Сам план условен и примитивен, он годится лишь для тех, кто хочет потрясти мышцей. Я догадывался, что в армии противника тоже существуют силовые дисциплины, достаточно было оценить вид наёмников. Крепкие тела видны и невооружённым глазом. Тогда и гражданские куда-то собираются, качают мышцы. И соревнования, видимо, устраивают, назначают победителей.

На мониторе крепость Разма-Зея выглядела бронированным шаром, с единственным входом для желающих рискнуть. А дальше — тоннель, до выхода на арену, которая от зрителей защищена сплошной клетью. Купол из железных прутьев, до которого не допрыгнешь.

— И в чём заключается соревнование? — я повернулся к командиру.

— Кто выживет в драке, они должны вскарабкаться по канату под купол. Зрители осыплют монетами победителя.

— Но ты говоришь, разные условия.

— Когда обещают большие деньги, то специальная команда, с купола, мечет камни. Увернулся, одолел соперников и первым коснулся купола — больше ни один камень не прилетит. Получи имя новое и деньги, возвращайся на корабль победителем.

— А погибшие?

— Тела убирают сразу. За день может пройти десяток поединков и сражений «стенка на стенку». Команда делится надвое и рубится, до полного изнеможения.

— Это дикость дикая, кто только додумался до такого?

— Деньги. Проигравшие их не видят, выигравший очень быстро растратит.

Мы думали. Мы искали способы спасения парней, которые хотели бы пожить ещё, не ведая, что им приготовил полковник.

— Кто занимает места зрителей?

— Кто делает ставки, имеет удовольствие от вида крови и мяса. У нас таких средств не бывает. — Уймистер перелистывал блокнот, искал что-то конкретное.

— И предупредить не получится?

Уймистер крутнул головой:

— И что ты им скажешь? Вас полковник решил убить, не выходите из тоннеля. Они набросятся на тебя, с кулаками. — Командир нашёл, что искал, заложил страницу пальцем. — Больно много хлопот получается, я бы лично не стал заниматься.

— Так на тебе и вины нет.

— А если это их судьба?

— Если бы не пересеклись в той крепости, себя я бы ни в чём не винил.

— Понятно! — командир откинул ненужные страницы, установил палец на строке. — В очень похожей ситуации однажды и я оказался, без силы что-то изменить. Погибли знакомые ребята, кто мне помогал не раз. И я стоял в тоннеле, провожал в последний путь их тела.

Мы с ладой переглянулись. Вот так пишется история. Сначала нас хорошенько ткнут носами в изошрённую несправедливость, защищённую законами и судьями, потом ставят перед выбором: на поклон системе пойдёшь сам либо пополнишь ряды её противников. На тебя могут неожиданно открыть охоту, стоит разок засветиться. Системе нужны спокойствие и порядок, как и лёгкая уверенность в том, что утром солнце взойдёт снова.

— Что скажешь? — вопрос командира повис в воздухе.

Ничего путного в голову не приходило. Десяток поединков на сутки. Зрители тоже не могут сидеть часами и ждать.

Лада сосредоточилась на Пузырёше, следила за появлением новых рисунков и сочетаниями красок. Может, её вдруг озарит?

— На поединок отпускается пятьдесят пять минут. — Она задала направление мыслям.

— И что из того?

— Через пятьдесят пять минут арену должны освободить для следующей команды.

— Продолжай, — предложил командир.

Я очень хотел, чтобы у неё получилось.

— Нам с Пузырёшей надо оказаться в тоннеле раньше, чем туда запустят группу.

Уймистер ударил кулаком по блокноту, выплёвывая слова: «Это невозможно! Даже не

думайте!»

БероГора позволила остыть первым углям, брошенным в топку разговора.

— Твоя мама не верила в возможность существования Пузырёши. Она и имени даже не слышала, иначе — призадумалась бы.

— Тут я согласен, не будем городить препятствий. Говоришь, в тоннель... Есть у меня знакомый, коли жив до сих пор. Надо прокатиться. Кто со мной? — Уймистер как уставился на БероГору, так она и не смогла отказать, кивнула. На радостях, командир обратился ко мне: — За старшего остаёшься. И только не злись на Сорокового. Вернусь — надо кое-что поменять.

Стоило им уйти на шлюпке, полосатый вышел на меня, как караулил возможность.

— С некоторым опозданием, тороплюсь поздравить. Рад приветствовать на борту «охотника» нового члена экипажа. Ура! А теперь к главному. Только не подумай, будто я караулю случай, когда ты остаёшься в одиночестве. Это пустяки. Тут разговор посерьёзней. Бывал я на борту «Б-2403», бывал, пообщался и с капитаном, и с ЖелоТроном, историком вашим. Так вот, меня просили передать — ну, не сразу, в минуту передышки, скажем так. И очень просили не сообщать, чьи слова я сейчас передам. Из рук в руки... Нет, как-то иначе, но опустим мелочи. Итак, я недавно понял, как сильно вы... ты интересуешься историей старой Земли. Чтобы раскрутить весь клубок фальшивок и ложных свидетельств, нужно принять две вещи (про третью я поведаю в следующую встречу). Кладбища придумали попы. Попов придумали евреи. Они же придумали христианство. И точка! В эту схему укладываются все события, которые мы смело называем порабощением коренного населения. При Петре палками выбивали отказ хозяев от родовых земель, в пользу создаваемого Петром государства. Потом захватчики взялись за распространение эпидемий, но колокола на ведических храмах прекрасно защищали местность. И началось: Пётр приказал снять колокола, попы и армия взялись за снос древних храмов, на их местах возводили христианские. Восстания против картофеля, против спаивания, против поборов церковью прихожан — всё выливалось в кровопролития. Любая война, с разницей в пятьдесят лет, (плюс-минус) — всегда с одним итогом: осталось двадцать процентов мужчин — войну можно завершать.

Я подождал. Больше ему нечего сообщить, приказ исполнил.

— Я могу идти?

— Конечно. Я принял к сведению, теперь буду думать, как жить с этим.

— У меня есть ещё несколько позиций, какие необходимо озвучить в первую очередь.

— Отлично! Я приглашу тебя, когда усвою этот материал. Вопросов будет много.

— Мы их разобьём в прах, на следующей лекции. И один малюсенький, сей час, если не против?

— Говори.

— Знаю наверняка, вы... ты дал мне второе имя. Полосатый. Оно мне тоже нравится. Можете так и обращаться.

— Договорились. — Я очень старательно вглядывался в его рожицу, надеясь поймать малейшие изменения в структуре. Маска, на которой случаются искажения. Допустим, это изобретение Уймистера: надоело ему видеть одноразовое изображение, вот он подумал — и сотворил. И надо стать хорошим мастером наблюдения, чтобы уловить оттенки на лице. Как Уймистеру удалось оживить маску — это тема для разговоров за вечерним чаем. Вы же видели сами: чай бывает жидким, жёлтым и твёрдым, с имитацией заварки у дна. Готовился

к встрече, перед БороГорой вот тоже хотел блеснуть.

Монитор сообщал, что наши благополучно высадились на стоянке крепости Разма-Зея, прошли таможенный досмотр. Шлюпка тоже обыску подверглась, и у меня родилась идея.

Оставил голосовое сообщение: «Раз шлюпку досмотрели, второй раз проверять не будут. А вы на секундочку отлучитесь, и назад!»

Они план поняли по-своему. Пока БороГора топталась на виду у охраны, командир мигом обернулся! Я с аквариумом встретил его на входе. Схватил часть Пузырёши, запихал под комбинезон и сделал шаг назад. Шлюпка выдохнула — и нет её. Я бегом к монитору. На стоянке полный порядок, никто никого не обыскивает... А вон тех, только совершили посадку. И ещё два корабля, побогаче. Прибывали настоящие игроки, кто может за вечер разбогатеть либо разориться. Но совсем простых, рискованных, здесь, кажется, не видно. Телохранители — ну, это понятно, как без них? И вереница родственников: благообразная старушка, дочери, невесты и внуки. Они тоже развлекаются, наблюдая чужие смерти?

Эти моменты я зафиксировал через камеру, закреплённую на милой головке. С появлением командира, изображение с двух камер как бы свелось в одно. Глазам даже пришлось пережить несколько неприятных эффектов от наложения.

Попривыкнув, я смотрел в оба. Начиналась импровизация. Вход в тоннель приоткрыт, да на входе два здоровяка. Вроде и не охраняют, однако приглядывают. Вот к ним, не рассчитывая на задержку, подалась БороГора, с охапкой метел. Командир пояснил, что знакомый проживает в самом тоннеле, дверь в каморку обычно все проходят мимо.

Я отмотал назад. Лада обнаружила забытую метлу, подсуетилась, как она умеет, и девять копий, вместе с оригиналом, взяла под руки и пошла в атаку.

Крепыши даже не поднялись:

— И куда тебя, красавица, понесло?

— Ты дурак, что ли?

— Что-то я тебя раньше не видел.

— Дочь свою не узнаёшь? — БороГора прислонила инструмент к стене и шагнула к бугаям. Говоруна детально изучила, решила его обработать. — Как переспать — охотников полно, мама говорила — он о тебе и не вспомнит. Я чуть не поругалась с ней: как, говорю, не помнит? Скажи, кто он, где найти. Ты тогда служил на «Чёрном принце», хотел выйти в старшие помощники.

— Ты сама откуда? — воин потрошил воспоминания, надеялся на подсказку.

— Гай-Ра-Гай. Яблони — уже забыл?

Оба заволновались. Конечно, в жизни многое случалось, но и девочка могла обознаться.

Говорун спохватился, прикрыл рукой нашивку над карманом.

— Как моё имя, напомни?

— Дубина неотёсанная! Ты большего не достоин! Сколько я ни добивалась, мама твердила одно: «Дубина неотёсанная!»

Задачку БороГора им задала, они стали перепроверять себя — в каком году, где, при каких обстоятельствах. Её не трогали пока, а тут и «хозяин» метёлки появился. Крику наделал — кто стащил метлу. Она стала объяснять, что её попросили забросить по пути, и указала на новый инвентарь. Тогда помоги занести, — ну, совсем понятный диалог, интереса совсем не представляет.

Я слегка нервничал, механически потирал ладони.

Мои красавчики исчезли в каморке, почему-то трансляцию прервали. Может, ради того,

чтобы разговор не перехватил случайный оператор. О, надо внимательно осмотреться! Я же не для себя стараюсь! Автоматика успела вычислить троих операторов. Парни от скуки шарили по окрестностям, переговаривались меж собой. В основном, оценивали приезжих. «Вот это задница!» — «Где ты видишь?» — «Сорок второй сектор. В жёлтом костюме». — «Она на прошлой неделе бывала у нас, я запомнил. Интересно, откуда прибыла».

Пока первые смаковали формы, третий залазил в базе данных. Выдал членораздельно — возраст, место рождения и нынешнего проживания, замужем, детей не имеет. Купается как сыр в масле, все удовольствия у её ног, муж дрожит над ней, все прихоти готов исполнить, днём и ночью.

Грусть навалилась — вот совсем не хочется знать про их мир, которым они вполне довольны. Не у станка стоять, а стать слугой системы, в надежде, что она однажды оценит твою преданность. Или не оценит: много вас, и каждый готов на предательство, как кто-то другой поманит.

Я запросил обзор территории. На стоянку прибывали и прибывали гости, монитор предложил десяток окон. Вот эти группы, готовые сложить головы в драке, которые не хотят понимать, что многие доживают последние часы жизни. Уверены в победе, пока затравщик не пояснит правила, перед самым заходом в тоннель.

Первая группа пошла. Короткая инструкция, этих вроде разбивают надвое, стенка на стенку. Ставки не высоки, они для разогрева публики. Им обещаны хорошие призовые, если постараются сражаться «честно», и зрители могут швырнуть пачку купюр, а особо понравившемуся бойцу могут сделать хорошее предложение.

Я сидел, как на гвоздях. Наши что-то долго уговаривают метельщика. Либо он хочет денег, набивает цену.

Эй, вы! Дайте картинку! БороГора, ты же разместила маячки для наблюдения, почему не включила?! Я же волнуюсь!

Услышала! Или командир с пульта запустил. Теперь я как бы порхал над площадкой. Но где наш знакомый полковник?

Минуты не прошло, он появился с одним из местных. Устроитель правил и куратор, с деньгами они уже разобрались, условия подписаны.

Уиль Штирль потирал руки, вышел к своим и стал разогревать обещаниями. Его слушали очень внимательно, из двенадцати лбов лишь двое не верили словам, прочие ликовали.

Громкость регулировать у меня не получалось, это, видимо, командир постарался.

Я вас никогда не подводил, не подведите же сегодня меня, — Уиль Штирль работал в своём ключе, сыпал остротами, поднимал боевой дух. Когда решил, что с них хватит, перешёл к постановке задачи:

— Условия, конечно, бывают и получше, но мы прибыли в такой день, что мои просьбы и слушать не стали: либо вы принимаете наши условия, либо прощайте. Мне закрыли рот — указав на выход. Мне! Эти сопляки, оказывается, обо мне не слышали вообще. Вот это новость! Но к делу. Я уберёг вас от условия драться стенка на стенку. Мы столько лет вместе, вы мне как родные дети. Это не для красного словца, я люблю вас, как сыновей, и если когда перегнул палку, то с единственной целью — сохранить вам жизни. Кто ещё позаботится так? Вы всегда со мной, и всегда выходили живыми, я верно говорю? И кто знает, может, с этого дня пути наши разойдутся. Кого-то оценят и пригласят в личную охрану. И на сей раз я не стану возражать. Пора самим зарабатывать на жизнь, а крепость Разма-Зея многим дала

путёвку на остров Счастья.

— Может, нам убраться и показаться в другой день? — один из двенадцати высказал пожелание — вроде, как от своего имени, но остальные оживились, кто поддержал кивком, кто в голос.

— Так-то оно так, я уже и сам решил — уходим. Только знакомый генерал дал подсказку: дескать, прибыла на бои одна интересная особа. Ей нужно показать фотографии воинов перед битвой. На кого положит глаз — ну, не мне вам говорить. Женщины — они такие, не предсказуемые.

— И вы дали наши?

— Чем чёрт не шутит, думаю. Генерал пообещал передать ей. Так что у нас, считай, безвыходное положение, уходить — вот никак! Богатенькие дамочки здесь не редкость, но такие, как она, бывают на Разма-Зее раз в год или даже в два. А вы у меня не уроды, я же специально подбирал команду, чтобы в любом дворце имели успех. — Уиль Штирль дал паузу, она полезна перед тем, как до подчинённых дошло. — Н-ну? Теперь я хочу услышать ваше решение. Уходим или остаёмся?

Да что со связью? Командир, ты мне эти шуточки кончай, дай послушать, что надумали.

Со второго маяка пришёл сигнал. Первая битва завершилась. Один убит, остальные инвалиды, — их уводят запасным тоннелем, в обход готовящихся к бою. Волокут по полу одних, другие, кто держится на ногах, с трудом передвигаются. А знали бы — пошли?

Распорядитель вышел на полковника.

— По жребию, теперь вы.

Полковник на ступеньках главной лестницы поискал глазом генерала. Договор был таков: если она выберет кого, то он исключается из списка участников.

— Трудно бабе угодить. Что ж, парни, я в вас верю! Вперёд! Победителей не судят. И напоследок. Зритель привередлив, если посчитает, что вы плохо работаете, то специальная команда начнёт швырять камни. Не доводите до такого, все силы, всю сноровку дайте им. Я в вас верю! И за деньгами не нагибайтесь, камень точно прилетит. После боя — они ваши. Если же я солгал — пусть меня покарают небеса! Не сходя с этого места!

6

Распорядитель впереди, команда за ним. Охрана у входа на ногах, минутный обыск.

— Да мы всё сдали полковнику, он обыскал. Зря стараетесь!

— Порядок таков. — И отступила охрана, убедившись, что хлеб ест по заслугам. Потянул ветерок. Тоннель хранил запахи, иногда чудились вопли и стоны.

Распорядитель пересчитал воинов, запуская за красную черту. Дальше никто из посторонних не имеет права заходить. Ворота заперты, распорядитель направился к следующей команде.

Воины сразу остановились. Один заговорил:

— Если кто-то думает, что одним хорошим ударом можно заработать на всю оставшуюся жизнь, то он глупец.

— А что ты предлагаешь?

— Не выходить под купол.

— Я слышал, в таких случаях, из огнемёта пригласят.

Впереди показалась тень. Против света, льющегося сверху на арену, женская фигура показалась не к месту и не ко времени. Был бы муж — его бы смели.

— Чего тебе?

Вместо ответа, от неё пришёл такой ослепительный поток света, что они невольно закрылись руками.

— Эй, выключи! У тебя ничего не получится!

А она пошла к ним навстречу. Свет уже не просто слепил, а нагревал сам воздух. Точно боясь расплескать сосуд со светом, она приближалась медленно и неукротимо. В шагах десяти, свечение брызнуло салютом, искры взвились под свод тоннеля и уже оттуда рухнули на группу. Непонятно, откуда взялся дым, им заволокло пространство до потолка, дальняя часть вышла под купол.

Из входа в тоннель повалил такой дым, что Уиль Штирль уразумел: пора убираться! И чем скорее, тем лучше. На пути к шлюпке, его перехватил человек.

— Мне стало известно, вас интересуют дешёвые модели маяков.

— Я очень тороплюсь!

— Взгляните, у меня с собой. — И лёгкий маячок стал помигивать на ладони незнакомца.

— Диапазон?

— Все, какие нашли спрос у пользователя. Сотка за всю партию.

— Что так дешево?

Продавец хитро улыбнулся:

— Чтобы вдуть бракованный товар. Три месяца работает безукоризненно, потом начинаются сбои. Десять процентов могут прослужить и год.

Полковник окинул взглядом местность, поискал, как далеко может находиться обещанная партия. Машинально нащупал в потайном кармашке две сотни.

— И далеко идти?

— Минута ходьбы.

— Забираю всё. Сколько у тебя? — Он подтолкнул торговца на маршрут, сам ускорил шаг.

Они подошли к временной палатке, полог приоткрыт. Всякого добра, под именем «ширпотреб», лежало на двух столах, бери — не хочу. Помощник торговца смекнул, что нужно, выложил на стол две коробки, ловко вскрыл верхнюю. Те самые маячки, около сотни в коробке.

— Кто доставит на борт шлюпки?

— Я! — откликнулся помощник.

Полковник ещё разок взял в руки — просто убедиться, что ему хоть в этом повезло.

И тотчас ощутил прикосновение к затылку холодного, твёрдого предмета. И инструкцию прослушал:

— Дёрнешься — обратишься в пыль. Я зачитаю телеграмму: «Граждане известной тебе крепости, будучи тобою ограбленными, не пожалели средств и наняли рыскачей. И оба, в эту минуту, рядом с тобой. Осталось задать единственный вопрос и получить ответ. Вы готовы вернуть всю сумму?»

— Да!

— Мы ждали именно этого «да». Значит, денег нет, и говорить больше не о чем...

— Погодите! Я не всё...

Лёгкий хлопок сообщил помощнику, что старший группы принял окончательное решение. Это и послужило сигналом к сворачиванию палатки.

Рота охраны прибывала по тревоге. Распорядитель то срывал с головы наушники, с кем-

то ругался, то надевал наушники и выслушивал указания. По его обрывистой речи можно было понять, что случай из разряда «раз в сто лет». Ему не верили, просили в девятый раз уточнить и доложить.

— Я же их пропускал за ворота, каждый — на две головы выше меня. И что. Вот и что: сами идите и убедитесь! Мне нужно срочно выпить, иначе я за себя не отвечаю!

Толпа зевак росла. Многие покинули трибуны и хотели лично узнать, что пошло не так.

— Дым видели? Вот и я, кроме дыма, ничего не заметил. Полюбуйтесь, вот они!

Из ворот тоннеля вышли двенадцать мальчишек. Форма — как на взрослых, один в один, опознавательные знаки говорили о принадлежности к четвёртому флоту. И только возраст маленьких обманщиков наводил на размышления. Настоящие бойцы где-то спрятались, а детвору подставили вместо себя. Видеокамеры, журналисты — обычное дело сниматься на фоне ворот и группы сорванцов, сделавших для новостей неоценимую услугу. Дня на два хватит, а там ещё чего-нибудь найдём.

Местный уборщик вышел с метлой и совком, он честно отрабатывает содержание. Один оператор подскочил, рассмотрел одноглазого уroda, с лицом в глубоких шрамах, и передумал. Телезрители напишут тысячи жалоб: зачем вы нам показываете эту грязь?

Кто-то из мальчишек сообразил, что надо брать командование на себя. Подал команду, и двенадцать сорванцов направились напрямиком на стоянку. Операторы следом. Уж точно сейчас будет весёлый финал, пусть только подойдут к трапу военной шлюпки. Выйдет здоровый детина, и как отобьёт охоту валять дурака! На такие сюжеты найдутся желающие прокомментировать, на два дня новость затмит другие моменты, под шумок, может проскочить поправка к закону, и её не разглядят сразу. Весь пакет пройдёт голосование, а год спустя публика изумится: какая поправка? Законодатели лгут на ровном месте, без видимых причин, просто по привычке.

Роту охраны срочно перебросили к северным терминалам, охранников тоннеля прихватили, ворота на замок. По громкоговорителям предупредили публику — оставаться на местах, согласно купленным билетам. Стоянка временно не работает, немного терпения, до прояснения ситуации.

И когда, казалось, наступила полная тишина, с рёвом, дав один предупредительный выстрел по тоннелю, к бронированной кассе подлетела свежескрашенная шлюпка. Двенадцать бойцов, по форме одежды выдающих себя за случайный сброд, атаковали броневую плиту кассы. Серьёзно подготовились, иначе плита не отвалилась бы так легко. Сообщник внутри либо современные технологии — всё служило этим людям, для достижения успеха.

Я нервно обедал, смахивая со столика всё, что прихватил полосатый. Он не осмелился задавать вопросы, один из которых мог прозвучать так: «А у вас хороший аппетит нынче. Вторую порцию приканчиваете, а голод никак не уймётся. Вы не находите это странным — для старшего на борту?»

На шлюпку грузили первый контейнер. Второй торчал наружу, но какие-то помехи не давали сейфу подышать свободно. Сварщик грел цепь, помощник колотил кувалдой, — я уже перешёл на сторону отчаянных парней:

— Да разрежь одно звено — и попутного ветра!.. А-а, повреждённое звено прямо на глазах самовосстанавливается? Вот это банковские технологии. И что теперь? Правильно, режь опору... Эх, мне бы твой сварочный аппарат!

Опора срезана почти наполовину, бойцы стали раскачивать, чтобы доломать. Я бы с

радостью пособил, да не могу пост оставлять. Ещё! Ещё разок, и она отвалится!

Служащие мелко трясутся, стволы смотрят в их сторону, и им ничего другого не остаётся, как заняться расчётами. В этом месяце премии не видать. Зато придётся вручную заполнять бланки и отвечать на вопросы следователей. И на удочку не попасться: «Нам удалось вчера задержать одного преступника. Он признался, что в кассе работает один человек, который дал согласие помочь. Кто бы это мог быть, как, по-вашему?»

Настоящий метельщик дважды выходил к решётчатым воротам и поглядывал за обстановкой. Если кто и обратил внимание, то тут же забыл: у старшего есть зам, есть практикантка — симпатичная девица. Не хотела поступать — держи метлу, приноси пользу обществу.

Они упорно на связь не выходили. Думаю: как же вы протиснитесь через решётку?

— Можно убирать? — Полосатый не дождался ответа, укатил столик. Я механически зафиксировал время. Минут десять его не будет видно.

На одиннадцатой минуте, он возник на мониторе. Со стоянки, никого не тревожа, прошёл к воротам и снял замок.

Стартовали они вместе с пиратами, которым не удалось взять второй сейф. Процентом пятьдесят премии, кажется, поступит вовремя.

Лёгкий толчок в борт я угадал как никогда прежде обострённым чувством ответственности за порядок на борту. Доложить обстановку, сдать дежурство — и можно пойти вздремнуть. Волнительный денёк выдался, не приведи и врагу.

Уймистер пропустил даму вперёд, с порога кивнул мне — всё в порядке?

Как помалу привык, выставил большой палец и озвучил мерзкое: «Окей!»

БероГора обвила шею и замерла на минуту. Выдохнула на ухо:

— Я страшно проголодалась. Чем ты меня накормишь?

БероГора уже набралась у кого-то, — подружка насоветовала фильмов каких посмотреть, сказала — не отставай от жизни.

Сороковой подкатил тележку с обедом, мы устроились вокруг, только у меня чего-то аппетит не появился.

— Понервничал? — Уймистер нажимал от души, как сухогруз вражеский разгрузил. «Охотник» шёл полным ходом, это читалось с монитора.

— Самую малость. А мы куда-то торопимся?

Он прикончил вторую порцию, облизнулся и перевёл взгляд на БероГору.

— Ты же видел сам: простуда охотится за мной. Вот и убегаем, пока она на заправку заскочит, то да сё, мы оторвёмся, и пусть попробует догнать.

— Но с простудой — это же видение, что может случиться. Ты этим утром должен был слечь.

— Забыл. Завтра с утра исправлюсь.

— Тогда вопрос. Уж слишком много событий сошлось в одной точке. Ты как будто знал планы грабителей. И как так вышло, что оборона никак не отреагировала на нападение?

Командир поманил полосатого, назвал несколько позиций, какие следует подготовить. Одну я расслышал хорошо: дровишек в печку подбрось. Иными словами, Уймистер хочет отвести «охотника» подальше, имея свой расчёт.

— Как ты объяснишь следователю старт твоей шлюпки, одновременно с грабителями? Со стороны может показаться, мы из одной банды.

— Так и будет: следствие зайдёт в тупик. Даже если и поймают этих парней,

напарника-то у них нет. Значит — не тех поймали.

— А как обычно «парни» поступают после операции? Меняют корабли, шлюпки.

— Этот приём давно не работает.

— Клещами из тебя тянуть, прикажешь?

— Просто женятся.

Я подумал, надо подгадать другое время, когда станет не до шуток.

— Я вполне серьёзно спрашиваю, а ты опять за своё. Больше не буду задавать вопросы, всё без толку!

— Ах, ты серьёзно? Ну, так и я не шучу. Женятся — именно в день нападения на кассу. За час, допустим, жених показывается в органах — костюм, ботинки блестят, причёска. Примелькался — и на борт. Взяли сейф — он снова на месте, крутится подле невесты. Свидетелей — батальон, всех не переспоришь. И службы уносят ноги, потому как свадьба, и желающих подраться всегда с избытком.

Мы с ладой переглянулись. Похоже на правду, — я кивком спросил: веришь ему?

Она пожала плечами.

— Так давай мы и тебя женим. Деньги нужны? Но на один сейф я не согласен, берём оба.

Уймистер потревожил пульт. Из технического коридора, в приоткрытую дверь, послышался голос Сорокового: «Беги!»

Он появился с планшетом, повернулся к командиру, и я рассмотрел четыре строки — это те задания, которые ещё не исполнил.

— Ты помнишь, у нас появился новый член экипажа?

— Я его видел уже сегодня.

— И как он?

— С трудом привыкает к нашим условиям.

Уймистер смотрел БороГоре прямо в глаза:

— И знаешь, что он задумал? Женить меня хочет!

Робот вздохнул — вот клянусь, с горечью опустил глаза долу.

— Не рекомендую. Тут не успеваем штатные мероприятия проводить, а чтоб за кем-то ещё ухаживать? — Сороковой тоже уставился на БороГору, говоря: — Так передать ему, чтобы все подобные глупости выкинул из головы?

— Будь добр, а то у меня времени в обрез.

— Обещаю — при встрече, обязательно передам.

Командир прямо готов облизать БороГору, знаки внимания оказывать не устаёт:

— Давно его видела?

— Около часа назад.

— Может, дать ему отпуск, слишком большие нагрузки, с непривычки наши будни могут показаться тяжким трудом.

— Какой отпуск? Старую Землю скоро позовут освобождать. БороГор готов идти туда, в первых рядах.

— Надо спасти его, создать условия, чтобы не сбежал, при первой возможности.

Они играли спектакль, я был единственным зрителем и решал, как реагировать. Похлопать просто — им этого будет мало. Надо что-то такое придумать, чтобы отбить охоту, раз и навсегда, подшучивать. Или избрать другую позицию.

Я — постоянный зритель, живу в театре, все репетиции и спектакли не проходят без

моего присутствия. Одна беда — я глух и слеп... По-моему, вариант неплох.

Автоматика подала сигнал. Мы прибыли на место, где кое-что планировалось совершить. Не салюты пускать, а что-то очень конкретное.

Монитор выбрасывал восклицательные знаки. Я присмотрелся. Оказывается, мы тащились за позывными маячка. Корабль этот мы видели впервые, а вот шлюпка подавала очень устойчивый сигнал.

Корабль уверенно сел на глыбу, четверо вынесли сейф и опустили в шахту. Всё правильно! Жених целуется с невестой, пока дружки избавились от главной улики.

Местечко выбрано со вкусом. Корабль может войти в пещеру и отлежаться, пока идёт облава. Операцию спецслужб объявили на всех частотах: за содействие в поимке, назначена приличная сумма. В их понятии — приличная, как по мне — так и даром не надо.

— Командир, меня немного настораживает факт, что мы действуем теми же способами, как и грабители. Получается, и мы работаем на систему?

— Их правила, иногда можно употребить с выгодой для себя.

— Это же бумажки, они ничего не стоят.

— Из-за бумажек многие расстаются с жизнью. Так что, какая-никакая цена, а есть.

Парни оставили маячки, спокойно убрались, предвкушая будущую сладкую жизнь. Сумму знают, поделили виртуально. Засвеченные номера должны отлежаться, пока...

— Стиральные машины отлично отстирывают всю грязь. — Уймистер уловил ход моих мыслей. — Это ещё одно звено системы — попробуй разбогатеть. Перекупщики, полировщики хвостов — эти ребята сегодня особенно популярны. Возьмём в пример этот сейф. В базе данных уже заложены номера всех купюр. Полировщики обнуляют историю так, будто их сегодня не помещали в злополучный сейф.

— Там побывала очень богатая дама. Уж её-то деньги были привезены и помещены.

— А по новым хвостам получится, что она денег из дому не брала. Эти номера к ней в дом не попадали вообще. И мороженое она ела, пила хорошее вино — ничего не заплатив.

— Но все же видели, что она платила!

Уймистер понял, что от меня так просто не отцепишься.

— Хорошо, запоминай, как отлаживаются моменты. Ни единого выстрела — первый признак, что крепостью занимались серьёзные специалисты. И не обязательно люди. Полно разных существ, кто умеет становиться невидимками. Он предлагает свои услуги, один попробовал, другой — и завертелась схема. Крепость тоже должна не спать, следить за новинками обороны объектов. Появляется представитель оборонного завода, предлагает обновить системы. Демонстрирует новейшие образцы, и обязательные слова: если в течении часа мы подписываем договор, то двадцать пять процентов скидка.

Хозяина, разумеется, интересуют сроки. На дни демонтажа игры отменяются, оборудование прибывает, старьё уходит на борт представителя. Программы запускаются, летают мишени — новый комплекс не оставил ни единого шанса. Хозяин обкатывает систему до двух недель, затем объявляет открытие сезона. Игроки уже соскучились, мчат — абонементы покупают, там полно различных лакомств первым. И комплекс выходит на проектную мощность. Толпы везут деньги, обороны вычисляет подозрительные борты. Служба появляется неожиданно, обезоруживает охрану корабля, и всё, до полного выяснения, почему системе ваш борт показался подозрительным.

Хозяин ликует: муха не проскочит. И сейфы помалу наполняются, и зритель идёт. Все счастливы, до дня «икс».

Движением руки я остановил его:

— Дальше понятно. А потом выяснится, что завод не имеет отношения к поставкам нового оборудования. — До меня всё равно не доходило, почему мы должны участвовать в круговороте вражеской денежной карусели. БороГора вмешалась со своим вопросом:

— Я в этом не разбираюсь, но есть свой вариант. Парни заложили в программу день, когда вся система слепа, оборона на нуле, и они преспокойно совершают налёт. Так?

Командир кивнул:

— Это один вариант. А вообще, в употреблении, сейчас около тридцати вариантов.

— Головы заточены под условия системы?

— Интерес к этой всеобщей игре подогревается вбросами: там ребятам повезло, сорвали куш. Новость порождает сотни желающих рискнуть. Сразу появляется необходимость в следователях, прочих группах нахлебников, кто только служит системе. Она для них, они для её благоденствия. И если человек всю жизнь подписывал бумажки, назначал штрафы, ловчил и был доволен положением, он же ничего менять не захочет. Кто-то на себе мешки таскает, и кому дано право решать: поставить печать на твою бумажку или погонять по календарю.

За разговором, мчало время, мне показалось: сейчас возьмём сейф и оставим с носом ребят, так талантливо провернувших дельце. Но команда с пульта поставила задачу двигателям.

— Командир! Мы даже не попытаемся глянуть на сейф?

Лада взяла вроде нейтральную позицию — мол, мне всё равно. Уймистер сделал удивлённые глаза:

— Ах, тебе нужны эти бумажки?

— Ну-у, я не знаю. Для БороГоры можно что-нибудь присмотреть на базаре.

— Так нужны или нет? — Командир вздел очи к потолку, как бы говоря: связался на свою голову.

— Какое-нибудь украшение, — уже не уверенно продолжил я.

— То есть, любой ширпотреб? То есть, ты готов безделушками изу... обвешать эту чудесную женщину?

Я не сдавался:

— Мы рядом, никуда не надо «жарить». (Как ловко я ввернул современное словцо!) Просто посмотрим и...

Уймистер умышленно затянул с ответом, некоторое время изучал нас с ладой, словно мы не знакомы, и ему поручили нас познакомить.

— Скажу, не глядя: сейф неизвлекаем. Тебе этого хватит?

— Одним глазком, неужели это так трудно?

Командир буркнул под нос непонятное словцо, кликнул Сорокового. Тот — парень хоть куда, словил на лету и направился к шлюзу. Нам осталось обнаружить его, проводящим мероприятие, на мониторе.

Глыба медленно причалила к нам, почти без толчка. Разломы и трещины выглядели устрашающе, ни один пилот не рискнёт остановиться на минуту: там, где можно сесть, сверху нависали груды камня, — того и гляди, рухнет в самый неподходящий момент, при посадке или старте. Да и сама площадка выглядела не очень, острые выступы запросто могут повредить днище либо опоры, — у каждого корабля свои особенности.

Полосатый тащил за собой трос, пристегнул в районе поясницы. Не впервой ему исследовать подобные объекты. Уймистер попутно комментировал картинку:

— Однажды нам крупно повезло. Мы отследили, что на такой же глыбе спекулянты устроили тайник. Здесь примерно такая же обстановка.

— И что? — напомнила лада.

Как он любит мгновения, когда она склоняет его к разговору.

— Полный ангар запасных частей. Прямо на месте, можно было бы собрать полсотни подручных.

— Роботы имеются в виду? — Спросил его, но смотрел на лад. Помогла вывести приятеля на серьёзный разговор. Поцелуй на расстоянии был ею ободрен.

— Ро... да, конечно. Сороковой обратился ко мне, со словами: я встану на колени, но ты должен разрешить мне сделать запас для личных нужд. Как помню, где-то у нас спрятаны шесть ног, рук — что-то около дюжины; одну он уже переставил, заменил повреждённую.

Лада вздохнула:

— Оказывается, и у подручных имеется мечта — ещё разок попасть на ту глыбу.

— Возможно, я не уточнял. — Командир следил, не отрываясь, за действиями полосатого. Тот, специальным щупом, исследовал путь, на предмет установки мин или других чудных штук, какими спекулянты стараются обставить хранилище. — В тот раз Сорокой на mine подорвался. Пришлось выходить и оказывать помощь. Ног оказалось с избытком, да для разных моделей. В ассортименте были только правые ноги, мы с раненым обсудили факт и решили: где-то есть склад с левыми ногами. На будущее надо иметь в виду, сходим налево... как, говорится.

— Нам же не стоит брать, даже если и получится открыть? — Лада подала голос, уразумев, что её здесь рады слышать.

— Допустим, здесь не один сейф. Что-то завалилось от прошлых походов.

— Что нам может помешать взять те? — вопрос напрашивался сам собой, на реплику командира.

— Реформы. Когда система понимает, что слишком много наличных отложено в чулки, то новые образцы выскакивают из печатного станка. Для законопослушных граждан организуют обмен старых денег на новые, в известных пределах. И парней снова принуждают совершать новые набеги на кассы. Не будешь же спать на матрасе, полном негодных бумажек, так ведь?

Сороковой подал изображение на монитор.

Щупом указывал места, которые обеспечивают неизвлекаемость предметов из шахты. На бумаге нарисовать — проще простого: две плиты, с вырезом под лифт, клиньями сдвигаются навстречу. Поди догадайся, что их нужно вытащить, и только после ломиками раздвинуть плиты.

— Под этим сейфом, глянь, есть другие? — Командир почувствовал, что есть: половина мозга уже соображала, что из химических реактивов можно докупить. Тут уже решал «изобретатель», не командир «Охотника».

Щуп с миниатюрной камерой начал спуск в шахту. Потом была привязана верёвка, и спуск продолжился.

— Я вышел бы на помощь, командир? — Само собой, эти слова предназначались БероГоре. Построю дом, сам всё буду добывать и радовать лад.

— Хочешь обидеть Сорокового?

— А он обидчивый? — И снова до меня дошло: месяц розыгрышей ещё не завершился.

— Он перестанет себя уважать, если в простейших задачах примет участие кто-то

ещё. — Мистер Уймистер пустился в воспоминания: — Помнится, я спрашивал у него: может, собрать тебе команду подчинённых? Будет отдавать приказы и следить за исполнением. Вот угадайте, что он ответил?

— Обойдусь своими силами?

— Не хочу отвечать за чужие жизни, — предложил и я свой вариант.

Он победоносно глянул на нас.

— Почему-то женщины всегда оказываются ближе к цели, — в наших условиях, не на старой Земле.

— Интересно, — сказала лада. И ему отвертеться не удалось:

— В двух словах если, то... — как бы извиняясь за поднятую тему, сказал: — Враг настолько сумел всё перевернуть с ног на голову, что вам и не снилось. Пример, что приведу, может не понравиться, но это чистая правда. Когда на одного мужчину остаётся пять женщин, после каждой войны наблюдается такое, женщины лишены главного в жизни, и отсюда начинаются отклонения от нормы. Поиск утех, без постоянного мужа. Система так повернула законы, что одиноким матерям мужчины платят деньги. И для женщин, раз мужей недостаёт, подготовили искажение прежних отношений, вбили в головы очевидную глупость: главное — дети. Муж может быть и не быть, дети отнимают без остатка любовь матери и время. Но после, как вырастут, мать получает ответ, за неверное понятие. Они потом женятся, и матери не возвращают того, на что она рассчитывала. Пока молодые живут своим понятием, что им довольно друг друга, у них дела идут. И материнские претензии на участие сразу же вносит разлад в сложившуюся семью.

— Это на самом деле так? — лада моя покрылась пунцовой краской, впервые я заметил эту особенность. — Тем более надо идти на Землю! И навести порядок! Я и мой муж, только так. У детей свои семьи, а мы обязаны хранить свою. Да-а уж, теперь я сама готова идти в бой, яр будет со мной рядом, до полного изгнания захватчика!

Уймистер даже забыл, что у него член экипажа за бортом.

— И это ты не знаешь про другие издевательства. Держи! Женщин принудили рожать, лёжа на столе. Врачи тамошние требуют: тужься! Рви мышцы, внутренности — авось, сдохнешь! Чтоб больше не захотела рожать. Роженица прибывает в роддом — сразу в кровать, и лежи, жди, пока не вмоготу станет. И младенцу может не повезти с акушеркой: иная свернёт ему атлант, и инвалид, на всю оставшуюся жизнь.

— Как это?

— А ещё женщины заливаются кровью, раз в месяц. Их чёрные жрецы сделали дойными коровами, потоки крови — для подпитки разных существей.

— Но есть же и русы среди врачей?

— Они не в теме. Они честно исполняют долг, спасают. Но рядом с ними всегда орудует банда чужих, кто уговаривает молодых матерей сделать аборт, кто торгует убитыми младенцами. Человека они вообще рассматривают, как склад для запчастей. Торговля органами — самое прибыльное дело. Особенно на полях сражений. Специальные команды отбирают самые востребованные материалы. Для пришлых, кого одолевает планета вибрациями. Им худо — установят органы одного из убитых, и на какое-то время хватит.

Лада вскочила и умчалась, куда глаза глядят. Я следом, мельком бросил взгляд на монитор. Полосатый, похоже, сам заинтересовался, что в шахте есть ещё.

Я сам почувствовал себя не в своей тарелке, летя в каюту, следом за ладой. Она рухнула на постель и закрыла лицо руками.

— Яр, дай мне побыть одной. Я должна с этим справиться сама.

Любимая угодила под каток обстоятельств. Пока мы далеко, нам не очень понятны беды собратьев, пока не столкнёмся с истинным положением в их землях. Я не знал, как утешить ладу. Вернулся, сел к столу.

— А как наши женщины рожают?

— С улыбкой. Ни малейшей боли, потому у нас рождается много детей. Условия же на Земле — одного с трудом, в крайнем, двоих. И банда создаёт условия: вы больше не сможете рожать, зашивают всё, чтобы впредь не случилось.

— Сколько ты пробыл на Земле?

— Девять месяцев. Хотел раньше убраться, но когда увидел всё это, тут меня и разобрало! — Уймистер опустил пульт, предоставил полосатому полную свободу действий на глыбе; он и исчез из виду почти: подошвы торчали сперва, затем исчезли вовсе. — Я могу обрисовать положение в общих чертах. Две группировки бьются за власть на планете, вроде как кровные враги. Но решают одну задачу — максимально сократить белое население, как коренное. Есть и незримое управление, которое хорошо считает данные переписи, когда начинать войну. Мужского народу решат поубавить, и женская часть станет покладистой, возьмётся за старое: самим выживать, детей поднимать. И снова всё по кругу, по отработанной схеме. Прививками заражают юное поколение, чтобы с годами взяли верх подсаженные паразиты. Потом, если не техногенные аварии, то войны.

Головонька моя гудела.

— Две группировки, говоришь. Они же тоже чем-то отличаются.

— В России испытывают бедностью, за океаном — достатком. И бедные ненавидят богатых, такой вот дешёвый приёмчик. А на домашних мониторах всегда показывают страны с ужасающей нищетой, — мол, вам грех жаловаться. Терпите и молчите, лучше молитесь, чтобы вас сия доля не постигла.

Разговор разговором, а Сороковой довольно скоро освоился. Как ему удалось выдвинуть из шахты сейф — вопрос для меня остался открытым. Нижний сейф выпорхнул следом, полосатый приступил к беседе с запорами, на своём языке затеял знакомство. Меня так и подмывало спросить — он лифтёром где-то работал? Уж больно уютно, по-хозяйски орудует в шахте.

Но поберёт силы, не дал пищи для нового витка фантазий. Уймистер вновь завернёт какую-нибудь историю, хоть беги на «Б-2403». Корону победителя не успел примерить, и тут не поспоришь. Флот лишился одного корабля, и до времени не поднял тревогу. Командир пояснил: тактика такая, тайно наводят справки, рассылают осведомителям особые приметы и номера деталей. Тут бы нам и вычислить этих агентов, только сделано по уму. Где-то разбился корабль, к нему вылетает гражданин, под видом зеваки, уточняет номера. Если совпадут — один из флотов объявит об аварии линкора; трое суток слово «авария» продержится на слуху, затем её подменит окончательное «гибель».

Капитан ещё рассказывал, как подготавливают массовое сознание к трагедиям: сначала оставляют надежду родным, потом выливают на головы итог. И поток страданий возрастает многократно.

Командир присматривал, как налаживает контакты с сейфом Сороковой. Тоже учится, не иначе. По роду деятельности когда и самому придётся вскрывать; это же подчинённый: может в отпуск уйти, заболеть... Я в их отношениях пока не разобрался, но за результатами следил. Полосатый рук не распускал, просто разговаривал с запорами и вычислял момент.

Если прислушаться, то до нас долетали звуки смазанных частей. Замки пришли в движение, крутились как бы по просьбе понимающего товарища. В какой-то миг, то ли ему пришёл сигнал, то ли сам догадался, он протянул руку и потянул.

Сейф был доверху набит пачками бумаги. Беглый досмотр с предъявлением купюр я наблюдал впервые. Сороковой размещал перед камерой образец, командир отказывался — мол, нам они не подходят. Только в нижнем отсеке хранились пачки, к которым у нас появился интерес:

— Сколько их там?

— Шестьсот стопок, по двадцать четыре пачки.

— Ну, этих возьми. Половину. Надо же и о других подумать.

Полосатый скинул в шлюз добычу, вернулся, чтобы убрать следы пребывания. Помахал ручкой глыбе, на прощание. И маячок поставить не забыл. Всё правильно, я, хоть и практикант, все действия одобрил. Коснётся мне сейф однажды облегчать, то буду действовать так же, по наглядному примеру. Всё-таки, есть польза и от полевых занятий.

И вот тоже интересное наблюдение сделал. «Охотник» таскает на себе, как нарост, инородное тело. Если мы что-то взяли, то правило равновесия требует с чем-нибудь расстаться.

— Командир, сколько мы будем таскать на себе эту вражью посудину?

— А что, сильно мешает?

— Помню, на спор тяжести таскали. Уже и сам не рад, что вызвался поспорить. Брёвна носили к великанам, ложе они себе мастерили.

Уймистер послал запрос, и на определённой частоте ему пришёл ответ.

— Скоро будут. Сам должен понимать, разборка линкора дело новое, надо же связи новые налаживать, специалистов подключать. Знакомый, кто промышляет демонтажом, продал детали купцу, а тот продал на военный завод. Они там раньше срока сдали корабль, так попросили ещё деталей подкинуть. Премии им там какие-то выплачивают.

— Получается, завод выпускает, мы перехватываем и разбираем, купец возвращает на завод то, за что работники уже получили деньги.

— С нашей помощью, быстрые деньги. — Командир указал мне на место старшего, посидеть я могу, пока он примет у Сорокового товар.

Часа через два, недалеко от нас, подал позывные выдавший виды сухогруз. Он нас не видел, хотя точно знал, мя рядом.

— Командир!

— Бегу! — Уймистер вышел на связь, перешёл на кодовый диалог. Чуть погодя, мы ощутили толчок. Осталось пожелать монтажникам управиться к утру, потому как носятся кругом все, кому ни лень, мешают друг другу. А убрать часть транспорта — может, и порядок сам по себе восстановится.

По мере продвижения работ, знакомый выходил на связь и уточнял детали, как лучше поступить.

— Маячки наши, я пришлю студента, он заберёт. А вот эту деталь, сзади тебя... — Уймистер вновь перешёл на язык кодов. Если я верно расшифровал, то деталь в заводском номером нужно сбросить на планету, в горах. Забавно присутствовать на уничтожении линкора, без применения взрывчатых веществ. Я следил, как разумно размещались узлы на сухогрузе. И как-то само собой возникло сравнение. Хозяин сходил на охоту, подстрелил зверя и принёс хозяйке — сегодня готовь ужин из зверя.

— Я с тобой пойду. — Полосатый тронул за плечо. И мы отправились за маячками. Отсеки как-то сразу утратили запах жилых помещений. Мёртвый корабль, гулкие ступени. Само эхо как бы участвует в разборке секций. Наружную оболочку будут разбирать в последнюю очередь, это понятно. Порадовало число специалистов — больше сорока, и каждый в своей стихии. Энергоустановки, связь, освещение — так ловко провода сматываются на катушки, простые роботы-тележки увозят сразу, чтобы не мешали под ногами. Механики своё, настилы местами убраны, можно загромоздить на нижний ярус.

Полосатый шёл впереди и крепил фалы с крючьями, сами крючья с секретом. От десятого рывка, внутри срабатывает «шайба», и крюк сам отделяется от опоры. С таким оборудованием только и ходить по стройкам.

— Когда не строят, а разбирают, как назвать мероприятие?

— Как ни назови — всё будет правильно, — полосатый помог спуститься ниже, я ухватился за руку его, и она растянулась, точно резиновая.

На нижнем уровне хозяин указал на два ящика с маячками.

Тем же путём, мы вернулись на борт, командир приказал проверить, все ли исправны.

— Думаешь, строители их умышленно повредили?

— Не умышленно, БороГор, а в силу темпов работ. Где надо откручивать, они ломиком вырывают. Скорость — главное условие.

Укладываясь на ночь, мы с БороГорой слышали грохот мыслей. Так-то шума не слышно, но те, кому поставлена задача, старались на совесть. Подозреваю, Уймистер пообещал премиальные, если справятся к восьми утра.

Ладу лучше пока не трогать, она погружена в себя, вынашивает не только планы. Вот не знаю, как быть. Если первой родится дочь, то я иду по стопам отца. Говорить БороГоре не хочется, поживём — увидим.

И проснулись с непонятным облегчением. Как в лодке на волнах — ничто не стопорит, полная свобода.

В рубке никого. Видимо, отправился принимать результат. Монитор отдыхал.

— Он на спящем режиме, — пояснила лада, следом за мной подалась на главный пост.

— Как ты?

— Немного полегче. Слишком болезненно воспринимаю рассказы с яркими образами.

— Хочешь, я поговорю с командиром?

— Не стоит, это уже в прошлом. Просто... — она огляделась и присела на своё кресло, — мне теперь нести эту ношу, пока Земля не вздохнёт свободно.

Полосатый принёс завтрак.

— Я отлучусь, мистер Уймистер хочет сделать хорошее предложение хозяину. Если так дальше пойдёт, мы с четвёртым флотом станем лучшими «друзьями».

— И привлечём внимание других флотов?

— Это юмор? Юмор! — Индикатор заряда у него колебался в рубиновой зоне.

— Сам бы подкрепился.

Он довольно подмигнул:

— Я же тебе говорил, здесь некогда за собой следить, задача за задачей. — Он пропал в направлении к шлюзу. Я потревожил пульт, монитор ожил. «Охотник» снова выглядел безукоризненно, разве только на слишком опасном расстоянии, за прозрачным тоннелем, торчал сухогруз. Просматривался рисунок на носу — пасть хищной твари. Ну, тебя нынче накормили до отказа, сытое брюхо, все довольны.

Восклицательные знаки на мониторе, их обычно не больше шести, а тут дюжина. Надо звать командира. И как хорошо, что он завершил переговоры с мастером своего дела.

— Я на месте, одну минуту! — его голос вселял уверенность. Всё у нас получится, мы только в начале пути.

В сопровождении помощника — просто сплошное удовольствие наблюдать за этой парой.

Уймистер пробежал глазами по цифрам, улыбка становилась шире и шире.

— Ох, ты ж ловкий! Вы только подумайте! Четвёртый флот временно покидает зону контроля. Причины не ясны.

— А что остаётся думать? Двух линкоров недосчитались, — сказала лада.

7

Сведения стекались отовсюду. Наши экипажи ликовали, поздравляли с наступившим днём. Это число расшифруют позже, для учебников, как тридцатый день правления Перуна, в его же лето. Собственно, он наступил вчера, с полудня, но порадовать таким подарком — вот такого никто не ожидал!..

«Охотник» обменялся сеансом связи с бортом «Б-2403», другие корабли что-то разболтались в обычно тревожном эфире.

Прошёл известный код по мониторам — и эфир очистился. Уймистер уставился на очередной код, начинающийся с девятки.

— Интересно, что бы это значило. Давненько не обновлял, да и всё труднее в голове держать весь список. «Девятка» — это что-то про варианты будущего, сей час уточним. — . Он сделал запрос, ответ пришёл кодами. Я его не торопил, понимая, что это серьёзно.

Впервые я наблюдал, как на листе бумаги командир ведёт расшифровку. И лицо выражало ту же сосредоточенность, с какой он проводит опыты.

— Ах, вон оно что! — Ещё разок он пробежал глазами свои выводы. — Оказывается, у командования давно копились претензии к руководству флота, кого-то отдадут под суд. Четвёртый флот целиком отозван, на его место прибудет другой.

— Что это меняет?

— Есть сведения, готовят специальную группировку, и назовут её флотом, присвоят номер. Он может состоять из разных тварей, людей среди личного состава может не оказаться.

Вывод напрашивался сам собой:

— Нам решили отомстить за гибель линкоров.

— Очень даже может быть. Значит, противостояние перейдёт в другую фазу. И «пьяный наводчик» теперь не прокатит.

Я зажмурился, пытаюсь для себя перевести сказанное, укомплектовать в понятную фразу. Сослаться на проступок члена экипажа можно лишь однажды, мы проглотили, но повтор ситуации даст подсказку: и в первом случае была провокация.

Уймистер, как хозяин, устроил себе лабораторию в соседнем отсеке. Просьбу БороГоры исполнил, и если там что-то взрывалось, то мы не были в курсе. А вчерашний день он посвятил обучению, и нынче два пилота управляли «охотником» ничуть не хуже. Сам выбрал точку, куда мы должны добраться, и гребите: это, считай, как экзамен.

Мы гребли усердно, на свободных отрезках поднимали скорость, сбрасывали у скоплений объектов. БороГора предложила срезать угол — через скопление. Просветов много, трудно представить, что где-то напоремся на «мешок», когда придётся давать задний

ход.

Я не вмешивался. Пусть попробует сама, коль захотелось. На самой малой скорости, мы проскочили первое препятствие. Пока она управляла, я отслеживал, есть ли на глыбах маячки. Заодно сделал запрос: если эти объекты собрать в кучу, мы увидим первоначальную форму?

Сканеры легко справились с задачей, выдали на монитор фрагменты. Автоматика, придав деталям вращение, составила куски в единую тушку. Получилось что-то вытянутое, с загнутыми концами.

БероГора оценила усилия:

— Сам сообразил?

— И немножко автоматика.

Она, без особого интереса, обвела жёлтым маркером форму на мониторе.

— У меня появилось ощущение, что её попросту расстреляли. Кому-то не понравилось уродство, а руки чешутся. Как и мы, сдавал свой экзамен на стрелка.

— Ты с ним знакома? — Я решил попробовать себя на поприще словесном.

— Хочешь разыграть меня? Далеко тебе до известных мастеров.

— Но как быстро ты с ними сошлась!

— А мы узнаём равных себе издалека. Тоже талант — подхватить идею, с первого слова.

— Это я заметил. — Поскольку мы находились на одинаковом расстоянии от монитора, то и она должна бы заметить всполохи. До них довольно далеко, но мои глаза обнаружили.

— В левом углу ничего не замечаешь?

Лада мельком исследовала подсказку.

— Видеть — не вижу, но догадываюсь: с этой стороны есть угроза. Надо Уймистера предупредить. — Она вывела отдельное окно и дала увеличение. Я разглядел всполохи более чётко, получается, мой глаз опережает способности техники.

— Четвёртый флот ушёл, уж не замена ли ему спешит?

Она вышла на связь с изобретателем: «Обнаружили неприятное излучение. Сам подойти, посмотри».

Перевела взгляд на меня.

— Что-то давненько тебя не навещал Сороковой. Совсем забыл.

Я объявил поиск. Автоматика нашла полосатого в грузовом отсеке, шесть роботов висели на зарядке. Полосатый оказался без левой руки. В этой команде свои правила, и я немного понаблюдал. Сидят — перебирают узлы, чистят, смазывают, иногда и третья рука пригодилась бы.

Сороковой одного робота остановил, на своих частотах что-то произнёс. Тот повернулся боком, и начальник отсоединил левую руку, приладил себе. Другому роботу вручил неисправную часть, чтобы разобрался и отремонтировал.

Ровно через две минуты полосатый принёс обед. На левой руке полосок не видно, — он думает, мы не заметим.

— Что с рукой? С левой рукой? — Я напустил на себя вид рассеянного знакомого, которому ответ, в общем-то, и не нужен.

— Уже порядок. Прозевал момент, когда следовало пройти обслуживание. Пальцы утратили обычную подвижность, появился нерабочий звук. — Он роздал контейнеры, потоптался. — Я могу уйти?

— Посмотри на левый угол монитора: есть ли там что-то необычное?

— Вы меня проверяете? — Полосатый развернулся ко мне, затем вывернул голову в сторону монитора. — Есть небольшое скопление, двигается в нашу сторону.

— Это могут быть корабли противника?

— Разумеется, но лучше не опережать события. Станет понятно, лишь подойдут ближе.

Командир столкнулся с Сороковым в дверях, кивком спросил — что ты тут делаешь?

— Обед доставил.

— Ой, а я на время не смотрю! Где моя порция?

— Через минуту будет на рабочем столе.

— А знаешь, давай сюда!

Выуживая из контейнера скользкие плоды, командир впери́л взор на монитор. Мы ждали — он старательно жевал. То ли порция меньше, то ли проголодался — он отставил контейнер подальше, сколько рука дотянулась. Набрал с пульта помощника:

— Ещё порцию. Что-то я не наелся.

А полосатый будто ждал за дверью — вошёл со второй. Что же за умное существо такое, что, и хотел бы придраться, да повода не даёт?

Уймистер вновь, обсасывая жирный сок с пальцев, таращился на монитор. Заглянуть бы внутрь этой вечно занятой головы: какие идею в ней толпятся и вытесняют друг друга.

Контейнер опустел, свободу обрела одна идея:

— Если не изменяет память, в таком порядке шатаются по вселенной людоеды.

— Кто их звал сюда? — сорвалось у меня невольно.

— Ты правильно вопрос поставил. Тот, кто потерял две боевые единицы. Не командующий флотом, это мальчик для битья.

— Считаешь, у нас есть возможность подойти близко и не быть обнаруженными?

— Они хоть и тупые, но есть на вооружении у них старый метод. Маячками создают в тылу у себя поле, оно выглядит как сетка координат. На её фоне отлично просматривается любой мелкий предмет, размером не меньше головы. — Уймистер, по всему, уже погрузился в расчёты, ему только нарисуй задачу. — Искать надо, — или сетку рвать, или подобрать инструменты, выйти на следующий уровень «невидимки».

Невидимками все хотели бы стать или побыть хоть на время облавы. Когда лада вела «охотника», я анализировал ход операции по захвату старой Земли. Чтобы такие силы собрались для покорения одной планеты, на то должно быть согласие Главного Ока. По источникам, согласие нигде не зафиксировано, но это уже и не так важно. Я мысленно себе представил ситуацию: если что-то пойдёт не так, то мы приказа не отдавали, военные сами сговорились меж собой, нам оставалось лишь принять происшедшее за свершившийся факт. Мало ли удачных операций было проведено? Наши территории приросли, так и не за что кого-то осуждать.

Вот со жрецами не всё понятно. Длительные попытки провести переговоры в то время, когда боевые действия начались полным ходом. Если бы это касалось Марса, других земель, то тут ещё что-то попробовать можно было, хотя бы потребовать отвести ударные группы и позволить местным властям зализать раны. Уже всё, ваши условия приняты, мы платим дань, зачем же доводить до полного разрушения? Соппротивление оказалось настолько слабым, что на второй день власти согласились на все условия. Нет, надо утюжить и уничтожить культурные центры, неповторимые дворцы, каких поискать.

А Земле-старушке выпало испытание и того похуже. Бросалось в глаза, что планетарная

сеть подверглась планомерному уничтожению в первую очередь. Из сорока тысяч пирамид, поддерживавших баланс энергий, случайно или нет, уцелела лишь десятая часть. Жреческие армии, собранные накануне, лишились постоянного источника подпитки, они могли употребить потенциал настолько эффективно, что нападающих трижды отбрасывали за орбиты дальних земель. Союзники вновь собирали полки и эскадры, приказ от Главного ока вновь нигде не зафиксирован, но мало кто сомневался, откуда он поступил. Ложное обвинение, будто по планетам рептов был нанесён удар русским оружием. Разбираться никто и не подумал: русское оружие — значит, русские и применили!

Подделка, может, и проскочила бы, да подкачала режиссура: появилось слишком много роликов о бедствиях рептов, буквально с места событий. Операторы постарались на славу: русские напали первыми. И никто не пошёл за доказательствами, известными издревле: русские первыми не нападают. Они только организуют оборону — на первых порах, с тем, чтобы войти в логово зачинщиков и там навести порядок.

Я упирался всем существом в карты, читал по стрелкам, кто и откуда наносил удары, ещё не совершив посадку. Попутно просматривал комментарии, как реагировали жрецы на события. Для связи между континентами ещё не создали искусственных преград, жрецы отлично слышали друг друга.

Первый плацдарм на суше союзники организовали в Европе. Америка сбила два аппарата, жрецы местные умудрились каким-то образом, и весть разнеслась во все уголки русских земель. Врага можно бить, несмотря на техническое превосходство!

Союзники отвели силы, провели работу над ошибками. Вперёд пошли дроны. Охота за теми, кто взялся за оружие. Война проще отличить от не участвующего в сопротивлении. Камеры фиксировали каждый шаг охоты: дрон шёл по пятам руса, настигал и выпускал единственный патрон, в область сердца. Промахи исключены, всё рассчитано до толщины волоса, и цель экспедиции — доказать преимущества технической базы. Ваши волшебные способности никогда не поспорят с разрывными пулями, как ни старайся!

Позже, эти охоты были применены при разработке компьютерных игр, с той лишь разницей, что картинке искусственно придавался вид нарисованной мультипликатором.

Полосатый не тревожил, что говорило о полной загрузке. Старался за двоих, не иначе. Я поглядывал на командира и таил вопросы. Некогда ему. «Охотник» шёл к скоплению, как на прогулку! Словно мы заехали на базар пополнить запасы.

Терпение заканчивалось, как я ёрзал в кресле, дошло, наконец, по назначению!

— Говори, пока есть минутка.

Как же я был признателен командиру!

— Мы так смело подходим к группировке...

— Смерти не существует.

— Смелость, конечно, имеет свои потенциалы.

— Плюс расчёт. Не сочти за дурака, который сунет руки в костёр.

Меня чуток настораживало, что противник чистил себе путь дроблением глыб. В целом, картинка выглядела так, будто плуг прошёлся по целине. Скопления вне маршрута сохраняли спокойствие, но кому не повезло оказаться на пути, готовились к новому циклу воплощения.

Лада волновалась, приглядывая за мной. Тревога передалась и ей. Как мудрая женщина, она подала знак, добилась внимания: «Всё будет хорошо», — произнесла одними губами.

Я вторил ей, уговаривал себя не поддаваться панике. А скопление вражеских кораблей и было рассчитано на внушение страха. Больно много их, для прорубания узкой тропы.

Увеличение позволило рассмотреть первые ряды. Командир иногда нисходил до комментариев.

— Это свежие разработки, в обход запретов. Они действуют по негласному одобрению. Совет наций настоял, чтобы группировке не поставлялись современные образцы, да рекомендации исполняют лишь те стороны, кто может пострадать от новых, адресных указов.

— Репты — единственные, кому закон не писан?

— Эту силу подкармливают многие, будто и соперничающие стороны. Только при захвате Земли, они все союзники, бывшие и настоящие. Раскол больше на публику: если кого-то возьмут за жабры, то мы с ним не дружим. А эта группировка кормится и живёт за счёт всех, кому однажды может понадобится. Когда другие методы не помогают, есть такой полицейский: любой приказ исполнит, не раздумывая.

«Охотник» заходил с фланга. Гирлянды крупных линкоров придерживались единого порядка, будто помещённые в банку. Вокруг группировки рыскали разведчики и артиллерия, уничтожали все объекты, на которых можно замаскировать заряды. Торгашам, чьи глыбы использовались по назначению до сих пор, сего дня не повезло: склады с готовой продукцией измельчались в пыль, маячки не откликались на запросы.

Уймистер иногда сам контролировал работу генераторов, оставлял пост и отправлялся уточнять, справляется ли Сорокой. Тот частенько мелькал тут и там, на пределе заряда.

— Я за тобой ещё должен следить! Немедленно на зарядку!

И полосатый откладывал задачу, подключался к источнику. Со стороны было забавно наблюдать за преданным делу роботом. Как-то не встречался до сих пор такой экземпляр.

Уймистер сам определил зону, дальше которой углубляться не стоит. «Пусть пройдёт поезд». Видимо, мы попробуем на прочность тыловую решётку. Корабли, замыкающие группировку, других задач не имели, как ставить заградительную сеть. Они и цветом отличались — сплошь красным выкрашены основные поверхности, на иных нет опознавательных знаков.

— Они сильны, как никогда прежде. По крайней мере, молодому поколению внушают именно такую уверенность. Дошло до того, что громогласно заявляют, что в ту кампанию, с союзными войсками, они себя не могли показать полностью. Теперь развивают идею о том, что та сила, которой располагают на данный момент, вполне справилась бы с русскими, без помощи со стороны.

— А союзники?

— Не нравятся им такие разговоры, потому и проводят тихие мероприятия по укрощению потенциала. Вовремя не стреножь — получишь головную боль.

— Ловчат с вооружением?

— Вооружение почти то же, с небольшой разницей в системах наведения. Кабы не вздумали нанести удар по своим, кто требует подчинения общим нормам.

Красные корабли плели сеть, заполняя вытопанную тропину многочисленными ловушками. Тут напрашивался пробный шар: пустить глыбу с маячком, пусть прощупает порядки. Хотя да, лучше не давать повода. Идёт стадо — ни малейшей тревоги, пусть шагает.

Наша пена, вдруг подумалось, в этом случае может показаться без пользы. Не имеется на борту нужного количества — первое, и второе: повторяться — значит, проявить слабость. Ищем другие способы, — я поглядывал в затылок изобретателю: на тебя одна надежда!

Полосатый носился с химикатами, готовил рабочее место в отсеке по соседству. Стало

быть, как созреет идея, мистер Уймистер отпросится на часок. «Я отлучусь ненадолго, вы тут без меня уж постарайтесь», — мы с ладой ждали именно этих слов. Они так до обеда и не прозвучали. Полосатый доставил обед, замешкался, маяча у главного монитора. Между командиром и помощником свои тонкости, словно они прекрасно понимают и дополняют друг друга.

— Возможно, ты прав, — совсем неожиданно сказал в монитор изобретатель, напихал в рот из порции, жуя на ходу, кивнул нам:

— Вы остаётесь! Смотрите в оба! — И поспешил за помощником. Получается, тот мимоходом подал идею, которая не давалась, а вдвоём одолели.

БероГора взглядом пожелала им удачи, взяла управление на себя. И я не посмел отвлекаться, имея перед глазами армаду рептов. Тропина продолжала рост, внедряясь всё глубже в зону, которая прежде была закрыта для посещений группировкой. Ну, не хотели их видеть, согласовали координаты, подписали договор. Он аннулирован сего дня, и возражающих не видно и не слышно.

По курсу — обычный базар, и мы заинтересовались: зайдут или сотрут в пыль?

Обошли. Командующий, видимо, посчитал, что пустить кровь всегда успеет. И лишним разговорам повода не дал. Командующие сменяют друг друга, суть армии остаётся прежней. Наши жрецы умеют с именем работать, но, как правило, имя командующего берегут от чужих ушей. Есть представитель, готовый ответить на поверхностные вопросы прессы, есть помощники, следящие, чтобы лишнего не сболтнул который. Опасней другое. Кто-то научил рептов, дал подсказку: хотите стать равными среди равных — старайтесь: чем больше приблизитесь к человеческому облику, тем будет проще находить общий язык. Равные права подразумевают общие сходства, а о чём можно говорить с людоедами?

— Яр! — БероГора указала мне на планшет. На своём она нашла нечто, заслуживающее моего внимания. В почтовом ящике лежало сообщение, под шапкой «Интервью».

8

У всякой власти случаются кризисы, их избежать не представляется возможным по одной причине: во всех мирах есть чёткое разделение на тружеников и паразитов. Одни создают материальные блага, другие пользуются, без угрызений совести, что блага отняли у тех, кто мог их употребить сам. Посему власть изыскивает механизмы, как сгладить недовольство, создаёт или находит среднее звено, иначе — посредников, на чьи головы в первую очередь обрушивается гнев создающих. Профсоюзы, карманная оппозиция — как ни назови, они простые исполнители. Именно это звено позволяет власти воспользоваться паузой и выбрать вариант усмирения. В известной истории, однако, случаются события, какие трудно предусмотреть. В первую очередь, это касается союзников, с кем проводились совместные экспедиции против инакомыслия и неудобных лидеров, кто мутит воду и тормозит развитие прекрасно отлаженной системы.

Можно обратиться к примеру рептов. Союзники в прошлом, сегодня они тянут одеяло на себя и требуют равных прав. По заказу свыше, и проводились мероприятия, призванные ткнуть носом тех, кто хочет равноправия, не имея ничего общего с человеческими ценностями. Показательно одно интервью, прекрасно доказывающее невозможность признать за рептами равных прав с главенствующей расой людей.

Поскольку разговор давно назрел, представитель командования рептов откликнулся мигом: «Готов прибыть в указанное место, ровно через двое суток».

СМИ подготовились. Чем пичкали представителя советники, все надеялись услышать в

специально подготовленном дворце, за пределами столицы. Охрана обеспечила полную безопасность от проникновению неблагонадёжных журналистов, кто был бы рад просочиться и ахнуть сенсационными данными. То, что вопрос трудный и давно требует окончательного решения, чтобы избежать в будущем недопонимания, ни для кого не было секретом.

К исходу вторых суток, представитель прибыл. Для участников встречи, облик прибывшего оказался загадкой. Представитель и рассчитывал на такой эффект — мол, то ли ещё будет!

По специальным пропускам, занимая приглянувшиеся места, вся масса журналистов ринулась в зал, мешая и переругиваясь друг с другом. Представителю указали на место в президиуме. Первая часть собрания была посвящена прошлому: какие задачи оказались по плечу союзным войскам, участие рептов было отмечено отдельно, их армии воздали должное во всей красе. И прелюдия плавно повернула к главной теме — равноправию среди бывших участников союзных войск. Тут взял слово представитель власти, второй или третий заместитель по контактам, отдела главного управления и координации...

— Очень здорово, что мы собрались наконец-то рассмотреть очень старые претензии одного из основных союзников...

— Можно и без уточнений, — с места подсказал прибывший.

— Пусть так и будет, — согласился заместитель. — Поскольку я сам, да и многие из присутствующих сильно ограничены со временем, предлагаю перейти к сути повестки собрания. Равные права — между участниками известной экспедиции, блестяще завершившейся полной победой. Победой над таким противником, что сам факт заслуживает уважения и делает честь всем участникам. И сразу же приведу неплохой пример, убедительный и красочный. Вместе с нами, в той экспедиции, приняли участие морские обитатели, отряд хищников, частично уцелевший и продолжающий род на далёкой Земле.

— На старой, позволю себе уточнить, — подал голос гость.

— Это и без уточнений понятно, здесь все свои. И давайте договоримся сразу: я вам дам слово, когда потребуются уточнения отдельных моментов.

— Посмотрим.

Вот и приоткрылась завеса: гость получил инструкции, как держать себя, какие аргументы придержать для финала.

Заместитель проглотил намёк, постарался вернуться к своему курсу.

— Никто не готов спорить, на данный момент армия рептов не имеет себе равных. Но многие забывают, что оружие, дающее все преимущества, созданы и предоставлены нами. Двуногими и безхвостыми, как говорят в ваших краях. Имей тогда мы современное оружие, к ядерным ударам не пришлось бы прибегать. Тот эпизод, как принято обозначать в источниках, до сих пор остаётся актуальным. «Охотник» до сего дня не вызывает сомнений, как самый успешный элемент в атаке. Пока до противника дошло, что с дронами не тягаться, местные ушли под верхний слой почвы. Подземные тоннели множились с удивительной скоростью, жрецы преуспели в этом, соединили все континенты в единую сеть. Выкуривать из-под земли уцелевшие войска достаточно сложно, мы теряли живую силу в несоизмеримых пропорциях.

— На одного руса — двести и даже триста наших, — выдал гость, демонстративно зевнув. В его распоряжении множество фактов, это понятно, и как часто будет пользоваться статистикой — зависит от его желания.

— Не стоит повторять известные всем моменты. Мы же собрались говорить о другом. Вы — представитель армии. Ваше основное занятие — тоже говорить не надо, а мы другие. Пока нам никто не угрожает, мы возвращаемся к мирным будням и предаёмся радостям жизни. Рептам этого не понять, что у нас есть культурная программа, высокие потребности в созерцании, прослушивании и накапливании впечатлений. Мы находим удовольствие в прекрасно сделанных вещах, в красоте мелодий и картин. Вы рассматриваете всё с позиций — это съедобно или нет. Именно в этом заключается разница между нами: то, что нас радует, вы тому равнодушны, то, чем питаетесь вы, не подходит нам. Нас не радует вид крови, разрушенные города, но готовы потерпеть, пока не добьёмся главной цели. А вам ничего не стоит устроить отдых среди развалин, охотиться за выжившими.

Я привёл в пример морских хищников. Пусть бы даже заикнулись о каком-то равноправии. Мы к ним в гости, с визитом — в скафандрах, под воду, или они к нам: как бы выглядел вечер по случаю победы или чей-то юбилей? В аквариумах сидят их генералы, нас разделяет стекло. С рептами куда сложнее ситуация. Представьте, вам наступили на хвост. Как уже было дважды: пострадавший сорвал голову обидчику. В наших правилах такого не будет никогда! Поэтому и не мечтайте о мнимом равноправии солдата и художника, поэта или музыканта. Ваши самки кладут яйца. У нас другой способ размножения, и пока существует эта грань, нам никогда не быть рядом, жить по смешанным правилам. У вас ведь всё иначе, сначала изменитесь настолько, чтобы ничем не отличаться от нас, тогда и поговорим.

— Ты всё сказал? — Гость и не нуждался в ответе. Он сам для себя так решил. Поднялся на слишком развитые ноги, позволяющие ходить вертикально.

Заместитель был слегка напуган и счёл за лучшее не возражать.

— Так теперь я буду говорить. — Гость из тонкой заплечной сумки вытащил блокнот, раскрыл на первой попавшейся странице. Кипела внутри голубая, холодная кровь. — Ты упоминал оружие. Вы нам дали его. Никто не отрицает этого. Но оружием ещё нужно уметь пользоваться. Кто вам мешал?.. Командующий очень верно подметил: трусы охотно делятся оружием, только бы самим не брать его в руки. Мы были вашими руками. Мы добивались успехов, постепенно вытесняя из Европы русские поселения. Мы ими питались, а вы делали невидящие глаза и отворачивались. Вы презрительно взирали на оргии победителя, когда мы устраивали резню в городах. Предпочитали унести ноги, но фиксировали каждый подвиг. И как знать, без нашего участия, вы до сего дня покупали бы наёмников и в миллионный раз бросали бы на штурм Земли! Только наша тактика и методы привели к общей победе. Вы сидели на орбите, сидели в кустах и наблюдали, как мы умеем побеждать.

Да! Мы принадлежим к отряду рептилий. Мы откладываем яйца. И потому побеждают только те, у кого крепкие яйца. Не чета вашим. Художники и поэты, тьфу!

Так вот, завершая пустой разговор, буду предельно откровенен. Меня уполномочили дать вашей стороне одуматься и пересмотреть отношения. Мы уступили во многом, часть офицеров сознательно прошла операции по изменению внешности. Скоро от человека мы будем отличаться совсем не многим. Яйца будет откладывать, как прежде, а в остальном — мы ещё поглядим, кто больше похож на человека...

Помощник, прибывший вместе с представителем, подсказал что-то, на своём языке.

— Да! И глаза. Человеческий глаз не имеет тех преимуществ, так необходимых для охоты. Мы пробуем, экспериментируем, только забегая вперёд, я должен предупредить бывших союзников: один глаз мы сохраним родной, правый. С левым репты вольны

экспериментировать — кому, что по нраву. И... на этом всё, мой борт отправляется через тридцать минут. Я оставлю эту штуку на столе. — Представитель принял из рук помощника устройство, самолично громыхнул о поверхность столешницы. — Надеюсь, два или три вопроса кто-то из вас успеет задать, пока я буду добираться до корабля.

Собрание поднялось на ноги — для проводов высокого гостя. Понятие рептилоид претерпевало изменение именно в эти минуты. Четыреста пар глаз впервые наблюдали репта без хвоста. Может, показалось, с первого раза не разглядели?

Все с нетерпением ждали минуты, когда репт пойдёт на выход из дворца.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net